

Под звонким старинным сводом каждое слово, даже сказанное потихоньку, осмотрительно и вкрадчиво, звучало особенно выразительно. Те слова из уст суровых судей с задеревенелыми лицами, скованными судорожным страхом от присутствия императрицы, почтенных сановников, Орлова, Глебова и Шешковского, те слова с удивительной легкостью поднимались в высь, зато падали оттуда на плечи митрополита тяжелыми камнями.

Судили митрополита Ростовского Арсения Мациевича.

Желтоватый свет многочисленных свеч делал старшими и более сухими лица высоких иерархов Тимофея Московского, Амвросия Крутицкого, Димитрия Новгородского, Афанасия Тверского, Гавриила Санкт-Петербургского, сидевшими в ряд, и даже лицо самого молодого, тридцатилетнего епископа Гедеона Псковского, привычно резвого и непоседливого за церковными стенами, казалось сейчас вырезанным из старой пересушенной липы.

С ближайшим окружением императрица Екатерина Вторая сидела молча поодаль, и только пламя свеч отблескивало то на одном драгоценном камне ее наряда, то на другом, словно перебегало от легкого движения головы из брильянта на брильянт.

Митрополиту не подали стул, он стоял перед судом в полном облачении, которое полагалось его сану, стоял и мысленно молился, чтобы даровало небо терпение и смиренности, чтобы, привычно порывистому и пылкому, ему не изменила рассудительность.

В свои лета, которые тихо шелестели за спиной, Арсений Мациевич не мог обижаться на светских судей, потому что не судьи они ему - слишком много ведал о них. О недавнем подьячем, а в настоящее время обер-прокуроре Глебове, не только Петербургом и Москвой ходили легенды об умении давать и брать взятки, но и гуляли за лесами и перелесками самыми отдаленными губерниями. София Фредерика Августа Ангельт-Цербтская, перекрестка из выгоды, что из лютеранки стала православной Екатериной II... Фактический руководитель Тайной экспедиции Шешковский, что, потешаясь и приветливо улыбаясь, лично выбивал палкой зубы самым почтенным дворянам... Треск, как будто сухую ветвь ломали через колено, белая эмаль на полу, окровавленный рот...

Нет, не судьи ему они. А епископы?

Не обижался на них митрополит. Одних он учил как член Синода, наставлял, выводил в высокий духовный сан, с другими хлеб делил из одного стола. Не было обиды за измену - "и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.". В душе Арсений не корил их также за страх, потому что слишком хорошо был осведомлен с обычаями трона. Единственная тревога, единственная боль допекала ему, словно кто иглой кольнул в сердце и не вынул ее, а только крутил там ею и бередел раз за разом свежую ту рану.

Если сейчас у монастырей и церковей заберут землю и поместья (а уже рыщут по церквям офицеры, описывая, словно арестантское, все церковное добро, вплоть до подсвечника, до алтарей), то не будет принадлежать больше Церкви Христу, а Глебову и Шешковскому.

Поднялся митрополит Димитрий Новгородский, поднялся медленно, без видимой охоты, и так же неохотно стал говорить, но как встретился взглядом с Глебовым, то мгновенно стал строже и голос его окреп.

- Не ты ли, владыка, писал, что Церковь Божья в настоящее время в беде и разрушении... Что ей нет спасения от хищных волков, которые губят и уничтожают имущество церковное, как будто безбожный и преступный царь Юлиан. И если ты, то справедливый ли ответ Коллегии Экономии Сенату? Такой стиль, такие вещи ужасные, резкие писались в ответе, почему-то говорится о Юлиане Отступнике, тогда как Коллегия Экономии существует лишь с 1701 года и сурово выполняет все указы Ее Императорского Величества. Какой же твой выбор, владыка, неужели на стороне недругов трона?

Митрополит Арсений медленно и трудно вдохнул на полную грудь, как будто собрался поднять непосильную ношу: он простудился в дороге, везли в Москву арестованного с большой спешкой, почти всюду вскачь, лишь время от времени меняя обессиленных и взмыленных коней.

В ту Вербницу тысяча шестьсот шестьдесят третьего года снега еще не сошли, лишь на взгорьях, кое-где в незатененной стороне, появлялись и чернели причудливые полосы нарастающей пашни - такой волнующий и такой коварный весенний воздух, такое чистое и звонкое, даже колыхнется, немислимой голубизны небо, в котором неслышно плывут истосковавшие по родному краю грустные птичьи ключи; такой же голубизны несут реки

последний лед, и себе звенящий, набравшись лазури небесной. Время пробуждения всего сущего, - умиленно наблюдал по сторонам Арсений с удивительным для себя покоем, - время светлых надежд, ожидания всегда волнующей Пасхальной ночи, пусть даже очень хмурой, но в которую неизменно сквозь мрак и темень пробьются звёзды... Но впереди еще Страстной четверг, еще нужно дожить.

Митрополит прокашлялся, собираясь ответить Димитрию. “Хороший он человек, - подумалось ему, - в сердитом вопросе и подсказку несложную спрятал: признай письмо своё ошибочным, согласишься с правотой Коллегии Экономии - и тебе будет легче...”.

- Всевышний, Димитрий, человека создал свободным. Но предоставил право самому человеку свою стезю выбирать, - и митрополит, не мигая, посмотрел в глаза епископу.

В воцарившейся тишине лишь свечи потрескивали, как будто о чем-то между собой переговаривались, и Димитрий опустил глаза наземь.

“Ишь, как закрутил хитрюга-митрополит, - над ухом Глебова нагнулся Шешковский, но прошептал так, чтобы слышно было и императрице. - Ко мне бы его, по-другому он бы заговорил”. Но императрица то ли не услышала, только у нее уголок уст дернулся произвольно.

- Разрешено ли тебе, владыка, самовольно менять текст анафемы, веками звучавший одинаково? - опомнился наконец митрополит Новгородский.

- Димитрий, ради Господа нашего Христа, не ступай на эту стезю... Умоляю тебя, Димитрий, - быстрее простонал, чем вымолвил митрополит.

Димитрию перед этим сон весьма странный приснился. Явился ему иерарх, чем-то похожий на митрополита Арсения, и латынью вынес приговор: “Как наши отцы, среди которых есть святые, жертвуя для церкви добро земное, проклинали воров этого добра, так и я, грешный и недостойный служитель Церкви Христовой, и не моими устами, а устами моих отцов, произношу тебе анафему и внезапную смерть...”

3

Митрополиту Арсению болело другое. С того памятного дня во дворике Киевской академии (вон сколько лет прошумело, сколько воды убежало в Днепре и родной для него реке Луге, на берегах которой он вырос в княжьем городе Владимире-Волынском), с того памятного дня суждено ему нести непростое бремя. Он сидел тогда, юный спудей, полуробенек, еще и усы не проклевывались, сидел на бесхитростно смастеренной деревянной скамье в уютном дворике академии. Наверное, он задремал на ласковом солнце (до утра штудировал Лукреция, так что даже круги разноцветные поплыли вместо букв перед глазами), как вдруг перед ним на дорожке появился незнакомый ему мужчина. Высокий, стройный, длинные волосы спадали на плечи – наверное, заслонил он собой солнце, потому что силуэт его как будто сиянием лёгеньким отсвечивал.

- Арсений, - молвил тот незнакомец. - Тебе уготован дар, который не многим выпадает. Ты будешь знать будущее, заглянуть сможешь через годы.

Парень недоуменно потер ладонью глаза, он понял, что задремал на солнцепёке.

- И свое даже знать буду? - переспросил для видимости.

- Нет, свое не дано никому. Но когда будешь знать судьбу других, то и будешь знать, чего тебе самому не нужно делать.

-А могу ли другим говорить об их будущности?

- Можешь.

- Разве они будут слушать предостережения?

- Господь Бог дал человеку свободу выбора.

Вдруг заколебался мальчишка.

- А как ведать буду, что это не сон?

- Фома Неверующий тоже до поры сомневался, - улыбнулся лишь незнакомец. - Чтобы знал, что не сон, возьми ...

Арсений проснулся, солнце поднялось и прижигало, на дорожке перед ним, конечно, никого уже не было. На память пришёл сон, парень бросил взгляд себе на ладонь.

На ладони лежал деревянный крестик на грубой ниточке, простой и нехитро изготовленный из темного дерева крестик.

... Когда Димитрий вспомнил об анафеме, Арсений за весь суд ужаснулся впервые. Он видел, как страх за жизнь митрополита Новгородского, за свой сан, толкнул его на тропинку беды. О себе Арсений не думал, он действительно изменил старинный текст таким образом, что толковать можно и как анафему императрице и другим обидчикам храмов, чья жадность к монастырским поместьям могла окончательно лишить независимости Церковь. Арсений ужаснулся духовной Димитриевой измене...

Но Димитрий уже не в силах был остановиться.

- Митрополит, шестого дня марта ты обратился в Синод с письмом... Все, что там написано, является обидой Величества Императорского.

- Горе нам, бедным архиереям, горе не от поган, а от своих, считающих себя овцами правоверными.

- Если бы черное и белое духовенство генерально было переведено на денежное жалование от казны, то и архиереям легче стало бы...

- Когда из чужой ладони питается архиерей, пусть и из ладони казны, то есть государственного мужа - то уже не архиерей... Сохрани же Господь государству быть без архиереев, - Арсений передохнул и минутку помолчал.- Иначе от древней нашей апостольской Церкви случится большая отступность. Иначе верх возьмет вера какая-то иная, а то и появится атеистическое государство...

...Суд шел уже не первый день. Императрица Екатерина Вторая слушала это все показно, без видимой охоты, безразлично поглядывая, как отблескивает пламя свеч на орденах Глебова и Шешковского, или рассматривая в выси, в полумраке суровые лики, нарисованные древними художниками, лики, которые от ослабевшего света становились еще суровее. В действительности, ей стоило немалых усилий держать себя в руках, потому что в душе пылал как бы жар, и каждое слово задиристого митрополита внезапным ветром порождало новые вспышки пламени. "Какой неискренний этот митрополит, - думалось императрице. - Здесь говорит одно, с паствой другое..."

Три дня перед тем ей положили на стол дежурное донесение о разговорах митрополита в Ростове. "Высочество наше неприродная и в Законе нетвердая, и не подлежало бы ей престола принимать, - говорил где-то Арсений Мациевич в близком кругу, - а следовало бы Ивану Антоновичу. Все не постоянное, и не берегут настоящих наследников".

5

К судебному процессу по делу митрополита императрица Екатерина II готовилась предварительно: осмотрительно и вкрадчиво выспрашивала мнения сановников, лично перелистала, брезгливо сплевывая на пальцы, не одну сотню замусоленных страниц из донесений сыщиков Тайной экспедиции. Ей не было кого бояться, потому что одни в могиле, а другие за неподвижными казематными стенами, оставалось последнее прибежище для возможной оппозиции трону - Церковь. Уже давно за высшим духовенством длилась достаточно плотная слежка, и она таки давала пользу. Еще в памяти, как архиепископ Варлаам получил ссылку за то, что в частном письме вместо слов "Ее Императорское Величество" написал просто "Ее Величество".

Для императрицы дело Арсения Мациевича не было лишь его делом, угроза виделась ей куда более широкой и более опасной. В действительности, по ее мнению, ростовский митрополит выступал от всего высшего епископата, доходили даже слухи, что при последующих поборах и конфискации имущества церковей дело может дойти до запрещения вообще отправлять Службу Божью во всем государстве.

Императрица пригласила как-то Степана Ивановича Шешковского и напрямик, без хитростей и выкрутасов, глядя не мигая ему в глаза, спросила:

- Вы знаете в Тайной экспедиции даже больше, чем генерал-прокурор Глебов... Как бы вы посоветовали сделать с тем духовенством, которое не стало надежной опорой трона?

- А они все одним миром мазаны, - выдержал взгляд Шешковский, и добродушная улыбка разъехалась на его продолговатом лице. - А вы кого-то одного выдерните и показательную науку задайте...

- Вы советуете мне устроить бунт иерархов? - одна бровь императрицы медленно поползла вверх, другая же осталась на месте, как будто примёрзла.

- Нет, Ваше императорское величество, - покрутил головой Шешковский, как будто удобнее приспособившись к ее короткому телу, а тогда опустил глаза на рукоять своей знаменитой палицы. - Нет, выдернуть можно одного, а остальные высокие душпастыри должны сами осудить его.

- А как не осудят? - бровь императрицы так же медленно опустилась, только уста сжались.

- Осудят, ещё как. - Степан Иванович продолжал пристально рассматривать причудливо вырезанную и украшенную рукоять своей сподручной палицы, словно именно она была как раз главной темой их беседы. - Доказательств, которые будут побуждать, достаточно.

Шешковский хорошо знал, о чем говорил императрице. Легче всего, по его мнению, было с митрополитом Димитрием - ему лично, а не храмам, Екатерина II даровала тысячу душ крепостных сразу после своего восхождения на престол. Степан Иванович вдумчиво и не

спеша перечитывал частные письма и Амвросия, и Тимофея, которые сами вслух боялись противоречить властным намерениям, но к этому словно подталкивали митрополита Ростовского, именуя его в письмах “великодушным”, “бодрым”, “искренним и крайним благодетелем” - списки из тех писем надежно хранятся в Тайной экспедиции, в Петропавловской крепости. Шешковский знал также, что напрасным будет заступничество и светского сановитого люда. Бестужев-Рюмин попробовал было написать императрице сдержанное, деликатное письмо, но получил - и слава Богу! - от ее императорского величества полный отпор: “Я чаю ни при каком государе столько заступления не было за оскорбителя Величества, как ныне за арестованного всем Синодом Митр. Ростовского. И не знаю, какую я бы причину подала сомневаться о моем милосердии и человеколюбии. Прежде сего и без всякой церемонии и формы, не по столь еще важным делам, преосвященным головы ссекали”.

3

... Суд между тем, хотя и медленно, изо дня в день продвигался вперед, досадные слова обвинений отлетали от старинных стен, поднимались к своду и тяжелыми камнями падали на старческую голову Арсения.

- Это ты, митрополит, осмелился послать неучтивое письмо в Санкт-Петербург, которое вручено Высочеству на собрании генералитета иеромонахом Лукой и прочитано с остановкой секретарём... Это письмо большой гнев государев повлек, а оный схимник со страха ум потерял, был послан в Невский монастырь, где шесть недель держали под караулом и до сих пор в келье замкнут он под надзором. Это ты, митрополит, виновник...

- Почему восстал ты, митрополит, против воли императрицы, которая зовет нас придерживаться правил ума, избавиться от мирской хозяйственной суеты и на государственном жаловании служить лишь Богу? Зачем тебе табун из шестисот коней и десятки тысяч десятин земли, если без хлопот нас казна прокормит?

- Не ты ли, митрополит, напал на архиереев за послушание императорскому трону, не за то ли обзывал их: “как псы немые, не лая, смотрят?”

После дежурного заседания суда, уже на паперти, Шешковский, по привычке лукаво прищуря глаз, закинул Глебову:

- И что же в мыслях генерал-прокурора?

- Тайная экспедиция наша, Степан Иванович, за ним высмотрела уже все глаза, - Глебов ступал каменными ступенями медленно и осмотрительно, словно не был уверен в их прочности. - Еще только увидит дыбу, глянет, как заплечных дел мастера пробуют кнуты и веревки на прочность, разжигают жаровню и бряцают инструментами для пыток... Мгновенно сознается во всем, вспомнит даже, что он двоюродный брат Папы Римского и кум турецкого султана.

- Думаю, он таки должен стать моим, - улыбнулся, как всегда приязненно и весело, Шешковский.

...Суд подходил к концу, и уже был назначен день снятия сана из митрополита. Хотя об этом нигде не сообщалось, в Кремль, к Синодному двору, люд повалил безудержным потоком, таким плотным и непослушным, что и двойной отряд солдат не смог стать преградой.

- Ведут, ведут! - зашумела до сих пор молчаливая толпа, увидев Арсения в плотном окружении мундиров.

Он шел в полном митрополичьем облачении, медленно ступал камнями, которые и через подошвы казались горячими, а дорогу ему пробивали прикладами мрачные солдаты.

В архиерейской мантии с поручами, в омофоре и белом клобуке, с панагиями на груди и с архиерейской палицей в руке он шел не обреченным невольником, а с достоинством митрополита, готовым на испытание. Затянутое тучами небо на мгновение расступилось, и от солнца внезапно сверкнуло митрополичье облачение, пуская желтые отблески на лица молчаливого и напуганного люда; кто-то бросил ему под ноги несколько ивовых веточек, которые уже распускались, несколько ивовых котиков - митрополит даже на минуту было приостановился, чтобы взглядом встретиться со смельчаком, но его толкнули в спину, а солдат справа прикладом мгновенно ударил крайнего из толпы, не доискиваясь виновников, ударил просто так, для порядка и страха.

На суде к Арсению первым шагнул Димитрий и протянул к клобуку руки, что мелко дрожали.

- Какая печаль, Димитрий, - отстранился Арсений и с молитвой мысленно сам стал снимать клобук. - Твой прислужнический и лукавый язык ведет тебя напрямиком к беде - тот лукавый язык тебя самого задушит, и от него умрешь.

Архиепископ Амвросий подошёл, опустив глаза вниз, чтобы омофор снять.

- Куда ты направился, Амвросий? - переспросил с горечью митрополит, сам снимая омофор. - Ты же ел со мной из одного стола, хлеб из одного ножа, вот также и будешь ножом, как вол, заколот.

Гавриил Петербуржский должен был забрать палицу, но Арсений сам взял её от посошника Златоустова и передал Гавриилу.

- Забыл ты, наверное, каким должен быть архиерей Божий. - Митрополит смотрел выше его головы, словно где-то там в пространстве, была выписана судьба архиепископская, и лишь нужно внимательно, не спеша вычитать ее. - За твою Иродиаду твой соперник задушит тебя, потому что танцую с ней, ты криводушно осудил меня.

Гедеону надлежало снять мантию.

- Жаль лет твоих молодых, - только и вздохнул Арсений. - Не увидишь ты больше престола своего.

Мисаилу судилось последнее - снимать из митрополита его рясу.

- Быстро испек ты горький хлеб свой, приготовленный для меня, - устало, вполголоса проговорил Арсений. - Но разве ты не видишь, что сам, словно хлеб, спечешься в печи?

Кладбищенская тишина воцарилась вмиг, и долго ее нарушить ни у кого не было сил, пока тихий всхлип не послышался - все, не сговариваясь, повернули головы в ту сторону. Это всхлипнул Тимофей Московский, выдержка всё-таки подвела его, и по старческому, густо потресканному от морщин, как на высохшей от жестокой жары южной земле, неспособной уже даже вбирать влагу, по его морщинистому и посеревавшему лицу бежали слезы.

- Да он же не в себе! - наклонился Орлов к Глебову и Шешковскому, тот шепот тревожно шелестел, как листья в позднем осеннем, предзимнем лесу. - Его срочно в сумасшедший дом, в крайнем случае, закрыть, как того иеромонаха Луку, и не выпускать из-под караула.

Арсений не мог слышать этого перешептывания, слишком далеко сидела сановитая свита, но он услышал каким-то другим голосом, и тот самый, порывистый и вспльчивый митрополит, резко повернулся к Орлову.

- А тебе, граф, еще выпадет судьбой короновать того, чья кровь на твоих руках. И не я безумен, а брат твой за содеянное зло жизнь свою завершит в сумасшедшем доме.

- Что он себе позволяет! - побледнела императрица Екатерина, не сдержалась впервые, побледнела, скорее, побелела от гнева, она сжала так кулаки, что ногти впились в ладони. - Ёще и говорится это возле храма!

Арсений повернулся теперь к ней и долгим, укоризненным и грустным взглядом посмотрел на ту, которая одним движением мизинца решала судьбы тысяч и тысяч людей, в чьей власти появилась возможность неохотно, играя, перекраивать страны и будущность народов, перед которой дрожали больше, чем самый ожесточенный грешник дрожал, каясь, перед иконой.

- А ваше величество еще увидится с убиенным мужем... Но не будет иметь христианской кончины, - только и покивал головой митрополит. - И смертный час свой без исповеди встретит в нужнике... Мужа твоего задушили любовники, они и сына задушат. Храм же сами вы испоганили, и он упадет...

Во второй раз наступила кладбищенская тишина, ни один не мог от ужаса даже пошевелиться, казалось, на этом суде не люди присутствуют, а просто восковые фигуры, лишь тени от многочисленных свеч мерцали на задеревенелых, будто бы пожизненно неподвижных лицах.

Первой опомнилась бледная, словно от лунного сияния, императрица; заслонив руками уши, вскрикнула хриплым, неузнаваемым для самой себя голосом:

-Закляпить ему рот!

Призрак виселицы мелькнул, как взблеск зловещего огонька, мелькнул и замерцал в зрачках каждого.

4

Графу Орлову стоило немислимых усилий сдержать себя, когда митрополит пророчил коронование убитого императора. Граф так сжал зубы, что скрипнули они, словно полозья саней о перемерзший снег: в первый раз при людях ему напомнили о смерти императора Петра III да еще и возвели вину лично на него. Как смеет этот никудышный митрополит, а в действительности уже самый обычный монах-рассстрига, из которого от старости порох сыплется, как смеет ему такое говорить, ему, чье имя да и имя его брата на неизмеримых пространствах империи весит чуть ли не столько, сколько имя самой императрицы? И что этот монах может понимать в настоящих, величественных интересах России... Такому государству не нужен был император-дурачок, пьянчуга с десяти лет, только и умевший в солдатики играть. Орлов твердо верил, что императрица Екатерина II способна еще развить

мощь русской земли, пределы ее расширить за счёт обессилевших бестолковых окраин, которые не способны сами себе помочь. Он был также убежден, что тайна той трапезы навечно уйдет в небытие вместе с этим поколением, а если и выплывет случайно, то умные оценят его изобретательность, его сподвижничество ради русской будущности.

Все готовилось быстро, но продуманно. Первая записка, как документ в случае чего, и, конечно, чтобы не бросить тень на будущую императрицу, была короткой: “Матушка милостивая Государыня, здравствовать Вам мы все желаем... Урод наш очень занемог... Как бы сего дня или ночью не умер”.

В дом, где удерживали арестованного императора Петра III, Алексей Орлов да еще группа именитых гостей, приехал с просветленным и улыбающимся лицом.

- Мы привезли очень хорошую новость, - с порога сознались гости заключенному. - Вас вскоре освободят.

По поводу ожидаемой свободы пригласили Петра III на трапезу. Все шутили, смеялись, между тем камердинера Брессана вытолкали за дверь, а Орлов незаметно для императора в бокал подлил заготовленный предварительно доверенным врачом яд.

После первого бокала налили во второй раз, но немилосердная внезапная боль подтолкнула Петра III к догадке.

- Мало того, что мне мешали вступить на шведский трон и украли у меня русскую корону, - произнёс император, едва сдерживая судороги. - У меня еще хотят забрать в придачу жизнь.

Играть в прятки дальше уже не понадобилось: на императора набросились вместе и стали душить подушкой. Тот отбивался отчаянно, но силу неумолимо отбирал яд. Сообразительный Баратынский из салфеток сделал петлю и накинул на шею императора. Петр Федорович силился вырваться, но уже напрасно, его крепко схватили за руки и ноги, а сержант гвардии Энгельгардт затянул петлю на шее.

Тело императора дернулось несколько раз, сопротивляясь смерти, и мгновенно обмякло, и затихло навек.

- Коней! - крикнул Орлов, налил себе еще полный бокал и на сером и грязноватом листке бумаги, который подвернулся под руку, стал быстро писать: “Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось. Не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка, готовь итить на смерть. Но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руку на Государя - но, Государыня, свершилась беда, мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором, не сумели мы разнять, а его уже не стало, сами не помним, что делали, но все до единого виноваты - достойны казни, помилуй меня хоть для брата; повинную тебе принес и разыскивать нечего - прости или прикажи скорее окончить, свет не мил, прогневали тебя и погубили души навек!”.

В тот же день государыня Екатерина, как писал современник событий, секретарь французского посланника Рюльер, садилась за стол со своими приближенными “в отменной веселости”. Среди оживлённой беседы вдруг вбегает Орлов: растрепанный, вспотевший и запыленный, в разорванной почему-то одежде. Государыня, увидев его, молча встала и пошла в кабинет, куда и направился Орлов. Через несколько минут был призван также граф Панин.

- Государь умер. Как известить об этом народ? - без предисловий спросила Екатерина.

- Нужно переждать ночь, - после размышления ответил граф, не очень удивлённый, судя по его невозмутимому лицу. - Только утром.

Все вернулись на места, и обед длился так же оживлённо и весело.

А утром столицу всколыхнула грустная новость - его Величество император Петр III умер, как сообщалось, от «геморроидальной колики».

Графа Орлова брала желтая и раздражительная злоба на Арсения Мациевича не только за то, что вслух выдал тайну недавнего изменения хозяев престола, а злоба, желтая и жгучая, даже сыпь какая-то на теле появилась, переполняла больше всего на человеческую неблагодарность. Он с братом головы свои мог положить, если бы по-другому жизнь вывернулась - у императора Петра свои сторонники не дремали. Петр таки успел ликвидировать такую нужную для трона Тайную Канцелярию (слава Богу, императрица восстановила, только имя предоставив новое - Тайная экспедиция), позволил за границу выезжать свободно, суд гласный обещался (но дудки, не успел) завести... Всякое случиться могло, и тогда бы голова его и брата, отскочив от топора палача, катилась бы, подпрыгивая и брызгая еще не загустевшей кровью, под крики и восхищённое улюлюканье к ногам жаждущих зрелищ зевак.

...В коротком перерыве суда Орлов холодным, как водокрещенский лед, голосом только и сказал императрице:

- Он сам себя лишил права жизни.
- Там он Димитрию говорил о языке, - Глебов крутнул головой, ослабляя воротничок, потому что стал тот почему-то тесноватым. - Но если его собственный язык способен будет хотя бы шевелиться, то еще и не такое наговорит...

Императрица молчала - жизнь научила ее быть весьма осмотрительной. Она, наконец, хотела опомниться, приобрести хотя бы какое-то душевное равновесие, потому что сердце еще бухало в груди от перенапряжения, и в висках шумело, будто затяжной за окном тоскливый дождь...

5

Императрица Екатерина не обиделась на митрополита за «любовников», разве что где-то в душе сама себе горделиво улыбнулась - такое наслаждение и блаженство старому Мациевичу уже даже и не приснится... Она даже на маковое зернышко не могла винить себя, что ее отношения с мужем так изменило неумолимое время. Вспыхнувшая любовь в ранней юности согревала обоих, от пламени той любви весь мир казался розовым, и такой же розовой виделась даль лет - когда заболела, то Петр не плакал, а быстрее рыдал, не кроясь ни от кого и по-детски размазывая ладонью на лице слезы. Со временем любовь заменила обычная дружба, которая переросла незримо в безразличие, впоследствии в настороженность, еще впоследствии потянуло к чужим мужчинам, как после долгого употребления пресного и постного, захотелось ей до невозможности ароматного, нежного, просто тающего во рту, жаркого.

От Григория Орлова забеременела врасплох, почему-то не подозревая, что понесла, а когда поняла, то уже было поздно. Беременность легко и непринужденно скрывалась под пышными платьями и причудливыми кружевами и выкрутасами придворных нарядов. А когда взяли первые схватки, то хуже боли терзало разоблачение.

Ей повезло, первые крики услышал лишь верный слуга Василий Шкурин, для которого беременность не составляла тайну; по глазам Екатерины он все понял, потому что не только отзвук потуг, которые корчили тело, усмотрел, - в первую очередь, засветился в глазах и все сильнее становился испуг, мгновенно перерастающий в страх загнанного животного, непосильный такой, неподъемный до немощи страх.

- Не пугайтесь... Все будет хорошо, я все сделаю, - неожиданная выдумка пришла в голову Шкурину, и он метнулся к двери. - Я все сделаю, - закинул уже из порога, - может, меня и не забудете...

Екатерина и ведать не могла, куда так прытко погнал слуга, ей уже было все безразлично - боль схваток чередовалась с не менее жгучей в изможденной душе болью ужасной и недалекой такой уже будущности. Неумолимо надвигалась катастрофа всей ее жизни: муж, с его характером, быстрее всего пострижет ее в монахини, ребенка бросят в тюрьму, как уже бросили Ивана Антоновича, Гришка ее, милый и любимый Орлов, наверное, будет казнен. И опять вздрагивает тело в схватках, крутит немилосердной судорогой, и еле, из последней силы удается в себе задушить крик роженицы.

И вдруг в окнах сверкнуло, отсвет красный замигал оконными стеклами, и Екатерина выглянула на непонятное сияние.

Горел дом камер-лакея Шкурина, который не так уж и далеко был от дворца. Огонь выхватывался из окон, поднимался стремительно вверх, словно пробуя раз и во второй раз лизнуть крышу, и вот полностью все здание полыхало, потрескивало и сыпало сердитыми искрами в небо...

В соседних покоях поднялся тревожный гул, все выбегали, одни спешили для спасения, другие просто из любопытства, и никому не было дела до неё - муж тоже поспешил на пожар, потому что из-за такого огня пол-Петербурга могло испепелиться.

А вскоре на пороге опять появился Василий Шкурин.

«Вон куда погнал он, - радостная догадка, которая снимала камень с души, промелькнула молнией у роженицы. - Камер-лакей поджег свой дом».

- Все хорошо, - на чумазом от сажи лице светились в улыбке зубы. - Теперь я бездомен...

Родильница, к счастью, освободилась быстро, младенца, хлюпая едва теплой водой, обмыли и завернули в бобровую шубу.

- Как назовете ребенка? - спросил все еще неумытый и сияющий Шкурин.

- Быть ему графу Бобринскому, - облегчившаяся и сердцем, и телом, удосужилась на шутку. - А имя еще придумаем.

Пока муж вернулся во дворец, младенца уже везли в надежный тайник.

Совсем по-другому сложилось из Понятовским. Граф Понятовский, который приглянулся ей на одном из балов, танцевал элегантно и умело, волна музыки плавно возносила ее с графом и опускала плавно – Понятовский, к тому же, был всегда остроумным, несколько смешным и неизменно веселым.

Вечером Екатерина, тихонько крадучись, переделалась в мужской наряд и осторожно, на цыпочках, юркнула к черному входу дворца. Предварительно приготовленная карета Нарышкина, общего приятеля из Понятовским, стремительно рванула с места и унесла гремучей мостовой к помещению графа.

Следующей ночью опять тайное путешествие покоями, вкрадчивая такая мимо молчаливых прислужников, которые отворачивались и предпочитали не видеть, потому что беды еще не оберешься, и опять карета гремит уснувшими полупустыми улицами.

В конце концов, влюбленные перестали играть в кошки-мышки, Понятовский открыто уже встречался с Екатериной, впоследствии просто оставался ночевать в ее спальне в ораниембаумском дворце.

Но однажды утром, как только он вышел из опочивальни, дорогу ему преградили гвардейцы.

- Вы арестованы, - без предисловий и объяснений сообщили офицеры и потянули любовника в буцегарню.

Чудом удалось уладить скандал, Екатерина родила от Понятовского дочку Анну, как две капли похожую на отца. Дитя оказалось болезненным, еле два годка протянуло и однажды ночью, тихо всхлипнув, отошло в лучший мир.

Мать долго не горевала: новая страсть захватила ее сердце.

...Императрицу не слишком оскорбили на суде слова Арсения Мациевича о любовниках - что со старика возьмешь и что он вообще может знать о страсти любви. Другая обида ужалила ее, будто уголёк кто бросил за воротник, обида жгучая и непростительная.

6

Арсений попробовал было в перерыве упрекнуть себя, что не поберегся, но почему-то не смог. Не со злобы, не из мести, не из мелкого желания кого-то запугать говорил он горькие слова высоким душпастырям, ему так хотелось уберечь их от беды, предостеречь и предупредить. Потому что он действительно видел, словно наяву, как несли Гедеона в Псков прыткие весьма кони, так что даже гривы развевались на ветру; вдруг, что есть силы, извозчик останавливает их, и те кони чуть ли не дыбом становятся, а обмякший мгновенно Гедеон хватается за сердце. И видел Арсений, как в многолюдье каком-то Амвросия окружили разъяренные мужчины и женщины, в злобе шарпают обессиленного Амвросия, и нож хищно блеснул над ним... Как будто сквозь оконное стекло виделся Арсению огонь, языки пламени лижут камни, и лицо, так похожее на Мисаила, в том огне.

Нет, он ничего не выдумал, он сказал лишь, что виделось, и от себя ни капли здесь не прибавил.

Он просто хотел заступить собой дорогу, как заступают, раскинув руки, беспечному ребенку, который бежит и не видит бездну впереди себя, он умолял и просил - но напрасно все.

А у Арсения не было чем заслонить их, кроме слова.

Митрополит понимал, что будут значить для него сказанные им горькие слова на суде. И все же он не жалел и не упрекал себя, потому что неискренность и лукавство (отмалчивание тоже очень часто является лишь слабенькой одеждой этого) истинно рождены от лукавого. И эту слабенькую одежду Арсений не способен был примерять на себя, даже когда нависала над ним грозой, синевато-налитой тучей смертельная опасность.

Присягая в 1740 году малолетнему императору Ивану Антоновичу, он наотрез отказался присягать его матери-регентше. На грозные требования объяснить причину лишь ответил откровенно словами молитвы:

- Признаю одно крещение на отпущение грехов...

Мать-регентша была протестанткой.

Плаха ожидала бы его тогда, если бы не случился переворот.

Случилось Арсению, участнику второй Камчатской экспедиции Беринга, иметь дело со своим капитаном, упорным и упрямым, не признававшим наименьшего непослушания. В тот день они должны были выйти в плавание еще на рассвете, безоблачное небо благоволило, но какая-то неясная тревога охватила Арсения, что-то невидимое сдерживало его.

- Не следует сейчас идти на воду, - сказал он капитану.

Коренастый капитан взглянул на священника так, как на мелкую букашку, что неизвестно откуда взялась и только раздражает.

- Кто здесь капитан? - переспросил тоном, после которого в экспедиции привычно ожидали взрыва безудержного гнева.

- Вы не выйдете в плавание, по крайней мере, до полудня, - стал поперек трапа отец Арсений.

В тишине, зловещей и затянутой, лишь слышалось легкое плескание волны о прибрежные камни.

- Будешь мешать после полудня - застрелю, - побагровело и без того загоревшее капитанское лицо.

Между тем через час на совершенно безоблачном небе, откуда ни возьмись, небольшая туча, на глазах она увеличивалась, надувалась, суровела, вот уже и полнеба затянулось, уже и неба не видно, порывистый ветер перерождался в бурю, которая со свистом и болезненным стоном становилась владычицей всеобъемлющей; взбудораженное и озлобленное небо будто бы упало на землю и ревело диковинным, несслыханным до сих пор зверем, а прибрежные камни грохотали как преджатвенный гром - казалось, в этом ужасном водовороте разве что самая маленькая травинка могла надеяться на спасение.

В полдень буря, которая зародилась так внезапно, так же внезапно сначала присмирела, приутихла и совсем, наконец, умерла.

Корабль действительно двинулся после полудня, и больше у священника экспедиции не случилось столкновений с капитаном.

Уже будучи митрополитом Тобольским, столкнулся Арсений с теми, кто из властных верхушек горделиво смотрел на душпастьерское дело и со всех сил старался, чтобы духовные лица угодливо кивали на каждое движение мизинца чиновников. В последний день февраля 1742 года, когда прочитали указ нового митрополита, у представителей власти сибирской глаза стали круглы, словно блюдца. Такого еще не было, как распорядился Арсений: "чтобы священно-, церковнослужители отнюдь не смели обращаться в светские суды помимо своего епископа, под опасением низвержения по 11 правилу Антиохийского собора".

Выстояло христианство, думалось митрополиту, когда апостолов истязали, распинали, когда мучеников веры бросали в клетку со львами, которые ревели от голода и жадно облизывались, ожидая жертву, вот и сейчас должно выстоять и сохранить неподчинение земной грешной власти. В ответ на жалобы сановников в июне того же года свои слова митрополит подтверждает новым циркуляром, чтобы уберечь душпастьерей: митрополит "повелел, чтобы никто из духовных лиц без позволения своей духовной команды никаких от светской команды присылаемых указов не слушали, и ежели кто от светских командиров без сношения с духовной командой дерзнет кого из духовных лиц насильственно к суду своему привлекать, или в свидетельстве каком спрашивать, и указы какие без сношения с духовной командой духовным лицам от себя посылать, то таковым присылать обстоятельные письменные протесты вскорости...".

Менялись иерархи на тобольской кафедре, еще весен с двадцать приходили на промерзлую сибирскую землю, а указ митрополита Арсения был невидимой обороной здешнего духовенства.

...Гремели оркестры, взблескивало солнце на трубах музыкантов, на орденах и украшениях придворной свиты, которая собралась со всей империи, падали цветы под ноги императрицы - праздновали коронацию новой владычицы Елизаветы.

Новая императрица уже подписала указ о назначении Арсения Мациевича Ростовским митрополитом, наступила его очередь принимать присягу сегодняшней хозяйке трона.

- Я не могу, Ваше императорское величество, - наклонил голову митрополит.

- Я подписала указ, а вы не хотите мне присягать? - морщины на челе императрицы, которые появились мгновенно, испортили все хлопоты целого вывода парикмахеров.

- Я не могу по этому тексту давать присягу, - тихо, но твердо ответил митрополит. - Не должно быть императорское величество, как сказано там, "крайний судия", потому что это принадлежит только Господу нашему Иисусу Христу.

Императрицы так не хотелось, чтобы даже облачко какое затмило такой многолюдный праздник, торжество всей ее жизни, поэтому усилием воли разогнала набежавшие морщины.

- Быть по-вашему, - даже улыбнуться смогла. - Езжайте в свою епархию, только проект присяги сами подготовьте на будущее.

А вскоре на стол ей положили подготовленный Мациевичем документ: "Исповедаю же с клятвой Крайнего Судию и законоположителя духовного сего церковного правительства быти - самого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, полномочного Главу Церкви и

Большого Архиеерея и Царя, надо всеми владычествующего и всем имущего посудити - живым и мертвым”...

Пройдет много времени и Ростовскому митрополиту опять придется протестовать, в этот раз против ограбления церквей и монастырей, потому что уже и указ императрице Елизавете о секуляризации церковных земель на подпись положили.

“Ханы татарские даже на это не решались”, - будет предостерегать владыка Арсений.

- Нет, - скажет императрица, откладывая перо. - Я не подпишу, а после меня - как хотите.

... В коротком перерыве суда, в размышлениях непростых митрополит Арсений так и не смог упрекнуть себя, что не остерегся. Он просто христианин, и если не будет защищать неподчинение Церкви светским чиновникам и государству, то напрасна вера его. Церковь - Христова, а не этого случайного люда, который учтиво именуется сенаторами, тайными советниками или императрицами. Так его учил отец Иван Мациевич, который честно служил Богу и людям на такой неблизкой отсюда Волыни, неблизкой Украине, так его учили в Львовской духовной академии, в незабываемой Киево-Могилянке, так он сам как проповедник говорил в Новгород-Сиверске, в Спасском монастыре на Черниговщине, в других городах и селах, куда судьба до сих пор забрасывала. Потому что если Церковь попадет под пяту какому-нибудь чиновнику, какому-то государству, то зло большое над миром поднимется: государства, тем более Россия, воюют и заставят зависимых душпастьерей благословлять убийство, а это же измена Христа, государство всегда совершает какие-то безобразия (изредка кается задним числом, но только всегда поздно) и сделает душпастьеря соучастником всех злодеяний и гнусностей. А когда на троне такая особа, которая убила собственного мужа, приблуда неизвестно из каких стран, не имеющая на трон тот и капли права - она проиграет в карты церковные поместья, что жертвенно собирали наши отцы, она же просто раздаст любовникам, нет числа которым...

Нет, думал митрополит, он до последнего должен стоять.

7

Императрица Екатерина невзлюбила Арсения Мациевича еще задолго до встречи с ним - сколько волка не корми, а он всё равно в известную сторону будет смотреть, - жаловалась она перед судом Орлову. - Малоросса сколько не корми, а он в свою степь посматривает. Один Калнишевский чего стоит...

После ее коронации, после торжественного богослужения, когда хоры церковные возносили ее имя, казалось, до погожих сентябрьских небес, императрица давала аудиенцию самым сановитым персонам империи.

Те персоны, удостоенные такой чести, должны были почувствовать все величие события, истинное величие новой императрицы, ее стремлений и замыслов. На такое наводила даже невиданная до сих пор пышность торжеств - для въезда императрицы выстроили быстренько несколько триумфальных ворот. Даже ночью, при кострах, тюкали топорами строители на Тверской, в Земляном городе, в Белом, в Китай-городе, разукрашивали дома веточками ели и коврами, колокольня Ивана Великого сияла иллюминациями, а на Красной площади выставили столы с питьем и яствами. На триумфальных арках красовалось: «Закон руководит, меч защищает».

Императрица милостиво удостоивала аудиенции сановников. С кошевым атаманом Петром Калнишевским, который прибыл от Украины, она перебросилась лишь несколькими словами, зато раздольная беседа кошевого состоялась у наследника престола сына Павла.

- Челом бью на защиту земли своей, - говорил почтительно семидесятилетний атаман, седой весь, но летам неподвластный, какая-то особенная мощь чувствовалась в нем, обветренному всеми степными ветрами, тугому и упругому, словно не было за спиной стольких походов и пережитого. - Землю нашу отбирают сербы, волохи, греки, и другой неизвестно откуда пришедший люд. На Прогное помещики ваши захватили соляные озера...

Императрица не забыла расспросить сына о том разговоре.

- Опять кошевой, как его предшественники, просил жалования, порошу и еще чем-то надоедал? - в голубоватых глазах императрицы блеснула лукавой искоркой улыбка - она еще долго ходила после коронации, словно земля под ней была такой упругой, что прогибалась.

- Нет, - крутнул головой сын. - Говорил, что новыми набегами грозит крымский хан, что русские помещики отбирают силой промыслы соляные, земель немало в ширину и вдоль, с лесами и рыбными ловлями занимают. А еще беспокоился, чтобы пошлина

несправедливая снята была на вывоз скота, зверя и меха, и ввоза товара... О мартовских статьях Хмельницкого напомнил...

- Не быть ему кошевым, - желтыми огоньками вспыхнули глаза императрицы, и земля под ногами отвердела. - Мы сами скажем ему, когда он будет нужен нам, и так же, когда отпадет надобность.

В уме она уже прикидывала, кому должны принадлежать эти благодатные земли, кого помнить должна за дорожку к трону; не Калнишевскому мозговать за нее, кем заселять тамошние края. И так же неслучайно связала в мыслях Арсения Мациевича с кошевым. Года три перед смертью Елизаветы они встретились случайно, когда Калнишевский, военный писарь Артем Кумпан и прежний атаман Павел Кириллович приехали в очередной раз с депутатией хлопотать. Крепкие стены Петропавловской крепости, надежно берегут они в Тайной Канцелярии каждое, хотя бы пустяковое донесение, в том числе разговор Мациевича из Калнишевским.

- Хоть у вас, Петр, и чуб побелел, но исправный еще запорожец, - с улыбкой осматривал Калнишевского Арсений, - и одежда вам эта к лицу, видно сразу, что из края казацкого.

- Был край казацкий, а теперь неизвестно чей, - помрачнел Калнишевский. - Наплывает отовсюду на земли наши люд чужой, сербы, болгары, валахи, армяне, греки, россияне-старообрядцы, что в Речи Польской служили. Охажками их поселения возникают, говорят при дворе, что границу они с юга будут стеречь - только сторож из этого пришлого люда, как из ключев кнут... Может, хоть вам, владыка, на душе спокойнее, потому что душпастьер живет по Божьему закону.

- Если бы так, - не смог скрыть в голосе горечь Арсений. - Кесарю ныне маловато кесаревого... Именной указ императрицы требует, чтобы архиерейские и монастырские поместья управлялись в дальнейшем не монастырскими прислужниками, а отставными офицерами. Шастают они монастырскими подворьями, кони, инструмент и другое добро арестовывают, в казну, мол, только казна их до суда Божьего не будет видеть... Под топор ложатся монастырские леса.

- Отчего же молчите, владыка, почему же другие высокие духовные лица защищаться не хотят?

Калнишевский сказал и осекся, пожалел о вырвавшемся неволью. А он сам разве подал хоть какой-то голос, когда из Петербурга приказали ввести в школах русский язык, и уже вскоре на Левобережье закрылись восемьсот украинских школ? Или когда историю его края из Глухова похищали, все дипломатические и другие государственные документы вывозили в московский архив Главного штаба?

- Петр, не думайте об этом, - крутнул головой Арсений так, словно мысли свои Калнишевский вымолвил вслух. - Написано же: есть время разбрасывать камни, есть время собирать их. А судит Всевышний, значит, соберутся...

Арсений искренне рад был встрече с земляком, в душе как-то потеплело, словно на минуту смог перенестись в родной край. В златоверхий Киев, где альма-матер, академия Петра Могилы, Святая София, в которой витает еще дух Ярослава Мудрого и под звоны соборные преосвященный Варлаам, архиепископ Киевский, в далеком 1723 году рукополагал его в иеромонахи. Не раз приходило в голову вернуться на Украину, и подавал просьбу об этом. Когда в монастырях стало больше солдат, чем монахов, написал гневное письмо. Коллегия Экономии, утверждал митрополит, почему-то хочет превратить в рабу Святую Церковь и ее служителей. Коллегия пожаловалась Сенату, владыку вызывают в Московскую синодальную контору, где ему объявляют выговор.

Возмущенный митрополит, ссылаясь на болезнь, просит освободить его от руководства Ростовской епархией. Отпустите меня, пишет владыка Арсений, в Новгород-Сиверский, в Спасский монастырь на Черниговщине...

На радостях Синод готовит доклад императрице Елизавете и радуется отставкой Арсения. Но напрасно: Елизавета доклад не утвердила.

Встреча из Калнишевским, весточки из родного края тихим теплом грели грудь владыки. Но эта встреча была последней - не суждено больше...

8

А что делать с Арсением Мациевичем ей, императрице? На плаху его или помиловать? Колесовать или, как Елизавета, сжав зубы, отправить назад в свою епархию?

Колесование Екатерина Вторая видела. На казнь преступника везут на специальной колеснице, по двое со свечами в руках стрелков, чем ближе к месту казни, тем сгущается толпа жадных к зрелищам зевак; и вот уже и высокий помост, на котором позорный столб с цепями, виселица, дыба, плаха, заостренные колья, на которые наткнут отрубленные

головы, уже палач достает кнуты, клейма, щипцы для вырывания ноздрей, бряцает клещами и ножами, чтобы отрезать нос, уши и язык; палач делает все это не спеша и с видимым наслаждением, потому что он здесь самый главный и у него впились сотни глаз. А как значилось в указе колесования, то виновника привязывали к кольцам, наотмашь били в суставы - в приговорах всегда указывалось ломать ребра, руки или ноги, и трещали кости, словно сухие ветки, под стон и крики виновных вперемешку с визжанием восторга и потехи толпы.

Арсений Мациевич, думалось императрице, без сомнения заслуживал казни. С другой стороны, Екатерина Вторая, всегда осмотрительная, остерегалась возможных волнений в народе, побаивалась из этого лгуна, неучтливое душпастьеря, создать мученика за веру. Тайная экспедиция напрасно хлеб казенный не ела, императрице успели доложить не только о вербных котиках, которые бросали митрополиту под ноги, когда вели арестанта на суд, распространялись слухи среди люда, что какому-то монаху Феофилакту снился пророческий сон. Вроде бы он обращался с молитвой к святому Димитрию, на что святой ответил:

- Зачем ты ко мне обращаешься, смиренный Феофилакт? Среди вас есть достойник не меньшей святости, это митрополит Ростовский Арсений...

Одну за другой мысли клала императрица на невидимые весы, качались чаши их, и никак не могли остановиться. А права на ошибку у неё в настоящий момент не было.

Ее, немку, человека когда-то иного вероисповедания, у которой не было и капли русской крови, вихри судьбы подняли и долго носили, пока не швырнули просто на императорский трон. У нее будет возможность и время высказать мнение о русском государстве и этом народе, о русской правящей элите, мнение, которое проскользнуло случайно в письме барону Фридриху Гримму: "Половина тех, кто еще в живых, или дураки, или сумасшедшие: попробуйте, когда можете, пожить с такими людьми".

И она, образованная и энергичная, должна вывести этот бестолковый народ к чему-то лучшему, о чем переписывается с Вольтером и Дидро. Преградой на этом пути ничего не должно стать и любое сопротивление должно быть сметено.

Муж, сброшенный император, с которым под венец шла, уже не помеха - ему не встать из-под могильной плиты Александро-Невской лавры. Еще один законный император Иван Антонович за надежными стенами Шлиссельбургской крепости: он годами не будет видеть даже человеческого лица, а когда заходят в камеру, то велено ему прятаться за ширму. А если и попробует даже кто пленника освободить, то надежной страже приказано немедленно его убить.

На пути к величественной своей цели - вывести к добру этих полудурков, полубезумцев, - оставалась последняя лишь преграда: неподчинение Церкви и такие, как Арсений, душпастьеры, что разглагольствуют будто она незаконная, не по природе императрица. Но ум ее и это преодолет. Она завоеует для россиян новые жизненные пространства, презренным жидам позволит жить разве что за чертой в пределах оседлости - а за пределом оставить можно только купцов первой гильдии, высокообразованных евреев, прежних рекрутов, зарегистрированных проституток и жидов окрещенных.

Правда, есть еще одна преграда, о которой догадываются единицы во всей империи, - Михаил Ломоносов. Но эту преграду удалось ей предусмотрительно снять еще к собственному вступлению на трон.

...Император Петр Первый умирал тяжело. Он и сам не знал причину своей болезни - то ли простуда так взялась за него, то ли яд какой, или плохо вылеченный паршивым врачом запущенный сифилис - только на грудь положил ему кто-то жерновой камень, и теперь каждое дыхание стоило невероятных усилий. Но когда услышал император, что наступает его смертный час, то открылся Феофану Прокоповичу.

- Есть у меня грех еще один, владыка, - Петр быстрее хрипел, чем говорил, тот хрип вырывался из груди с остановкой, по частям. - Есть у меня сын, о котором никто не знает, Михаилом его зовут, Ломоносовым.

То с хрипом, то шепотом, но поведал так император о давнем том грехе.

Как начались в России гонения на старообрядников, то перебралось немало их кто в Сибирь, кто на север, и взялись, притом весьма успешно, хозяйничать - чего стоят только судоверфи братьев Баженовых. Император же три четверти бюджета тратил на войны, и все чаще поглядывал, прищурился глаз, на те богатства. К Петровой неприятности, еще и сын Алексей весьма противился родительским нововведениям, жена же рожала дочь за дочерью. И когда император в очередной раз наведялся в северные края, старообрядцы задумали хитрую затею. У них не просто в мыслях было помочь Петру с наследником, но и

нажить коронованное лицо со своей среды - подсунули ему белокурую красавицу, с лица которой хоть воду пей, Елену. Где-то с неделю забавлялся с нею царь в Усть-Тосно, наслаждался молодой красотой, прогоняя из порога вестников с их государственными хлопотами. Когда же стало известно, что Елена таки забеременела, старообрядцы спешно выдали ее замуж за племянника доверенного Петру Двинского земского старосты Луки Ломоносова - Василия Дорофеева. Следующий императорский указ не замешкался. "Сыну моему, - велено было передать на словах, - и нареченному отцу Василию носить фамилию Ломоносов, и жить в этой семье под надзором Луки Ломоносова, помнить о сохранении тайны. Возблагодарить я не забуду".

...Императору Петру становилось всё хуже, он то с хрипом силился выдать из себя слово, то впадал в бред, и тогда простирались перед ним снежные ослепительные пространства Холмогории, он опять, как полтора десятка лет назад, мчит стремительными санями, так что даже метель ветер поднимает за ними, и взблескивает в косых лучах солнца эта мельчайшая снежная пыль. А когда опять пришел в себя, то приказал Прокоповичу:

- Обучи, владыка, его в московских школах и приобщи к сану священническому или к государственной службе, к чему будет способен.

Феофан Прокопович присматривал за Михаилом, а когда сам почувствовал дыхание холодный кончины, не захотел нести тайну в могилу и поведал все дочери Петра Елизавете.

- Он не помеха на дороге к трону, - взвешенно говорил Прокопович. - Он незаконнорожденный и не посягнет на трон, но он брат кровный, и о нем заботиться надлежит.

Пять зим еще минуло, пока от этого разговора Елизавета взошла на престол. Но уже в первые месяцы царствования возвела она сводного брата в адъюнкты Академии наук, вскоре в профессора, а за оду даровала немислимую сумму в две тысячи рублей- денег не доставало в казне, поэтому мелкой монетой привезли тот подарок, доставили конной подводой.

Как знать, знал ли Михаил тайну своего рождения, только не надеялся он ни на кого - пешком в Москву, тогда Петербургская академия, Киево-Могилянская академия, дальше Марбург, Фрейберг... Взлёт высок человека, который с малых лет труд уважал.

А как преставилась Елизавета, замерцало вдруг марево - нет, не трона, ей, Екатерине, традицией и законом это никак не принадлежало, марево лишь имени государыни, жены возможного императора Петра III, и слепой случай открыл ей тайну Ломоносова. Вот поэтому на поминальном обеде по императрице Елизавете, куда с женой был приглашен Михаил, доверенная рука втихомолку сыпнула обоим медленно действующий яд.

Супруги заболели почти в один день - Михаилу отняло ноги, а жена еле ходила по комнате, хватаясь за спинки кресел. Императрица Екатерина Вторая хотела еще сама посетить Ломоносовых, собственными глазами увидеть безостановочное действие яда и утешить от имени трона супругов, которые испытали такую беду.

С Ломоносовым - это уже пройдено, остался лишь Мациевич.

Что? Плаха, рваные ноздри, жаровня, и выбитое назойливым Шешковским и его приспешниками раскаяние? А если не покается? А если своими руками создаст она мученика и святого, народный бунт? Далековато уже от того милого Штеттина, с его уютными немецкими улочками... А может, наоборот, высокое императорское прощение, христианское милосердие?

Одно очевидное: если сейчас потеряет она момент, то уже никогда не станет Церковь опорой трону. А еще же она могла бы монастырские земли даровать тем, кто истинно помогал ей взойти на трон, и тогда еще охотнее трон тот обеими руками будут удерживать...

Что? Мысль бежала за мыслью, как водяной поток на речную мельницу, это мельничное колесо крутилось, вертелось, и нет ему удержу...

...Суд, наконец, подошел к концу и среди настороженной тишины прозвучали слова приговора.

"Бывший митр. Ростовский Арсений, превратно поняв и толкуя вознамеренное ныне полезнейшее распределение церковного имения, безрассудную дерзость имел учинить, о том Св. Пр. Синоду некоторые письменные в крайне укорительных и злословных

выражениях представления, пренебрегши то, чем он долженствовал сему высокому Духовному Собранию, в котором Ее Император. Величество президентом быть изволит.

Св. Прав. Синод признал его за такое верховной власти и указам противящееся, да и самое Величество оскорбляющее, преступление не токмо ареста, но и суда достойным. Тем паче, что он еще при том в подкрепление упомянутых своих злостью и ядом оскорбления Величества (не токмо всевысочайшей Ее Величества особы, как президента Синода, но и как своей самодержавной Государыни) наполненных представлений, Св. Писание и Предание св. отец превратно же и ухищренно толковать отважился».

Слова приговора уже не поднимались в высь, они шелестели выцветшими прошлогодними листьями, которые перезимовали под снегами до весенней поры, но за тем шелестом Арсению четко слышался истинный, безжалостный и грозный смысл: суд духовный отдает его суду светскому, криминальному. А тот уже сам определит виновность и наказание преступнику...

Императрица Екатерина взвешивала на своих мнимых весах мысль каждого из влиятельных придворных, крутила и переворачивала ту мысль, словно горячую картофелину в горстях, она просто не имела права на ошибку, на поражение. Она имела право лишь на победу.

А между тем среди люда московского ширился тревожный гул: где настороженно, а где и не очень, толковали, что жадные на церковное добро придворные подбивают императрицу на греховные дела. Спешно в «Московских ведомостях» было объявлено, что «протесты Ростовского архиерея, от начала до конца исполнены ядом оскорбления Величества», но писаному этому людность не верила до конца.

Нет, она победит, но в глазах той смуты человеческой должна остаться милосердной христианкой, доброй и сердечной, милостиво смягчающей синодский синодальный приговор.

"По сентенции сей сан митрополита и священника снять, а если правила святые и другие церковные узаконения дозволяют, то для удобнейшего покаяния преступнику, по старости его лет, монашества только чин оставить, от гражданского же суда и истязания мы, по человеколюбию, его освобождаем, повелевая нашему синоду послать его в отдаленный монастырь под смотрение разумного начальника с таким определением, чтобы там невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабых и простых людей".

Таким было окончательное слово императрицы - Бог свидетель, она против «гражданского суда и истязаний».

А между тем в монастырской келье митрополита в Ростове уже шел обыск и описание имущества.

- Одна мантия, три рясы, - скрипел пером подъячий, повторяя вслух писанное. - Одна скуфья, шапка келейная старая, трое очков, железная пряжка, чайник фарфоровый, три пары чашек и сахар...

К всеобщему удивлению, у митрополита самой богатой епархии денег не было, а сахар не успел раздать до ареста нищим - сундук да еще тюк с одеждой, вот и все пожитки.

Просто из Крестовой палаты повезли Арсения в Ферапонтов монастырь, и уже вдогонку приказали везти еще севернее, в Карельский Никольский монастырь под Архангельском. Охранять приказано прапорщику и конвою из четырех солдат.

Конвою хлопот со смиренным старцем никаких, хотя как-то ночью всё-таки до полусмерти солдаты испугались. Ехали как раз мимо храма, как вдруг на колокольне зазвучал среди молчаливой темени звон, угрюмо так и уныло. Старший конвоя бросился было выяснять, не узнал ли злоумышленник какой о проезде митрополита, но колокольня оказалась запертой. А когда уже отъезжали оттуда, то напуганные его сторожа крестились, потому что в храме сами собой загорались свечи и мерцающий свет мигал в окнах.

10

И опять у императрицы земля под ногами была упругой, даже прогибалась, легко ходила она, словно сила какая поднимала ее - суд над Мациевичем стал настоящей викторией. Соппротивление мятежного духовенства удалось задушить руками самого духовенства, не подняв при этом волнений или беспорядков настороженного люда.

Это томное ощущение виктории звучало в голосе императрицы Екатерины, когда она выступала на очередном заседании Синода. Блеск увлажненных глаз, уверенная и гордая осанка, - у императрицы было достаточно оснований говорить сегодня как триумфатор, как полная хозяйка ситуации.

«Но каким образом может происходить то, что вы не поражены огромностью тех богатств, которыми вы владеете и которые делают вас настолько могущественными, что вы должны были почувствовать, что ваше такое положение совершенно противно духу вашего призвания. Разве вы не наследники апостолов, которым Бог заповедовал

проповедовать презрение к богатствам и которые могли бы быть только бедняками; царство их было не от мира сего; вы соглашаетесь со мной? Разве не правда то, что я решилась возвестить вам?».

Легкий упрек в голосе императрица может позволить себе лишь в начале. Пусть хоть один из этих душпастырей, привычных к высокому почитанию, пусть хоть один попробует поднять голос - у нее будет, чем на место поставить. В келье Арсения Мациевича найдены во время обыска письма многих здесь присутствующих, сияющих раззолоченным облачением; эти арестованные письма до поры до времени пусть полежат, но их она может вынуть когда-либо в случае надобности. Императрица может и должна сейчас разговаривать с ними иным тоном, где уместен металл, а не женские упрёки.

«Как же можете вы пользоваться богатствами, не противореча своему положению, которое должно быть неразлучно с христианской бедностью? Как смеете вы без угрызения совести пользоваться таким имуществом и поместьями, которые дают вам могущество, как царям? Ах! Разве вы не имеете под своею властью рабов больше, чем некоторые европейские государи имеют подданных? Вы слишком просвещены, чтобы не понимать, что все это состояние производит так много злоупотреблений во владениях государства, что вы не можете его сохранить за собой, не будучи несправедливыми по отношению к самому государству; а вы должны сознавать, что вам менее, чем кому-либо другому, позволено быть несправедливыми и если вы несправедливы, то вы тем более виновны в этом, что лучше других знаете свои обязанности».

Румянец, пятнистый и злой, выступил на лице императрицы. Как еще им объяснить: отныне вы не служители алтаря, не духовные сановники, а является государственными лицами и власть монарха для вас более всего.

«И если я должна рассчитывать на вашу верность, преданность, то я должна также льстить себя надеждой, что найду в вас особенно преданных моей короне верных подданных. Если это так, то не умедлите же возратить моей короне то, что вы похитили у нее незаметно - постепенно».

Неподвижными, высеченными из камня сидели члены Синода, боясь даже переглянуться, даже пошевелиться. Они отныне - воры? Они, берегшие и стремившиеся преумножить веками подаренное монастырям и церквям? Те, которые школы открывали, типографии или госпиталя для неимущего люда? Значит, именно они обворовали эту разгоряченную и разгневанную прибуду, которая невесть откуда прибилась на их седые головы, у которой нет и капли русской крови, но так наивно нагло, словно горстями песка, бросает им между глаз: «Все русское - мое!».

Но кто посмеет выразить такое вслух? Среди арестованных писем Мациевича есть письма Гавриила Санкт-Петербургского и Афанасия Тверского, Амвросия Крутицкого и Тимофея Московского. Достаточно стрясти из тех страниц пыль, а чернила по времени выцвести еще не успели. Кто посмеет, когда еще перед глазами Арсений Мациевич, заболевший простудой в дороге, и цинга после Камчатских экспедиций не захотела оставить его - вылезли волосы, гнойные раны раз за разом открывались на теле; Мациевич, уважаемый иерарх, ставший расстригою, словно настоящий воришка?

Императрица внимательно вглядывалась в покрытые морщинами лица сановитых душпастырей перед собой, она, наверное, догадывалась, какие неучтивые мысли роятся в этих вроде бы весьма мудрых головах, но это ее никоим образом не огорчало, быстрее радовало и смешило; что-то подзуживало ответить смешным русским словом - русские присказки старательно и охотно стала зубрить, ответить что-то наподобие «А выкуси!» ей хотелось, но не могла.

Однако сразу после заседания Синода села за письменный стол. Вольтеру надлежало сообщить о своей добросердечности: «Арсений, епископ Ростовский... был сужденным митрополитом Новгородским, и всем Синодом осужден, как фанатик, виновный в замыслах враждебных, как православной вере, так и верховной власти, лишенный сана и священничества и переданный в руки светского начальства. Я дала ему прощение и удовлетворилась тем, что перевела его в монашеское звание».

С другим документом уже на ночь погнали гонцы, не жалея коней, как значилось в высочайшем повелении, повезли гонцы еще одно распоряжение. Кудрявые строки на дорогой бумаге гласили: «Ровняя себя в протерпении Златоусту, стараясь возбудить ропот и неудовольствие на правительство, в коварных затеях не разбирал способов, ибо и лжи клеветы и пророчества и молитвы и слова Божии он не усомнился употреблять все... А по сему - под крепкое смотрение, и ни бумаги, ни чернил не давать там».

Гнали кони ложбинами и перелесками, так что даже белая пена из удил летела, спешили гонцы...

Прокурор Нарышкин отыскал Арсения Мациевича на монастырском дворе. Митрополит, трудно дыша, рубил дрова - по постановлению суда он несколько раз в неделю должен был мыть полы, рубить дрова, выполнять другую черную работу. Арсений как раз с выдохом загнал топор в толстое полено, однако оно, сучковатое, с первого раза не поддавалось, и тогда Арсений вместе с застрявшим топором поднял его над головой, чтобы во второй раз, уже обухом, ударить по колоде; полено то ли тяжеловатое, то ли сил не хватило, повело его прежде в одну сторону, тогда в другую, он заточился, будто пьяный.

- Имею обязанность провести допрос, - представился Нарышкин.

Арсений молча взялся освобождать топор из нерасколотого полена, пуля и дергая за топорщице, наконец, ему это удалось и он так же, не обмолвившись словом, пошел за Нарышкиным.

Прокурор, судя по всему, был хорошо осведомлен с монастырской жизнью Мациевича.

“Преыдушие императоры и цари Церковь разным добром награждали. В настоящее время же не только награды нечего ожидать, а еще и грабят. В Ярославле даже утварь церковную уже отобрали”, - говорили подобное монахам? - Нарышкин водил глазами по бумаге неотрывно - то ли так внимательно вчитываясь в написанное, или не хотел встретиться взглядом с митрополитом.

- Видит Бог, что это горькая правда.

- «Даже турки свои мечети награждают, а в России Содом и Гоморра». Ваши слова?

- Взойдет ангел с Небес в день последний - и враг Церкви не укроется.

- «Дворянство, - говорили караульному офицеру Алексеевскому, - забыло предков своих, которые поместья монастырям даровали, теперь же добро грабит”. Говорили?

- Истину знают святые Небеса.

- “В настоящее время, увидев, что императрица Екатерина не тверда в русском законе и не знает народной жизни, завистливые на церковное имущество царедворцы подсунили несведущей императрице злой указ, и она подписала слепо”... Подтверждаете свои слова? - Нарышкин так и не поднял от бумаги глаза, словно приклеились они там.

- “Кто имеет уши, пусть слышит, что Дух говорит Церквям”...

«Ишь, какой хитрюга, за Откровение Иоанна прячется, - сердитой и раздраженной осой зажужжала мысль Нарышкина. - Не только самого понесло в мятежники, еще и другим неоправданные надежды подает. Архимандрит Антоний, который весьма уверовал в болтовню этого престарелого узника, утешался среди монахов: “Случится изменение на императорском троне, Арсения освободят, и он опять будет архиереем, имущество вернут монастырям, и Арсений заберет с собой меня”. А еще архимандрита радовали слухи среди духовенства, что суд Синода проходил с нарушениями исконных правил, потому сан митрополита из владыки Арсения фактически не снят, а все свелось к самому обычному переодеванию - Бог забрал тогда ум у кривосердных судей.

Здесь в прокурорских бумагах все записано, напрасно Мациевич отговорками отделяется, он даже не знает, что, когда пошли доносы от пьянчуги иеродиакона Лебедева в губернскую канцелярию, начались допросы, то Антоний отрекся от него, мало того, рассказал на следствии, как Арсений Святой Синод упрекал.

- Может, и о Синоде не говорили, не ругали?

- Нет, - крутнул головой Арсений - ему так болела спина, потому что чуть ли не с возом дров за день управился. - Не укорял я Синод, только говорил, что, будучи архиереем, писал в Синод так, чтобы на Страшный суд стать спокойно. А писанное мной Синод растолковал ошибочно, поэтому буду я с ним на Страшном суде судиться.

Ему тяжело было стоять, боль потихоньку становилась сильнее, сейчас он чувствовал себя так, как будто спиной лег на голый под шибко натопленной печи.

Наконец Арсений вынул из кармана медный пятак и положил его сверху прокурорских бумаг.

- Милостыню? Мне?! - лицо Нарышкина побелело, и он что есть силы хрястнул по столу рукой, даже хлопок пошел под звонким сводом старинной монастырской кельи. - Я прокурор, а не попрошайка!

Арсений лишь грустно покивал головой. В видении, которое наплывало на него, представлялся ему Нарышкин, перед которым лъстиво кланяется люд, потому что стал он большим начальником, управителем государственных заводов, виделось, как самого Нарышкина уже допрашивают, потому что растратил казенные большие деньги, и как его заключают в крепость, присудив пять копеек в день на содержание - не будет больше иметь и до смерти.

- Берите, - тихо отвечает митрополит - Вот увидите, еще понадобится.

Раздраженный Нарышкин теперь копал на Арсения еще упорнее, не минуя допросами ни монахов, ни светских монастырских слуг, запирая в кельях на несколько дней без воды и еды «подумать и вспомнить». И таки накопал столько, что императрица немедленно передала дело генерал-прокурору Вяземскому.

- Узнайте, нет ли в Выборге, Нарве или Ревели особенно надежного каземата для этого лгуна, - велела императрица и просто таки порадовалась набежавшему словцу. - Так и назвать его - Враль, и ни одна душа на белом свете не должна знать другое его имя. Никто не будет иметь права знать...

12

Осенью 1770 года над Москвой кружили вороны, от их зловещего крика под высокими свинцовыми тучами стыла кровь и без того напуганных москвичей.

Пока в Петербурге звенели оркестры громких балов по поводу большей или меньшей победы в турецкой войне, невидимый враг, для которого не существует преград, проник чуть ли не в каждый московский дом - чума вошла в город внезапно и такой же невидимую косою клала люд, как созревшую траву в косовицу.

Врачи и ученые посылали спешные депеши в Петербург, писали, что срочно сделать нужно, чтобы эпидемию хотя бы остановить, и те депеши оседали в канцеляриях, кочевали из одного ящика в другой; кто-то из ворожей посоветовал только жечь костер, чтобы едким дымом отгонять беду - и те черные дымы шаткими столбами вздымались над Москвой загадочным призрачным лесом.

Болезнь началась в Генеральном сухопутном госпитале среди возвратившихся из турецкой кампании, тогда перекинулась на Суконный двор. Власти не удалось отправить в карантин рабочих из Суконного двора, перепуганный люд разбежался, разнося городом чуму.

Мальчишка из семьи Страховых каждое утро носил записку с числом умерших, поэтому, едва увидев малиновый пиджачок с голубым воротничком малолетнего курьера, открывал люд окна и с тревогой окликал:

- Сколько, дитя?

- Шестьсот!

- Сколько, сколько?

- Шестьсот! - опять кричал мальчишка, и жители утешительно крестились:

- Слава Богу, слава Богу...

Благодарное знамение возлагал люд на себя потому, что вчера тот же мальчишка в малиновом пиджачке отвечал: «Восемьсот!»

Трупы человеческие, которые обсели черные и зеленоватые толстые мухи, не успевали даже убирать, поэтому вороны совсем свыклись и перестали бояться людей. Обер-полицмейстер приказал выпустить преступников-колодников из тюрем и создать из них команды захоронений - те колодники по совместительству с новой работой еще и грабили и без того прибитый бедой люд. Мортусы из тех похоронных бригад, в масках и просмоленных балахонах, крюками, словно колоды, таскали человеческие тела, бросали их на подводы и вывозили за город или бросали здесь же в ямы, врывались в дома и тянули живых в карантин - москвичи скрывали страдающих тех больных, чтобы даже здоровым в тот карантин не попасть, потому что выход оттуда, в основном, был лишь в могилу. Генерал-губернатор граф Салтыков убежал из Москвы в село Марфино, как из пожара, за ним убегали офицеры, дворяне, чиновники. Через одиннадцать месяцев после начала эпидемии императрица Екатерина отправила в Москву главнокомандующим с самыми широкими полномочиями князя Григория Орлова, генерал-аншефа и своего фаворита.

У страха глаза велики. И такую же быстроту имели слухи, которые ширились при человеческом горе.

- Нас спасёт икона Боголюбской Богоматери! - разнесся слух в разгар беды. - Та икона, что у Варварских ворот.

Вал люда покатился туда, толкаясь, ругаясь, затаив надежду на последнее спасение. Люди прикладывались к иконе, давали щедрые пожертвования, ревностно читали молитвы на молебнах, которые служили безликие священники, объявившиеся мгновенно и не имевшие на то права без благословения архиерейского.

Новая беда вспыхнула и разгорелась, как огонь в жатвенный день. Кто-то распорядился ту икону, чтобы не переносилась чума, забрать в церковь Иоанна и Кира, а священников доставить к духовному начальству. Возмущенный люд священников отбивал силой, а сундук с жертвованиями попробовали забрать солдаты.

У Спасских ворот тревожно ударили колокола и поплыли над запуганными московскими улицами.

- Богородицу грабят! - возглас этот поднял на ноги тысячи людей, кто хватал дубовый кол, кто просто камень, который попал на глаза.

Повстанцы в поисках виновных ворвались в Чудов монастырь, разгромили винные погреба купца Птицына, ринулись расправляться с ненавистным генералом Еропкиным.

Огромная толпа стекалась к Кремлю, намерения мятежников не вызывали сомнения.

- Подкатить пушки к Спасским, Боровицким и Никольским воротам! - раздалась команда. Белый флаг, с которым шли офицеры к повстанцам, был истоптан и порван, а парламентарии сами едва спаслись.

- Картечью огонь! - прозвучал приказ.

Заревели чуть ли не в один голос пушки, ядра со зловещим свистом, описав дугу, попали посреди люда: вскрики, стон, исполосованные тела да еще новая команда «Целься!» так и остановили мятежников.

А на следующий день кавалерия, взблескивая саблями на сентябрьском солнце, пошла в атаку.

Бунт придушили. Писарь, нервно брызгая чернилами от пережитого, выводил на бумаге в Петербург срочное донесение: «78 человек убитых, 279-арестованных, 72- битых кнутами и отправленных на каторгу, 91-битых кнутами и отправленных на казенную работу, 4 - повешенных».

А в литейной мастерской в Петербурге, между тем, суетились мастера, и разливался металл для срочного заказа. Императрица повелела за усмирение бунта вылить в честь генерал-аншефа Орлова памятную медаль «За избавление Москвы от язвы». Князя Григория приветствовали при дворе с музыкой, с церемониями, как истинного героя.

Москве же было не до оркестров - скрипели телеги, вывозились трупы убитых и просто умерших от чумы, обустроивались новые кладбища - Ваганьковское, Дорогомилловское, Даниловское, Миусское, Преображенское, Введенское... Двести тысяч легло москвичей, почти столько же, сколько жило в начале того века в городе, легло от чумы, завезенной из победной, так шумно отмеченной приемами, балами и высокими наградами, войны с Турцией.

13

Она была уверена, что с тем митрополитом (к счастью, уже прежним) в действительности же со сморщенным от прожитых лет, словно вяленая груша, языкастым дедом, с облезлыми от давней цинги волосами, неприятным и колючим монахом, ей в жизни встречаться уже не придется : далековато на север отвезли его прыткие кони. Упоминания об Арсении, если и наплывали, императрица быстренько выталкивала из памяти и мыслей, как выталкивают за порог непрошеного гостя.

Впервые так легко избавиться ей от упоминания о Мациевича не удавалось, когда поступила неожиданная весть о внезапной смерти епископа Гедеона по дороге в Псков - только и успел ухватиться за сердце и вскрикнуть, даже карету извозчик не смог остановить. «Мало разве в жизни случается досадного и непредвиденного, - выталкивала, обеими руками выпихивала из мыслей зловещее воспоминание об Арсениевом пророческом слове о Гедеоне на том суде. Стечение обстоятельств – и всё».

Не прошло и два месяца, как другая грустная весть докатилась до Петербурга, странная, непредвиденная, непонятная.

Упал свод церкви Трех святых, что рядом с Крестовой палатой в Кремле, где судили митрополита. Здание не такое уж давнее, хорошие мастера его возводили, еще и иностранцев приглашали тогда для присмотра.

Рухнула церковь; слава Богу, что служба не правилась, и никого как раз не было, рухнула ни с того ни с сего, без ветра и бури, без сотрясения земного: только земля вздрогнула и клубы серой, как будто пепел, пыли поднялись в небо.

Как совпадение, народ удивлен - и в памяти дедов-прадедов не было, чтобы церкви падали, - начались суды и кривотолки человеческие.

- За грехи наши...

- А может, и не наши.

- Праведного здесь осудили.

- Говорил же митрополит...

- Миру конец: Бог знаменья показывает.

Народ прибывал, кольцо люда вокруг сужалось, уже и битым кирпичом топтались, только порох вспархивал из-под ног.

- Разойтись! – кричала стража и замахивалась, как будто для удара, но выкрикивала так несмело и неуверенно, потому что и у самой ужас покалывал спины тоненькими иглами.

- А еще насмехались над митрополитом Арсением, - судачил вполголоса люд, осторожно оглядываясь, нет ли вблизи кого-то чужого, потому что за неосмотрительное слово можно не пороха этого кирпичного понюхать, а казематной плесени.

Императрице уже в этот раз невольно было отогнать тяжелые воспоминания и горькие, брошенные невольно слова Мациевича. Вызванные спешно сановники только руками разводили, лишь Шешковский осмелился догадку свою выразить.

- Доносят, что кто-то примудрился Вралю передать святые мощи Димитрия... Вот он и приобрел непонятную силу.

Шешковский проговорил и тут же запнулся, пожалел о собственной поспешности: императрица на глазах преображалась в лице, побагровело то лицо, пятнами пошло.

- Воробьев вам стеречь, а не государственного преступника! - Императрицу, неизменно осмотрительную и сдержанную, такой придворным еще видеть не приходилось. - Найти, чьи это дела!

Шешковский, на которого окрысилась государыня, тихонько пятился за спины придворных, и гусиной становилась кожа на всем теле, словно вылез из воды на холодный ветер - так можно самому попасть в зарешеченный каменный дом, где до сих пор его пленников держали.

Несколько ночей после этого, едва сомкнет веки, императрице снилась невиданная до сих пор картина церкви, которая рушится, стон земной и клубы пыли в небе; вздрогнув, она просыпалась, пробовала даже читать, но как только задремнуть старалась, то опять наклонялся и как будто проваливался церковный купол...

Одна беда редко ходит. От Шешковского, что после памятного разговора то ли слегка заикаться стал, то ли просто приобрел привычку подольше думать, пошли прочие тревожные донесения. Зашевелились тайные недруги ее, поддерживающие законного, на их взгляд, претендента на трон Ивана Антоновича.

Уже на следующий день, как только взошла на престол, Екатерина Вторая из Петербурга послала генерал-майору Силину свой указ.

"Вскоре по получении сего имеете, ежели можно того же дня, а, по крайней мере, на другой день безыменного колодника, содержащегося в Шлиссельбургской крепости, под вашим смотрением, вывезти сами из оной в Кексгольм, а в Шлиссельбурге в самой оной крепости очистить лучшие покои и прибрать, по крайней мере, по лучшей опрятности оные; которые изготовить, содержать по указу".

Четвертого июля генерал-майор докладывал из села Морья, что в трех десятках верст от Шлиссельбурга, о своем непредвиденном приключении. Буря разбила их нехитрую посудину на озере, и они с арестантом ожидают в селе теперь другое судно, чтобы как-то доплыть в Кексгольм. Наконец Ивана Антоновича доставили назад в Шлиссельбург.

Со страхом, с неизвестным, непонятным сочувствием посетила новая императрица своего конкурента в казематах зловещей славы. «Да он же сумасшедший, - посмотрела, покачала головой и махнула на все. - Животное существование, пусть себе остается».

Сейчас она не могла так махнуть рукой, отнестись легкомысленно к новым донесениям было бы неппростительной ошибкой.

«А еще кто-то завидует моей удаче», - делала гримасу, словно вдруг зуб заболел, и эта боль, занудная, никак не хотела отступать.

- Захотят освободить Ивана Антоновича - при наименьшей попытке его... - распорядится императрица таким тоном, что переспрашивать детали ни у кого не было охоты.

14

В саксонском кабаке играла музыка, в саксонском кабаке выплясывали миловидные цыганки - смуглые и стройные, друг друга, вероятно, красивее, хоть воду с лица пей; как вывернется которая станом, как начнёт веять красочной юбкой, то даже истома брала офицера Шванчича, кровь закипала, и бурлило, и пружинило молодое тело. Сюда любило заглядывать офицерье, и Шванчич кабаков не часто обходил стороной. Ему смаковало красное вино, завезенное из неблизких испанских краев, быстрая музыка просто таки тормошила и манила к танцу, но его больше интересовала одна цыганка, что ко всему прочему еще и подмигивала. Сияющая и разгоряченная, она подмигивала всем, и подогретому вином Шванчичу казалось, что подмигивает она ему как-то особенно.

Братья Орловы ввалились в кабачок, как к себе домой, Федор и Алексей, оба высокие и широкоплечие, уже навеселе, увидев знакомого Шванчича, направились к его столику, и

Алексей умудрился на ходу щипнуть цыганку, которая так сияла улыбкой и подмигивала Шванчичу.

- Не трогай, - добродушно проворчал тот. - Это мне.

- А ты ее разве на базаре купил? - выставил зубы на показ Алексей.

- Цыганское племя принадлежит миру, - Алексей продолжал раздавать весёлые шутки. - А еще тому, у кого силы больше.

Здоровяк Шванчич понял вызов и рыкнул сердитым, разбуженным среди зимы медведем. Он таки не уступал по росту и силе любому из пяти братьев Орловых, мог кулаком выбить кирпич в стене, а в заварухе молодецкой чувствовал себя, как рыба в воде - дрался отчаянно, никогда при этом не переставая улыбаться.

- Да пошел ты, - и бросил закрученное, как старые бараньи рога, матерное слово.

Алексей без длинных размышлений зацедил ему под ухо, и неудачно, руку соперник как-то отбил и, в свою очередь, вlepил Алексею такого пинка, что тот полетел кувырком.

Еще через мгновение клубок из трех тел покотился между столами, выкатился за порог, хрястнувши выломленной дверью; Шванчич сумел вскочить на ноги и, став к стене спиной, по очереди бил обоих братьев.

Кровь смешалась с вином, добавляя лихорадки драке, он долго держался против двоих, пока Алексей не попал в лицо: зацедил со всей силы, даже руку в плече почувствовал, ту руку, которая одним ударом сабли могла отсечь голову старого быка.

Когда Шванчич упал, для Федора с Алексеем наступила настоящая потеха - его били ногами, бутузили под ребра и в пах, по рукам, которыми тот силился заслонять лицо, дубасили что есть мочи, копали одновременно и по очереди, пока тело не стихло и не перестало даже шевелиться.

Шванчич долго лежал так в грязи, под ночным дождем, трудно дыша и едва постанывая, пока Алексей, переполненный заморским вином, не вышел к ветру. Из последних сил Шванчич поднялся на ноги и, выхватив саблю, черкнул по Алексею в лицо. Два из него стали бы, если бы не побитая рука Шванчича, а так (в рубашке таки родился) лезвие лишь разодрало щеку, от уха ко рту. Окровавленного, в полусознании брата Федор успел довести к хирургу - с тех пор шрам глубокой бороздой остался, который на холоде то синел, то становился багровым.

Тот случай был единственным поражением Алексея. Он мог что угодно отколотить и быть уверенным в безнаказанности - за ним стояла такая же широкая, как и у него, спина брата Григория. Григорий бросился в глаза Екатерине, еще когда она была лишь великой княгиней, задолго до восхождения на императорский престол. Отбив Григория у хорошей приятельницы графини Брюс, великая княгиня по достоинству оценила вкусы графини - молодое и упругое тело Григория мяло ее неистово, вбрасывало в неистовство, в беспамятство, она забывала напрочь и мужа, и предыдущих любовников, ее несло бурными волнами и так хотелось, чтобы этому безудержному потоку никогда не было конца. Верный камердинер Василий Шкурин, не засвечивая свет, тихонько каждый раз отворял дверь и Григорий, воровато крадучись, нырял в опочивальню.

Но однажды, тешась молодым и упругим телом любовника и выгибаясь выброшенной на берег рыбиной, она в порыве ласки нежно потерла его по щеке ладонью. Потерла и похолодела, под пальцами чувствовался глубокий рубец Алексея.

Она выскочила из постели и засветила свечу.

- Как вы посмели? - возмущенный полусшепот - полукрик на Алексея никак не подействовал.

- А какая вам разница, - Алексей устало надевал панталоны. - Вам с Орловыми не стоит ссориться. Потому что они не только в постели гвардейцы, но и... - и не договорил.

Алексеевы слова стали пророческими, когда нужно было девать куда-то мужа.

Григорий оказался весьма ловким действительно не только в постели, он таки был наблюдательным человеком. Когда императрица начала быть весьма мягкой с Григорием Потемкиным, который стремительно делал карьеру от капрала до камер-юнкера, а взгляд самого Потемкина на располневшее тело императрицы становился словно намасленным, братья Орловы застукали его в одиночестве.

- Не для твоих зубов это мясо, - сказал Григорий Орлов, и пудовый кулак его попал в зубы Потемкина, так что захрустело.

- Хороший пестик, только для другой ступки, - улыбнулся Алексей кривой улыбкой и ударил что есть силы ногой в пах.

Сыпнули искры из глаз, Потемкин свалился, и теперь уже в кругу братьев, лежа, он никак не мог защищаться от ударов ногами. Били в живот, били под ребра, текла изо рта кровь, хоть как ни закрывал лицо руками, пока удар в глаз носком и вовсе не отобрал сознание: сверкнули внезапно еще в глазах разных оттенков круга, и так же внезапно погасли; наступила ночь.

Он выхаркивал долго эту драку кровью, учился ходить заново, как в детстве, но мощная природная сила его организма в конечном итоге победила, только на один глаз ослеп. Длительное время двадцатичетырехлетний камер-юнкер даже не появлялся при императорском дворе.

А Григорий Орлов хорошие способности заявил не только в постели. Когда Вольтер прислал первое письмо императрице Екатерине, восхищаясь ее будущими реформами, Григорий, между прочим, то ли мысль свою вслух выразил, то ли давал совет:

- Хорошо было бы соболей ему послать...

Императрица бросила взгляд резко, взгляд то ли колебания, то ли резкого несогласия: правильно ли ее поймут?

- Соболи - они и во Франции соболи, - прижал тоном Григорий.

Прислушивалась императрица к его мысли и о Глеbove.

- На всех задворках плещут, что Глебов перепутал императорскую казну со своей, - он привычно выкладывал мысли напрямик, по-солдатски, не закручивая их в хитромудрые кружева придворного этикета. - Так не должно быть. Он присвоил большую часть того, что выделялось на переселение в Малороссию сербов, армян, болгар и греков.

Когда императрица позвала Глебова, тот, на удивление, не стал отнекиваться, только покорно склонил голову, как будто подставляя ее на лобном месте для казни.

- Виноват, императрица, - с такой же покорностью, но уже в голосе, ответил Глебов.

- Вы понимаете, что здесь сибирским холодом тянет? - гневные, но еще отдаленные молнии стали мигать в глазах императрицы.

- Виноват, ваше императорское величество, - не менял голос сановник. - Но когда я давал вам по двадцать пять тысяч рублей, тогда вы еще были великой княгиней, и по десять, и по пятнадцать, которые вы проигрывали в карты, то где их мог я еще взять?

Осторожными шагами императрица освободила Глебова, но под суд не отдала - пусть повисит над ним дамокловым мечом угроза, рот, может, плотнее будет закрыт.

Но в одном государыня не послушала Орлова - обвенчаться с ним.

- Ваша тетьа Елизавета обвенчалась же с Разумовским, и тебя никто не осудит, - налегал Григорий.

Деликатно завела она речь об этом с графом Паниным, всезнающим на ее взгляд, и в то же время коварным, мудрым змеем из библейской гравюры, который умел просчитать все на несколько шагов вперед.

В этот раз Панин отрезал без привычных выкрутасов.

- Слово императрицы для меня закон. А кто станет слушаться графини Орловой?

15

- Банкир Судерланд, Ваше императорское величество! - обе половины позолоченной двери приоткрылись, и Судерланд вошел привычной быстрой поступью.

- Как я рада видеть вас, мой милый банкир, - императрица улыбалась искренне, ей действительно становилось веселее от каждой встречи с этим чужестранцем, образованным и галантным, который, однако, никогда не опускался к привычной при дворе надоедливой патоке льстивости.

- День аудиенции в моем календаре каждый раз отмечаю как праздник. - Судерланд умиленно смотрел на перстень императрицы с удивительным камнем, который переливался каким-то необычным, чуть ли не фиолетовым оттенком, - до сих пор его еще не видел.

- Догадываетесь, почему зовут банкиров - нужны средства, - императрице легко как-то велось из Судерландом, она была уверена (и не раз тщательным образом проверяла), что ни одно слово между ними молвленное, не вырвется в Судерланда вне порога дворца. - Большие средства нужны.

- Большим людям - большие деньги, - поклонился банкир, потому что так ему было легче спрятать изменчивую кислинку, которая могла промелькнуть лицом и выдать его, - были хлопоты с невозвращением предыдущего заема.

- Вижу, придворную науку лести усваиваете как примерный спудей.

- Нет, Ваше императорское величество, я просто цитирую сказанное Дидро, и Вольтером, и Гриммом на всех европейских перекрестках.

Судерланд хотя и имел хлопоты с заимствованиями раньше, но был уверен, что многократно окупятся они: трон крепок, бунты придушены, следовательно, расплатится.

- За что я люблю банкиров, то даже не за то, что деньги дают, а еще больше за умение не ставить глупые вопросы: зачем эти деньги? - Императрица подошла к окну и, примолкнув, загляделась в весеннюю даль. По умытой после зимы лазури неба, какой-то наивной и целомудренной,плыли нахмуренные тучи, но нахмурились они наигранно, не всерьез и не будили в душе беспросветную осеннюю печаль; на нераспустившихся еще ветвях, где едва проклевывалась и еще не торжествовала зелень, уселась стайка грачей - черные крапинки

между зеленоватого дымка, будто умышленно рисованные тушью неумелой детской рукой. И так каждую весну, и много-много весен, и сотни лет будет приходиться неумолимая пора воскресения природы; ее, великой императрицы, давно уже на земле не будет, а птицы так же беззаботно будут возиться на нераспустившихся еще ветках. Но она должна успеть, должна остаться, а то не хорошо так - владеть полмиром и бесследно исчезнуть, самое большее, прорасти какой-то травой.

- Мой славный предшественник Петр I, - обернулась опять лицом к банкиру, - почти три четверти казны тратил на войны. И что? В памяти благодарных россиян он остается Петром Великим. Поэтому и мне, наверное, к такой доле расходов тянуться нужно.

- Чем больше цель, тем больше в деньгах потребность, - не стал умничать Судерланд - у него зуб разболелся, но роскошь, хотя бы сделать гримасу, несвоевременна.

- Я ни с кем из придворных не могу, а когда и боюсь, поделиться мыслями, потому что кто-то их обязательно переиначит и ошибочно истолкует, - Императрице почему-то хотелось поделиться передуманным, словно оно там барахталось и возилось, и все просилось в мир широкий. - Что останется после человека, когда он уйдет?

Она посмотрела на банкира так, будто именно он единственный в мире знал ответ.

- Не зна-а-ю, - протяжно пропел удивлённый Судерланд. - Мне и в этой жизни заморочек хватает.

- Что осталось от персидского царя Дария? Или от Александра Македонского? Или от обладателя всех миров Чингисхана? - прижимала она, как будто на допросе, и банкир обязан был дать точный ответ. - Где построенные ими города, любовно возведенные дворцы? Нет их. Где положенные ими дороги? Есть лишь невероятное число сложивших головы чужих и своих воинов. Но их имена - и Дария, и Александра Македонского, и Чингисхана плывут горделиво над веками, как эти тучи над весенним Петербургом. Я вам скажу, что остается после великих в мировой истории: остается миф. Это невероятное для меня самой открытие... Миф, что-то такое эфемерное, бесплотное, нематериальное, лишь миф способен победить непостижимое течение веков. Время и войны разрушат дворцы и города, исчезнут народы, из карт политических пропадут государства, а миф Чингисхана, Александра Македонского и Дария останется навеки.

- А я не знаю цену, по чём мифы теперь на рынке покупаются... И можно ли приобрести их за деньги? - В Судерланда даже зуб перестал болеть.

- Деньги нужны, и еще, и много, - совсем на иронию не обиделась императрица. - Если судьба забросила меня в эту страну, то должна воспользоваться случаем... Я должна быть большей россиянкой, чем сами россияне, должна расширить границы моей империи. А это кое-что стоит... Из этой до сих пор грязной страны пьяниц, воров и попрошаек, из недавнего улуса отдаленной провинции Чингисхана, обязана вытворить миф великой России - и через века вспомнят, кто снискал это величие. Я построю, конечно, также дворцы, но не уверена, что войны и время их уберегут. А миф о великой России и ее императрице будет крепче всех тюрем...

- Замысел достоин вашего императорского величества, - Судерланд не мог скрыть сомнения. - Но прошлое уже на пергаментных листах нацарапали летописцы, да и сегодня, извините, не все в России такое радужное, так как люд простой не везде роскошествует.

- Глупости, банкир, - устало ответила императрица. - Мои льстивые царедворцы думают, что не знаю, как в голодные зимы крестьяне едят желуди, болотную траву и солому, спят в грязи вместе со скотом, а помещики из крепостных девушек создали гаремы. Но это, поверьте, забудется, останется лишь величие. Благодарные потомки будут ставить мне памятники - горделиво буду подниматься на высоком постаменте, а где-то там внизу разместятся славные мужи империи, мои помощники, мои фавориты, скульпторы, уже сами разберутся, кого изобразить и в какой позе... Прошлое отредактируем как надо, что бы там летописцы, очевидцы, философы, военные и государственные деятели не рассказывали. Наведём порядок со всеми летописцами - мы перепишем историю России, настоящие пергаменты пойдут в огонь, зато останутся из них правильные списки. Вся историческая документалистика будет тщательным образом почищена, начиная с Нестора-летописца и до более близких времен, все должно отвечать великому мифу, что-нибудь иное станет невозможно доказать. Не только чужая земля, но и ее история, будет героической историей России.

- Я, думаю, договорюсь с банкирскими домами Голландии, - величие замыслов Судерланд переводил как будто из одного языка на другой, на свои финансовые ходы.

Императрица же прикидывала, какую сумму она должна назвать банкиру. Нелегкой была ноша военных расходов, но и здесь хватало кому давать. Отдельно, не для чужих глаз, вела записи подарков тем, кто давал ей утешение в опочивальне, кто мог приголубить и заставить забыться от тяжелых трудов на троне. От Орлова, как остыл, откупила малостью: сто тысяч рублей на достройку его дома, право на год пользоваться винными

погребам и экипажами царского двора, оставила все предварительно подаренные поместья и еще сто пятьдесят тысяч ежегодного пенсионера. Зоричу даровала город, Васильчикову - пятьдесят тысяч, серебряный сервиз, дом на Миллионной да еще село, Ермолову - сто тридцать тысяч и еще четыре тысячи душ крепостных, Потемкину сегодня – очередных сто тысяч... А еще просители отовсюду, вон из Киево-Могилянской академии вчера для профессоров просили – для них тринадцать копеек в день как раз. А Судерланд пусть не ленится шевелить мозгами - банкир милый все-таки человек, вон собачку какую ей прехорошенькую подарил. Он так постарается, если быстрый умом, хорошие отношения поддерживать с ней. Расходы - это замысловатая вещь весьма, они растут, как на дрожжах. Как-то она не поленилась и с немецкой пунктуальностью взялась считать в целом, суммарно подаренное лишь любовникам, кроме упомянутых текущих расходов. Братья Орловы получили семнадцать миллионов рублей, Высоцкий не стоил больше трехсот тысяч, зато Васильчиков - один миллион сто тысяч, Завадовский - миллион триста восемьдесят, Зорич большую утеху приносил - миллион четыреста двадцать, Корсаков успел лишь на девятьсот двадцать тысяч затянуть, Ланской, милый ребенок, ей и сейчас не жаль семи миллионов двести шестьдесят тысяч, Ермолову хватало пятьсот пятьдесят тысяч, Мамонов, зверюга самый настоящий в постели, стоил миллион восемьсот восемьдесят тысяч, а над ними возвышались братья Зубовы с тремя с половиной миллионами. Конечно, никто не сравнивается из них с Потемкиным: пятьдесят миллионов - это без дворцов, драгоценностей и посуды, без крепостных душ. А тех душ Орловы получили где-то до пятидесяти тысяч, Васильчиков - только семь, Завадовский - шесть тысяч в Малороссии и две в Польше, Корсакову подарены четыре тысячи польских душ. Всех она точно не могла посчитать, потому что деньги нужно одалживать и отдавать, а души бесплатны, сами себе плодятся.

- И еще буду благодарна за совет: сколько можно дополнительно выпускать бумажных ассигнаций и не будет ли казначейству хлопотно, если налоги люд России будет платить бумажными ассигнациями, а Белая Русь и Малороссия - настоящими серебряными рублями?

Судерланд был хорошо осведомлен в здешних финансах, долгах внешних и внутренних, иначе ему было бы ничего делать в этой стране. Вал бумажных ассигнаций, внедренных Екатериной II, нарастал, и они обесценивались - вопрос лишь предела этого вала. Платить налоги люду России бумажными деньгами, а Белой Руси и Малороссии серебром - значило сделать в этих землях бремя чуть ли не впятеро больше - за серебряный рубль уже ходили двадцать два бумажных. Об этом никто вслух не говорил, но Судерланд прекрасно понимал, что, кроме возложения на Малороссию и Белую Русь впятеро больше ноши, у замысла императрицы будут весьма далекие последствия. Вода течет из горы вниз, так и потекут деньги - купцы и заводчики не будут вкладывать кровные в земли, где налоговая гора, золото и серебро, будет течь в долину - упадок этих двух земель увидят лишь с годами. Да и цены от бумажного вала бегут наперерез - когда вступала императрица на трон, то хлеб стоил в семь с лишним раз дешевле, с девяноста шести копеек за четверть ржи стал семь рублей, попробуй, проживи человеку. Но это не Судерланда головная боль.

- Ваше императорское величество, насколько я осведомлен, долги России уже втрое превысили годовой доход казны. Поэтому у меня есть совет, чтобы печатные станки деньги не так быстро клепали... Воля ваша делать разные налоги в разных землях, но не вызовет ли это недовольство, тем более, бунт?

- На эту болезнь у меня есть знатные врачи - Михельсон, Суворов, поэтому вылечат.

На следующий день, подсакивая на весенних выбоинах и разбрызгивая грязь, карета Судерланда мчала в нидерландские края, верста за верстой оставляя за спиной это загадочное, обычным умом не понятное государство.

16

Калнишевскому из Мациевичем не суждено было больше встретиться, но тогдашний разговор не раз приходил в голову Петру. Вспомнилось ему, и как возвращался из коронации в Украину.

- Что же оно будет, владыка? - спрашивал Калнишевский у митрополита. Двое пожилых людей, которым пошел седьмой десяток, один седой, а второй облысевший, говорили тихо,

чтобы их беседа чужим ушам не досталась. - Нет большого добра в Украине, да и здесь воздух мне не по вкусу...

Калнишевский вдохнул носом так, словно тот воздух, который неизвестно чем пах, как раз был его главной заботой.

- Светлые пасхальные дни, казалось бы, доброта и умиротворение на душу лечь должны были, и хорошее слово... Ан нет, идет вчера мне навстречу мужик, пьяный в стельку, спотыкаясь и падая, кричит через улицу, увидев знакомого:

- Христос воскрес ...твою мать!

Я даже перекрестился, - и Калнишевский положил на себя крест, словно эта картина как раз была перед глазами.

- Не знаю, Петр, - митрополиту вспомнились другие горькие случаи, потому что не засиживался на месте, объездил немало приходов ростовской и ярославской земли. - Бог наказал за что-то Россию...

- А у нас говорят, что это царевич Алексей проклял сыноубийцу Петра 1 и, умирая, пророчил: «Из-за тебя Бог накажет всю Россию».

- Кто знает, может, и упало проклятие на землю эту из-за того, что сына отправил в могилу, а в исповеди вместо «Веруешь ли?» заменил на «Пьешь ли?» - Арсений передохнул, нехитрым было здоровье, сибирские путешествия до сих пор давали себя знать. - И, думаю, не на одном лишь вырожденке-императоре вина... Ответственны перед Господом и этим людом все те, кого называют «цветом», - образованные, сановные, ученые мужи, душпастыри. Потому что это из-за их тихого согласия, нередко подленькой выгоды, народ спаивают, за скот держат. Мало того, народу объясняют, что он самый лучший и самый храбрый, не к ремеслу его и плугу готовят, а к разбою и войнам. А дальше все просто: у соседа дом белый и яств в том доме полно, он бессердечен, хотя и нажил мозолями, но не делится с тем, что в шинке гулял; иди, говорят тому люду, забери все, что в белом доме, оно такое же и твое... Еще и душпастыря заставят благословить разбой. И нет никого среди того «цвета», ни среди придворных, ни среди ученых мужей, чтобы разбой назвал разбоем, а голодному люду объяснил: тебе достанутся крошки, добытое же в разбоях и войнах достанется ненасытному сановитому. Так ограбив один чужой дом, натравят на новый, и повторяется это без конца...

- Не может так бесконечно продолжаться.

- И не хотелось бы... Но в этом человеческом котле учиниться способно еще худшее. Именно время прийти новому Чингисхану, не важно - в штанах он будет или в юбке, и поведет он тогда разрушенный вдребезги народ, голодный и озверевший люд, куда перстом укажет. И народ поверит этому Чингисхану, даже будет воспевать его, монументы-памятники возводить. Эта имперская чума зависти и разбоя страшнее самой чумы, потому что заразная болезнь такая не погибает ни в мороз, ни на солнце, и как уберет Господь Чингисхана, то придет еще какой-нибудь там Батый, и все пойдет на круги своя...

- Что же нам делать, владыка? Неужели Батыею ожидать?

Калнишевский заглашал неожиданное раздражение, и ему это плохо удавалось. «Хорошо митрополиту рассуждать со своей неблизкой кафедры, - подумал с сердцем. - Член Синода, самой императрице может поперек слово сказать... Попробовал бы на моем месте: с одной стороны полыхает пламя над жилищами от татарских набегов, с другой - Польша криво поглядывает, с третьей - русский сановник жадной лапой тянется, еще и люд неизвестно из каких краев, как в мокрое лето тучами комарье, обседает».

- Хорошо там, Петр, где нас нет, - рассмеялся митрополит, и Калнишевский не заметил даже, что отвечал он на невымолвленное вслух. - А делать... Молиться и просить Божьего благословения. А еще хозяйничать. Всевышний даровал казацкому люду благодатную землю, то неужели ожидаете, что он по почте пришлет распоряжение облагородить ее, чтобы вместо ковыля рожь-пшеница шумели? Бог скрижали дарует не каждый день... Или ждете, пока людность, которая счастья не имела и не умела получить на своей земле, заселится на твоей?

По дороге домой много передумал Калнишевский, взвешивал сказанное ежистым митрополитом, сначала сердился в уме на него, а когда остыл, то стал рассуждать, что, действительно, нужно не упустить время на хозяйство. Среди самой запорожской братии есть желающие, уставшие от походов, наконец, жениться - чего же им не помочь завести свои хутора? Даже есть неженатые, которые охотно будут копать в земле. Зимовья завести на реке Самаре, пусть сажают себе садики, вокруг ульев хлопчутся. Из полтысячи таких зимовьев учредить может. И крестьяне из Гетманщины, Слобожанщины пусть селятся, даже беглецам из польской Украины не следует запрещать. Здесь им не накинута непосильные налоги и другие повинности. Сечевых казаков сейчас далеко за десять тысяч, а вместе с теми, что в палатках, то и до двадцати наберется. А еще парочка-вторая тысяча

женатых казаков, которые живут на своих зимовьях и слободах. Крестьянского люда, наверное, тысяч сто пятьдесят, а всего в Запорожских Вольностях, наверное, таки двести наберется - это же какая сила... Будет, кому землю свою приукрасить.

Качалась-покачивалась карета в неблизкой дороге, смотрел Калнишевский на поля и перелески за окном, и словно их не замечал - все хотелось заглянуть наперед, через годы, все хотелось увидеть, как сады зашумят, и улы озабоченно будут гудеть.

Но расхозяйничаться ему тогда не пришлось. Ведь дома его ожидали не улы - гудел старшинский совет.

- Должен сложить булаву, Петр. Не понравился ты почему-то Екатерине, - опускали глаза старшины. - Хороший ты мужчина, и атаман славный. Но несвоевременно гневить императрицу.

Молча положил булаву Калнишевский. Хотелось было спросить: почему же тревожили меня, старого, когда голод подступал к Сечи, а теперь уже не нужен? Но не сказал, только поблагодарил и поклонился во все стороны.

17

На Шлиссельбургскую крепость наплывали туманы. Они зарождались над водой, окутывали берега, окутывали каменные крепости, а уже до полуночи туманы совсем сгустились - фонари на стенах сквозь эту серую вязкую мглу казались лишь желтыми крапинками с лёгенькими нимбами. Караул обходил с факелами, но толку от них немного было, потому что уже за три шага ничего уже было не видно, быстрее помогала перекличка охраны.

«Как раз, - подумал подпоручик Мирович, который дежурил караульным офицером. – Как раз время, его звездное время начинать великое дело. Даже природа в помощь».

Он долго хлопотал и таки добился, хоть в один момент и не без высокой помощи, своего назначения в Шлиссельбургскую крепость. Он, простой подпоручик Василий Яковлевич Мирович, должен этой ночью сделать великое дело, благодарность за которое сразу двух народов, - освободить наследника русского престола, который был императором еще с младенчества, Ивана Антоновича, так же заслужит благодарные слова из прадедовской, такой неблизкой отсюда его земли. Лодка готова отвезти наследника в безопасное место.

Бьют часы второй час ночи, туман не развеялся, разве что стал гуще.

- К оружию! - голос Мировича то ли из-за волнения, то ли из-за сырой погоды какой-то хриплый.

Топот солдатских ног, призрачное мигание факелов. У него под командой немного, лишь тридцать восемь штыков, да и этого храброму хватит.

- Заряжай! - голос подпоручика твердеет.

Сонный подполковник, командир тюремщиков, выскочил в нижнем белье.

- Кто дал право объявить тревогу?

Его отталкивают, так что летит кувырком. Мирович быстро, глотая иногда слова, зачитывает манифест об освобождении.

Тюремная охрана от начального беспорядка пришла в себя, уже отстреливается, но напрасно в тумане попасть.

Мирович дает своим солдатам новую команду:

- Стрелять по верху голов!

Тюремщики дальше оказывают сопротивление, и тогда выкатывается пушка, спешно подносятся ядра и порох.

- Заряжай!

Как вдруг со стороны тюремной охраны:

- Не стреляйте! Сдаёмся!

Из тумана, как из мутной воды, выплывает силуэт капитана Власьева, направляется к Мировичу.

- Пошли со мной, подпоручик, - Мирович направился за капитаном.

«Неужели все так просто? - невероятное удивление заменяло в душе его недавнее волнение. - Неужели такое великое дело можно так быстро решить? И ни одного погибшего солдата!».

Их твердые шаги сырým полом крепости, которые вторили вначале, глушит топот солдат, что и себе направились за офицерами. «Неужели это возможно в мире - так просто? - У Мировича от удивления тело похолодело больше, чем от предрассветной сырости. - И лодка, где сильные гребцы уже наготове, повезет, наконец, ни в чём не повинного пленника?».

Наконец Власьев остановился около покрытой плесенью и грибокóм, грубой работы двери.

- Здесь, - только и сказал, вынул свечу и зажег.

Власьев, Мирович и еще один офицер из тюремной охраны Чекин.

В пустой камере ни души, какие-то лохмотья, что определено назывались одеждой, развешаны на стене, стол и кровать, скамья...

- А где же... где Иван Антонович? – поднимает Мирович медленно взгляд на Власьева.

И здесь в мерцающем свете подслеповатого пламени, он замечает что-то на полу, нагибается разглядеть, хватает руку капитана со свечой, пригибая ее ниже.

Мужчина, который лежал на каменном полу, уже не двигался, шея вся в крови, и лужа ее расплывалась, мужчина лежал как-то полускорчась: или защищался еще перед смертным часом, или судороги последние так тело свели.

- Вы? - обернулся Мирович к Власьеву и Чекину. - Вы убийцы?

Свой голос Мирович, теперь уже спокойный, какой-то даже будничnýй, поручик сам не узнал.

В тиши, наступившей внезапно, громко хлопнув, только капля влаги с потолка упала.

- У нас присяга, - шмыгнул носом, словно школьник, и попятился Чекин. - Мы выполнили долг.

Теперь все, что происходило в голове Мировича, было в такой же мгле, которая наверху укутывала всю крепость. Солдаты вынесли тело покойного бывшего императора на плац, молча выстроились.

Светало, солнце сквозь мглу не способно было никак пробиться, только на фоне просветлевшего неба уже вырисовывались контуры казематов.

- Оружие на караул!

Шорох одежды, заученные движения, до подсознания, как у механических каких-то игрушек.

- Последние почести императору - залп!

Выстрелы прозвучали почти в одно и тоже время, как раскатистый гром, тот гром заметался плацем, наконец, преодолел его тесноту, вырвался за крепость и покатился над рекой, ложбинами, катился и перекликался сам с собой.

- Вы арестованы, - шагнул к Мировичу теперь уже по форме одетый комендант тюремной охраны. - Ваше оружие, подпоручик. И вы, Власьев и Чекин, арестованы также. Надеть им всем наручники.

18

Булава кошевого в руку Калнишевского вернулась неожиданно - перевыборы свалились как белый снег на белую и без того уже его голову.

- Калнишевского кошевым!

- Кумекает, согласны!

Он стал общество совестить:

- Зачем же, братья, старца одного менять на другого?

Нечего и слушать: гудели казаки, выкрикивали отрицательно, гоготали, как растревоженные гуси.

Тогда взялся за более веские резоны.

- Нельзя делать такое без рескрипта императрицы. Нехорошо из-за булавы ссориться. Да и время для этого не самое лучшее.

- А мы без налыгача чьего-то обойдемся! Сколько уже нас, как слепых тварей, кто-то чужой будет водить...

- Побойтесь Бога, есть из своих кого выбирать!

- Калныша! Не пренебрегай нами, Петр!

Лучше было бы тихо кости выгреть на завалине, заработали эти кости на покой, выходили мирами и выездили, но так уже гоготало братство, что, наконец, покорился.

Одним днем промелькнули первые годы. И взялся кошевой, в первую очередь, за то, о чем говорил из Мацеевичем, о чем советовался и за что сердился - за хозяйство. Груши и яблони поднимались в садах на новых хуторах, разрастались, бляела и мекала живность на тех подворьях; со временем уже не хуторами, а целехонькими слободами облагалась земля.

А когда новые тучи стали зависать над Сечью, пригласил в гости к себе военного писаря Глобу и есаула Головатого - рождественские праздники еще продолжались, щедровальники из порога не сходили.

Как поужинали и выпили по рюмке, позвал колокольчиком кошевой джуру.

- Никого не пускать!

А тогда вынул бумагу, перо с чернилами и положил перед Глобой:

- Пиши!

Мало какая оказия в государственных делах случается, в календари она не всегда заглядывает, поэтому Глоба уселся удобнее и макнул перо.

- Что писать, Петр?

- Пиши донос на меня императрице.

Глоба даже голову наклонил и прищурился, словно собрался нить в маленькое ушко иглы втянуть.

- Петр, но мы же только по одной рюмке выпили.

- Пиши, пиши. А если думаешь, что я один в доносе буду скучать, то и себя добавляй, и Павла за компанию.

Глоба все еще прищуренно поглядывал, будто целил в ту невидимую иглу, и понемногу стал понимать, куда кошевой клонит.

- Пиши, Иван, донос, что кошевой Калнишевский вместе с таким же негодяем военным писарем Глобой и есаулом Головастым злое дело собираются совершить. Если в ближайшее время в споре Запорожского Коша и России за пограничные земли императрица ослушается казаков, то кошевой собрался к крымскому хану послать депутацию. Выберут, мол, человек двадцать таких же, как здесь указаны парсуны, и будут просить там принять их под хана протекцию. И подпиши «Павел Савицкий», с ним я уже тихонько вчера договорился.

Головастый только за ухом почесал:

- Петр, а не случится пересол? Сибирский мороз немножко больше нашего, - ткнул пальцем в оконное стекло с вычурными узорами, что папоротниками сказочными расцветали.

- Братья, я стар, мне уже бояться поздно. А вы решайте, не принуждаю, чье имя можно еще вычеркнуть - бумаги у меня достаточно переписать.

- За кого нас принимаешь, - буркнул Глоба и поглядел на Головастого, тот лишь головой крутнул.

- Петр, а ты хорошо все обдумал? Не поверят, скажем, и на невинного человека беду накличем?

- Нет, Павел, после Искры и Кочубея, казненных, на их взгляд, напрасно, за топор палача сегодня не станут хвататься.

- А если за нас возьмутся? Чего же здесь душой кривить?

- Это еще нужно в следствии довести. Человек слышал звон, но не знает, откуда он, вот и выслужился перед императрицей, написал искренне.

- В конце концов, можно на всю Сечь большую беду накликать. Клеветнику какому или любовнику дежурному неизвестно что придёт в голову...

Кошевой ответил не сразу, лишь глаза призакрыл, словно его на сон потянули.

--Не пойдут сейчас с нами воевать. Однако, рано или поздно, я этого никогда еще не говорил,

братья, рано или поздно, Петербург захочет срубить Сечь нашу под корень. Но не теперь: очень нужны мы в войне с Турцией.

Калнишевский опять поднял колокольчик.

- Гонца! - бросил шустрому джуре.

Топот копыт коней, которые рванули с места порывисто, все отдалялся, стихал и, наконец, замер.

*

В тесную комнатку над сенями, с облупленными стенами и треснувшей печкой, которую снимал поручик Василий Мирович, - на лучшее жилище не хватало, потому что уже восемнадцать месяцев не получал жалования, двое незнакомцев неожиданно заявили поздним вечером.

- Вас просит высокая персона, - сообщили гости, когда представились, но просьбу выразили твердым, не вызывающим ни малейшего сомнения, тоном.

Мирович не знал, куда его везут в карете с зашторенными окнами. Он только глазом окинул, когда взошел, мраморные ступени роскошного дворца, точеные причудливые перила... «Что бы такое приглашение значило?» - удивление Василия не имело границ.

В просторном зале его ожидал такой, как и он, молодой мужчина крепкого телосложения, в расшитом золотом восточными узорами халате.

- Садитесь, подпоручик.

«Граф Григорий Орлов! Всесильный фаворит, некоронованный повелитель империи, - похолодел Мирович.

Они остались вдвоем.

- Дело, о котором будет идти речь в настоящий момент, особой государственной важности, - граф молвил негромко, но выделял каждое слово так, словно был перед солдатской шеренгой. - Вы можете прислужиться Ее императорскому величеству, своей казацкой земле и, конечно, себе лично. Если вы готовы к этому - я буду говорить дальше, если нет - аудиенция закончена. Только помните - после слова «да» назад дороги нет.

На Мировича будто два ведра холодной воды кряду на голову - еле отошел от неожиданной встречи с таким высоким лицом, как здесь же поручение наподобие «иди туда, не знаешь куда, сделай то, не ведаешь что...».

Василий не знал, что ответить, вытянувшись в струнку, он только мигал глазами, пока не выжал:

- Ваша светлость, я не умею так... А может, я не способен, не в силе, может, это противоречит моему естеству и чести, может...

- Достаточно! - рубя махнул ладонью граф, как будто саблей. - Раз в жизни фортуна каждому дает свой шанс - в настоящий момент он ваш.

- Ваша светлость, и все же хотелось бы уточнить...

Граф нервно крутнул головой, не желая больше даже говорить.

«Господи, - умолял в мыслях Мирович, - то ли мне даруешь вознаграждение, то ли испытание, то ли коварное искушение. Как распознать душой, как не совершить зло, которого не поправить?».

В то же время у Василия перед глазами много примеров, когда человек одним единственным шансом сумел воспользоваться, чтобы изменить всю жизнь - и ходить далеко за примером не нужно, вон граф Орлов перед ним.

И если это действительно такой случай, зачем же ему им легкомысленно пренебречь? Он смог бы тогда возродить славу и мощь прежнего рода Мировичей, его влияние и честное имя. Предок его, полковник Мирович, во время казни гетмана Остряницы был прибит гвоздями к осмоленным доскам, горел на медленном огне, но ни стоны, ни вскрики, от него не слышали. Прадед Иван - сподвижник Мазепы, гетман, выдал за него свою сестру. Федор Мирович, когда шла речь о неподчинении земли Казацкой, пожертвовал всем состоянием, не побоялся клейма изменника, пошел в эмиграцию с Орликом и до последних дней своих отдавался большому делу, не оставляя хлопоты о своей земле, скитаясь Турцией и доживая в Варшаве. Петр I отобрал все родовое имущество в казну, семью выслал в Сибирь. И только через многие годы детям разрешили вернуться на Украину, к их дяде, наказному гетману Павлу Полуботку. Бабушку Пелагею Захарьевну отпустили домой через два года после детей, и она последнюю копейку отдавала на достройку собора, которую начали еще свёкор и муж.

Годами напрасно писала бабушка многочисленные челобитные, чтобы вернули ей хотя бы девичье приданое. И сам он, Василий Мирович, должен быть достоин своего рода, а не скитаться по чужим ободраным углам, на чужой земле и смиренно стоять перед пьяным каким-то майором.

- Да, - наконец-то вымолвил Мирович, проговорив с глубоким выдохом, будто с закрытыми глазами прыгнул в бездну, не ведая, глубокая она или нет.

- Тогда слушайте, - на краснощёком, дородном лице графа как будто пробежала тень от какой-то тучи. - В Шлиссельбургской крепости много лет уже заключен Иван Антонович, прежний император, который стал им еще младенцем. Императрица Екатерина хочет освободить его, вывезти и предоставить волю. Хорошее сердце императрицы не может терпеть такую несправедливость, тем более, что Иван Антонович ей даже дальний родственник.

- И кто же посмеет противоречить воле ее императорского величества, что ей мешает?

- У каждого есть свои враги, достаточно их и у нее. Освободить Ивана Антоновича нужно вооруженно, охрана там небольшая, и двадцати штыков не наберется. Когда вы заступите на военный караул, то у вас вдвое больше будет солдат.

Вдруг тревога охватила Мировича, даже ногти на пальцах стали охладевать, он не испугался, что в столкновении разное случается, может, и пуля слепая догнать, страх одолевал из-за того, что к мнимым грехам его рода допишут теперь неопровержимую его личную вину.

Колебание и нерешительность Василия не утаились от графа, он продолжал речь, четко вычеканивая и притискивая каждое слово, словно гвозди забивал.

- В случае успеха вам возвращаются все родовые имения, как материнские, так и по отцовой линии. И еще одно. Ее величество императрица замыслила большие реформы. Среди прочего, если суждено осуществить задуманное, реформы коснутся Малороссии - автономия будет возвращена, как при царе Алексее Михайловиче и Богдане Хмельницком. Конечно, будет изменен гетман, на Запорожской Сечи разве это кошевой - одни же деды среди старшин, достаточно посмотреть на Калнишевского или Федорива - порох из них сыплется и мхом уже поросли. Императрица будет советовать казачеству лишь молодых... Дружественная, со своими вольностями Малороссия, как сотню лет назад, по мнению императрицы, нам куда выгоднее, чем край, где Мазепы будут рождаться друг за другом.

Орлов глянул на Мировича так, как будто он умышленно прицепился к нему, и теперь графу не просто так отделаться от навязчивого посетителя; посмотрел так, словно вымолвил раздраженно: «И чего тебе еще нужно?».

- Я согласен, - холодным, как вода из полыньи, голосом ответил Мирович. - Но если случится непредвиденное, то я просто государственный преступник, тогда не вы моим собеседником будете, а палач.

Граф вместо ответа взял из стола лист бумаги и, не давая в руки Мировичу, держал его так, чтобы можно было читать.

Василий быстро пробежал глазами строки, которые говорили о его молодости, неопытности, ошибочных представлениях о величии того или иного дела - императрица даровала ему помилование. Четкая подпись наискось, которую вся империя уже знала, не вызывала сомнения.

20

После обеда за карточным столиком императрица с Орловым и Паниным разговаривали о турецких делах. Екатерине Второй хотелось, чтобы умиротворенные яствами и питьем Григорий с Паниным хоть на малость меньше ссорились и не пускали ехидные шпильки друг другу при наименьшей возможности - случай же всегда выищется.

- Говорят, турок весьма радуется Колиивщине на Украине, - Орлов веером перелистывал карты, ища нужную, словно этот турок спрятался где-то в карточной кипе. - Малорусский мятежник, хотя и православный, но с басурманским заодно...

- И потеха турецкая, но за французские деньги. И суфлер их тоже с парижским произношением, - буркнул Панин, а когда Екатерина Вторая сбросила карту, только брови поднял удивленно: - Ваше императорское величество, азартные игры в России запрещены...

- Азартные - это на деньги. А мы на камушки, - довольная, чуть-чуть лукавая улыбка императрицы мелькнула по лицу - и остроумно ответила, и сбила с толку Панина неожиданным, достаточно рискованным, действительно азартным ходом.

Еще несколько ходов - и Панин сделал гримасу, словно от изжоги, и глянул недовольно на горсточку «камушков» - бриллиантов; императрица небрежно подгрестила свой выигрыш к себе.

- Относительно истории с турками, Никита Иванович, - вдруг исчезло у нее утешение от выигрыша. - От какого-то казака пришло письмо, в котором пишется, что Калнишевский, в придачу, готовит депутацию к крымскому хану. Если мы не уступим в споре за пограничные пределы, то хочет, мол, под протекцию ханскую проситься, то есть турецкую.

- Худшего времени не выдумать, - Орлов раздавал карты искусно, пролетев весь стол, они складывались ровненько, словно прищипливал кто-то их. - Здесь не Сибирь для кошевого светит, здесь виселицею пахнет.

- Князь, еще Мациевича не выдыхали, - императрица настороженно крутнула головой, как будто оглядывалась, нет ли митрополита где-то поблизости. - Враль в надежной клетке, но и оттуда неизвестным образом умудряется народ баламутить.

- А если это очередная малоросская хитрость? - крутнулась мысль в голове Панина и, не удержавшись там, прозвучала вслух.

-По-моему, плотникам уже время колоду для виселицы тесать. Не хватает нам только, чтобы к полумиллионной турецкой армии приобщилась еще казацкая голь, - Орлов как-то неуклюже взмахнул рукой, и карты посыпались на пол. - Не подсматривать!

- Здесь, Григорий Григорьевич, не руками, не саблей или веревкой нужно размахивать, - Панин не привычен был к неосмотрительности или поспешности. - Здесь надо хорошенько подумать. Какая-то хитрость мне кажется в этом письме: может, запугать Петербург хотят, может, выведать наши действия - нужно взвесить всё тщательным образом...

- Пока будете весить, - Орлов так вымолвил словцо, будто передразнивал, - то кошевой свяжется с ханом. А вспомните, Никита Иванович, как Выговский с ханом соединился, и цвет нашего войска втоптали в грязь под Конотопом, разве что глупость их и дразги нас от опасного похода на Москву спасли.

- Может, просто выждать, не дать ход письму, что-то и засветится, - вслух рассуждала императрица.

- Мудро говорите, Ваше императорское величество, - ухватился сразу за слова Панин. - Я бы только от себя одну штуковину прибавил. А что как вытворить письмо кошевому как будто от крымского хана, хорошенько продумать его - замыслы кошевого вылезут тут же, как шило из мешка, мы же будем знать все от близкого окружения Калнишевского.

- Детская затея, - на своем упёрся Орлов. - Раскусит ход старик- пронира.

- Раскусит - то что теряем. Проверяли на верность, или другую отговорку найдем.

- А когда еще хуже - своими выкрутасами поможем казакам с крымчаками объединиться?! Вот представление будет, француз такое не выдумает...

Императрица дальше поддерживала игру разве что для видимости, ее за живое зацепило собственно турецкое виденье. Она годами вынашивала и еще будет тщательнее обдумывать свою взлелеянную идею, которая станет самым грандиозным мифом на века. Она должна подтвердить брошенные на всю Европу слова Вольтера: «Великий муж по имени Екатерина!». Придет время, и она выскажет вслух задуманное. Потому что имеет твердое убеждение, что всё-таки найдет общий язык с этим чудаковатым Иосифом II, императором Священной Римской империи. Ей чихать на его выходки - одевается простолюдином, ездит в старой, сильно поношенной карете, запретил подданным становиться на колени и целовать руку. Она найдет, чем убедить Иосифа, совместно они развалят Османскую империю, где паши допускают дикое своеволие, бандиты грабят города и села - на помощь придут даже христианские подданные, которые восстанут. Будет перекроена вся Европа. На месте Молдавии, Валахии и Бессарабии они образуют новое государство под именем Дакия во главе с императором-христианином. Россия возьмет хотя бы Очаков и Днепровский лиман, да еще землю между Бугом и Днестром.

Волей великого мужа по имени Екатерина будет возобновлена древняя Греческая монархия на руинах варварского, басурманского государства. А на престол посадить можно было бы, скажем, ее внучка.

И ради этой большой игры приемлема любая хитрость и любые действия, потому что это игра не на эти камни, которые блестят перед ней на карточном столе, а куда более серьезная и более рискованная.

Игра на камни между тем подходила к концу, мысли императрицы были далеко, Панину сегодня никак не везло, поэтому Орлов с плохо скрытым удовлетворением сгребал брильянты со стола.

- Пиши, - сказала императрица Панину. - Пиши, Никита Иванович, письмо этому запорожскому усатому деду, письмо от хана, поиграем немножко в кошки-мышки. А тогда увидим, кто из нас гвоздем в темя битый.

Он с трудом переступил порог своей камеры-одиночки, быстрее перелез, потому что ноги плохо сгибались, словно к ним кто-то привязал по грубой палке; тихо доковылял к стулу и опустился так осмотрительно на него, как будто там могли иглы торчать. Минович обхватил голову руками и неподвижно сидел неизвестно сколько времени - это время вдруг остановилось, как песочные часы, что по непредвиденной причине забились и тоненькая струйка мелкого песка исчахла, оборвалась. Собственно, ему без надобности было уже время - зачем человеку вещь, которой пользоваться невозможно? И не потому, что он в тюрьме, в крепкой каменной клетке, в силке (сам себя поймал!), а потому, что теперь он не в силах изменить обстоятельства хотя бы на маковое зернышко.

Сегодня над ним свершился суд. Значит, все?

В камере заключения, просторной и сухой, никоим образом не похожей на слепую и заплесневелую камеру уже покойного императора Ивана Антоновича, у Василия Миновича было время передумать все события последнего времени. Тем более, вначале его никуда не звали, никто не приходил, и Минович чувствовал себя, как на необитаемом острове.

Что случилось? Почему? Что предвещало такой неожиданный, непредсказуемый и не обусловленный никакими договоренностями ход событий?

Он стал перелистывать в памяти, как спешно прочитанную книгу, перелистывать назад страницу за страницей и вдумываться не только в отдельную строку, но и в отдельную букву и знак - каждый мог таить в себе отгадку.

В первую очередь, почему выбор графа Орлова и императрицы пал именно на него - если с самого начала они замыслили не благородное дело, а совершить хотели мерзость, то какая-нибудь обычная ищейка с Тайной Экспедиции здесь бы больше пригодилась. Почему он?

Появившись в Петербурге из неизвестности, за два только года Минович стал известным. Василия радовало, что его поэзии гуляют в рукописях столицей, его узнают, его цитируют, неподкупный Михаил Ломоносов, который шаркал коридорами университета и зимой, и летом в своих восточных валенках, украшенных стеклом собственного изготовления, во время лекций цитировал поэзии Василия Миновича как пример новейшей поэтической школы. А когда был объявлен конкурс на рисунок перил петербургских мостов, то победителем его стал Василий Минович. Он, потомок знаменитого рода, состоянием которого больше полувека занимаются восемь императоров и столько же созывов Сената, дерзнул сам судиться с Сенатом - осмелился тот Минович, дед которого еще жив, хлопочет из Варшавы об украинской независимости, подстрекает европейских дипломатов. И без него хлопот Петербургу хватает - французский король Людовик XV так и не признал за Екатериной Второй титул императрицы, а когда хочет подтрунить над какой-нибудь дамой, то говорит, что одевается она, как Екатерина...

Почему же граф Орлов с императрицей остановились именно на нем? И как будто бы сначала все шло так, как договорились. Вместо ожидаемого всеми наказания за жалобу на Сенат, императрица досрочно даже, 1 октября 1763 года, прапорщику Миновичу присвоила звание подпоручика.

Обрушилось все в душе, когда увидел в полумраке, в мерцании подслеповатой свечи, на сыром полу тело Ивана Антоновича, неживого уже, в луже крови, с перерезанным наискось горлом - потихоньку булькая, из раны хлестала кровь.

Он молился каждый раз, идя на очередное заседание высокого суда, более высокого не помнил Петербург: сорок восемь сановников в раззолоченных мундирах и иерархов духовных в пышном облачении - молился, чтобы сдержаться и не выдать тайну договоренности; он ошибся один и ему перед Богом держать ответ.

И только сегодня, когда прозвучал приговор, он позволил себе бросить в лицо лукавым судьям:

- Петр Третий недолго на троне был, его убийцей стала жена. Она же украла трон у несчастного Ивана Антоновича, она же грабит эту землю. Разве вы не знаете, что по ее распоряжению были посланы корабли к брату своему, князю Фридриху-Августу с золотом и серебром на двадцать пять миллионов? Их отобрали у тех, кто сегодня кору из деревьев ест и солому. Перед Страшным судом Екатерине не оправдаться.

Вот и все. Завтра приговор приведут в исполнение. А может, в последний момент примчит гонец на коне, и, задыхаясь, зачитает помилование? То самое, которое видел он с размашистой подписью императрицы, видел собственными глазами в руках графа Орлова?

Прошло немного времени после того, как написал Калнишевский из Глобой и Головастым в Петербург донос сам на себя, вот и посетил кошевой дом Ивана Глобы. Пока хозяйки накрывали на стол, мужчины обсуждали, как разместить и на землях каких беглецов-украинцев, которые были еще под поляком. В покои, путаясь под ногами хозяек, степенно вошла кошка, осмотрелась настоящей хозяйкой, и стала тереться о ноги, в том числе Калнишевского.

- Спокойная кошка у тебя, - изумился кошевой, - домашняя, чужих людей совсем не боится.

- Такой кошки нигде нет, - загадочно улыбнулся хозяин. - Она даже знает немецкий язык.

- Придумай еще, - крякнул, давясь смехом, кошевой.

- А ты попробуй, - заводился Глоба. - Вот назови несколько имен украинских женских и одно немецкое.

Кошка и в самом деле была домашней, без церемонии на колени уселась Калнишевскому и удовлетворенно замурлыкала.

- Пелагея, Мокрина, Горпина, Надежда, - поддался на удочку писаря кошевой и потихоньку гладил кошку, что с видимым наслаждением выгибалась. - Маруся, Степанида, Текля, Ангельт-Цербская...

При последнем слове кошка вдруг дико заверезжала, подскочила вверх, словно обожженная, оглянулась вокруг взглядом, в котором даже искры шипели, а тогда метнулась по комнате, чем-то невероятно напуганная, молнией из угла в угол металась с нахохлившейся шерстью и несмолкающим криком, наконец, прыгнула на стол, перебрасывая кушанья, а тогда просто ринулась в окно - стекло из окна загремело и посыпалось по сторонам.

- Говорил же тебе, что знает немецкий, - почесал затылок хозяин, поглядывая на непредвиденные кошачьи убытки.

Кошевой только глаза недоуменно уставил.

- Да не говорит она по-немецки, - пожалел гостя Глоба. - А вот колбасу слышит за три версты. Поймал ее на злодействе джура, отмолотил, как сноп, приговаривая «Фредерика», «Августа», «Ангельт», «Цербская», - вот и подумала кошка, что и сейчас ее будут бутузить...

Хозяйки, ворча и смеясь, накрывали заново на стол, джура с виноватым лицом рядом заслонял окно, а между тем прибыл гонец с почтой.

- Оба письма из Крыма, - Глоба взялся читать и объяснять, время от времени умолкая, пока разбирал написанное. - Эта грамота ханская. Пишет Крим-Гирей, что может вернуть нам чумаков и казаков, которых в ясырь завела недоля. Но выкуп поставил, как за родную тещу. А второе письмо от приближенного к хану, пишет, что может нам просто так помогать, если вместо Петербурга лицом станем к Бахчисараю.

Долго всматривался кошевой с Глобой, чуть ли не внюхивались в эту писанину, обдумывая каждое слово.

- Какие-то неодинаковые они, как будто бы и одним языком писанные, но говор разный, - кривил губы и зачем-то даже облизывался военный писарь. - Что-то мне здесь не нравится.

- Мне тоже кажется - какое-то шило в этом мешке слов таится, сверху не видно, а руку колет, - кошевой помрачнел.

Крутили-вертели мужчины, уже и на столе остыло, пока всё сообща не истолковали.

- Отсылай второе письмо в Петербург. Но от нас словцо добавить следует, какие мы дружелюбные и добрые, верой и правдой служим императрице, - сказал в конце кошевой. - А как наших людей из неволи освободить, я уже придумал.

23

В тот день митрополит Арсений мыл полы, ползал на четвереньках весь день, пока стало постреливать нестерпимо в спине и только вечером немного отпустило, словно с закатом солнца боль и себе отправилась на отдых.

- Вот если бы Бог даровал человеку крыла, то полетел бы в далекие края, где нет несправедливости, человеческой злобы, где правда торжествует и совесть на троне, - говорил за ужином монах Феофилакт, вечный мечтатель, ребенок по натуре, хотя у этого ребенка вся борода уже в инее.

- Хватит, Феофилакт, и так раньше всех петухов нас будишь, - намекнули ему на привычку просыпаться рано и начинать возиться, хлопотать и будить своим шатанием всех.

- А правда, владыка, хорошо было бы: допек нам, скажем, наш унтер-пьяница, а я бы поднялся под тучи и полетел куда-то, где нет унтеров при монастырях, где только Божья любовь всех охраняет.

Митрополиту и откликаться не очень хотелось, ныли еще руки от дневной работы, и на Феофилакта с его детской болтовней почему-то никто не сердился, и невозможно просто рассердиться, даже грех было гневаться на этого добросердечного чудака, который с каждым последней крошкой поделится и каждому хотя бы чем-то будет стараться подсобить.

- А мне таки выпало видеть человека-птицу, - ответил митрополит.

До сих пор на болтовню Феофилакта внимание не очень обращали, ужинали, уставшие, да и только, а здесь все, как будто сговорились, повернули головы.

- То было еще в Ростове, - отложил ложку митрополит. - Один крестьянин, хорошо помню, звали его Евсей, весьма способный был ко всякому ремеслу человек: и плотник искусный, и сапожник ловкий - все в его руках горело. Так вот, вбил он себе в голову, что крылья смастерить сумеет, летать на тех крыльях сможет. Но крылья нужно делать слюдяные, стоят они немало.

И митрополит рассказал, как оббивал человек разные казенные пороги, выпрашивая ссуду, умалчивая, на какое непредвиденное дело она ему нужна. Наконец, таки разжился деньгами, сделал слюдяные крылья. Разного люда собралось посмотреть, как будет летать тот Евсей, что не протолкнуться. Разбежался сначала, взмахнул он раз крыльями, во второй раз, действительно, поднялся сажен на три, а тогда как грохнется наземь. Не умер, конечно, от того, так себе, лишь синяков набрался и ребро одно, вроде бы, поломал. Но хуже боли допек ему люд казенный.

- Государство такими ссудами обманывать?! Колдун, чародей, под суд его...

Пришли к митрополиту, чтобы засвидетельствовал, что греховное, богопротивное дело человек замыслил, не написано в Святом Письме, чтобы человек, как будто насекомое, летал.

- Нет в том греха, - разочаровал митрополит Арсений слишком усердное чиновничество. - Плавает же человек водным путем, то почему же он так же не может плавать воздухом?

И митрополит рассказал, что более полувека назад португальский священник изготовил воздушный шар для полетов, а в России подьячий Крякутный из Нерехты еще в 1731 году и себе смастерил такой шар. Бог позволяет человеку все глубже познавать тайны природы, на то он ум ему даровал, и предел познания отодвигается бесконечно, а чего не дано познать - о том Всевышний Сам уже позаботится. Нет же разницы, на воздушном ли шаре будут летать люди, с помощью крыльев, неизвестными до сих пор нам способами, это все не важно, лишь бы думал ум человеческий и не ленился. Может, наши потомки, вообще, быстрее любой птицы будут летать?

На следующий день брат Феофилакт уже среди люда простого взялся разглагольствовать и руками разводил:

- Вот допечет меня здесь жизнь, сделаю себе крылья, если митрополит позволит, да и полечу в края благодатные, - и руками показывал, как будет парить он под тучами.

Люд только глазами водил за Феофилактовыми руками, которые должны были понести его в земли обетованные.

· А разве может владыка такое благословлять? - переспрашивали для верности.

- Мне позволит! Всем позволяет! - для крепости сказанного монах так же размашисто перекрестился, как до сих пор показывал свой полет.

Люд еще долго гудел, обдумывая услышанную от монаха диковинку, верил и не верил похвальбе Феофилакту, но молва уже пошла, друг другу пересказывали, что-то при этом добавляя свое, потому что весьма тягостной была эта жизнь.

А слова митрополита Арсения о потомках, которые быстрее любой птицы будут летать, таки исполнятся, и именно потомок его рода Левко Мациевич приобретет как пилот и воздушный и водный инженер мировую славу. Он вспыхнет ослепительным метеоритом на небосклоне человеческой памяти, он так много успеет к своему тридцатитрёхлетию. Левко Макарович Мациевич пройдёт науку кораблестроения в Германии, авиационного дела во Франции, в знаменитом аэроклубе Анри Фармана, в котором и получит пилотское удостоверение; Мациевич осуществит первые ночные полеты, даст проекты четырнадцати подводных лодок, первого в мире авианосца на 25 самолетов, подготовит книгу о воздухоплавании и погибнет в небе над Петербургом на глазах у 175-тысячной толпы.

«Погиб наш лучший авиатор, - напишет пресса. - Он самой судьбой был назначен в руководители авиационного дела». В последний путь будут провожать свыше ста тысяч его почитателей, а среди трёхсотпятидесяти венков будет положен венок и от Украинского Общества его товарищем Симоном Петлюрой, он же и произнесет доклад о жизни славного земляка и друга на вечере чествования памяти. А еще Левко Мациевич успеет организовать в Севастополе рабочий театр с украинским репертуаром, проводить празднование годовщин Тараса Шевченко. Это о нем и друзьях напишет Евгения Рахт: «Были революционерами в душе и мечтали об отделении Малороссии». Сохранилось фото открытия памятника Ивану Котляревскому в Полтаве. Рядом с Левком Мациевичем стоит Николай Михновский, автор программной «Самостоятельной Украины», Михаил Старицкий, Евгений Чикаленко, Николай Аркас, Сергей Ефремов, Елена Пчилка, Михаил Коцюбинский, Леся Украинка.

Они так и стоят рядышком среди знаменитостей украинской истории.

1 октября 1910 года Александр Олесь напечатал в газете «Совет» некролог Л. Мациевичу: «... Он был наш по духу и по крови. Украинское общество должно чествовать его самостоятельно и независимо от остальных. В Петербурге уже собирают пожертвования на памятник Мациевичу. Эта утешительная весть может нас только порадовать, но не успокоить».

Мы должны сами с чувством глубокого удивления и гордости чествовать память Мациевича, и в самом сердце Украины, в Киеве, воздвигнуть, по крайней мере, его бюст. Лев Макарович был наш, украинец, наш сообщник, и навеки останется украшением и честью, в первую очередь, нашей забытой нации».

А Николай Вороной выразит так свое виденье фигуры Левка Макаровича: «Слава Мациевича разнеслась по всему миру, но Украине принадлежит честь, что один из ее сыновей записал свое благородное имя на скрижалях общечеловеческого прогресса».

24

Степан Иванович Шешковский входил в зал императрицы так, словно ступал голыми пятнами по раскаленному поду, ему весьма не хотелось идти, но какая-то невидимая сила, то ли обязанность, то ли страх самосохранения толкали силой его в спину - если не доложит, то он же виноват будет.

- Ваше императорское величество, новость, о которой и говорить досадно, - он ухватил воздух, как будто собрался нырять. - В нескольких городах обнаружены письма митрополита Арсения, простите, Вралю... Письма доставлены сюда и сейчас устанавливается, настоящие они или подделка чья-то... Наши люди изъяли их в Пскове, Холмогорах, Новгороде, Ярославле, Ростове. Этот Враль обращается, между прочим, и к Вам, чтобы было проведено самое тщательное расследование убийства Ивана Антоновича. Если же это, мол, не будет сделано, то соучастницей убийства следует считать и Ваше императорское величество.

После длительного молчания, к удивлению Степана Ивановича, лицо императрицы осталось неподвижным, только маленький глоток воды надпила.

- Кто охранял Вралю?

- Четверо солдат и офицер.

- Офицера разжаловать, солдатам - кнуты и каторга.

Покой, с которым к удивлению Шешковского была встречена досадная весть, на самом деле не имел ничего общего с безразличием - императрица немалым усилием сумела таки сдержаться. Она могла ожидать сопротивления своим большим намерениям откуда угодно - от придворных сановников с их бесконечными интригами, от армии, где недокармливались солдаты, а офицеры по полтора года даже не видели своего жалования, от родового дворянства в провинции, обитаемого себе царьками самовластными, имея право миловать и карать вплоть до смерти, но от духовенства русского, давно еще Петром 1 прирученного, прикормленного и запуганного, такого не ожидала. И даже не от всего духовенства, а от одного лишь престарелого, прибитого цингой в одно время, облысевшего, сморщенного и сплющенного, она, сумевшая со всеми договориться и сторговаться, с кем золотом, с кем своим телом, еще неостывшим и всегда жаждущим, с кем поместьями, а с кем чинами, она была беспомощна лишь перед одним человеком. Имя Арсения Мациевича зависло какой-то вечной угрозой, неистребимой и непреодолеваемой, - его упрятали в неизвестно какую, далекую от деятельного мира норку, а он и оттуда умудрился ее придворные воды мутить.

Это тем более было некстати, потому что с церковной реформой тратить время понапрасну не приходилось - как знать, не вспыхнет ли какая смута. Из семисот тридцати двух мужских монастырей в Великороссии остался сто шестьдесят один, из двухсот двадцати двух женских - тридцать девять. Она сама знает, кому отдать забранные у монастырей и церковью поместья, а пока из четырех миллионов дохода от этого семь восьмых идет в казну - докладывал ей канцлер. Хоть как упирается Синод, новый синодальный обер-прокурор Мелиссино форсирует реформы: он настаивает на сокращении постов, запретах носить иконы чудотворные по домам, позволить епископам вступать в брак, отменить поминки умерших, позволить количество браков больше трех, запретить причащать детей до десяти лет.

- Следствие по Вралю ни в коем случае не останавливать, - оторвалась от мыслей императрица. - А по Мировичу, как он, кстати, себя ведет?

- Ходит по камере, что-то бормочет себе под нос, наверное, пишет свои стихотворения...

Шешковскому дважды в день докладывали о Мировиче.

- Хорошо было бы взяться за него со всем усердием, он бы, возможно, набормотал много интересного. Но сроки расследования продлить...

- Ни в коем случае, - не согласилась императрица. - Невероятные слухи, вымыслы и домыслы, кочуют Европой. И суд должен быстрее сказать свое справедливое слово.

Императрица никоим образом не хотела долго тянуть это дело - она подгоняла Сенат, а Сенат - Верховный Суд. Предварительно обдумывая каждую фамилию, она лично заготовила список судей. И здешние сановники, и представители иностранных государств, чья обязанность докладывать в монарших дворах, должны разнести мирами о ее невинности и непричастности к смерти прежнего императора Ивана Антоновича, и их мысль должна утвердиться на века. Наклоняя голову, как школьница начальных классов, потому что ей всё-таки трудно было писать русским, не раз вынужденная просить прощение за ужасную свою орфографию, императрица лично выписала имена будущих судей, известнейших в империи людей: «митрополит Димитрий, архиепископ Гавриил, епископ Афанасий, архимандрит Лаврентий, архимандрит Симеон, граф К. Г. Разумовский, граф А. Бутурлин, князь Я. Шаховской, граф П. Чернышев, граф З. Чернышев, граф И. Чернышев, граф М. Скавронский, граф Г. Воронцов, граф Н. Панин, граф П. Панин, Ф. Ушаков, Н. Муравьев, Ф. Милославский, А. Олсуфьев, князь П. Трубецкой, граф В. Фермор, С. Нарышкин, Л. Нарышкин, граф Эрнст Миних, С. Мордвинов, граф Минних, И. Талызин, князь А. Голицын, вице-канцлер князь А. Голицын, граф И. Гендриков, Д. де Боскет, И. Бецкий, граф Г. Орлов, граф С. Ягужинский, Ф. Эмме, барон А. Черкасов, И. Шлаттер, А. Глебов, Ф. Вадковский, Г. Веймарн, барон фон Диц, Н. Чичерин, Я. Евреинов, Д. Волков»...

В случае самого худшего, подумала императрица, они все вместе будут виноваты в несправедливом и неправедном судопроизводстве, им отвечать перед миром и следующими поколениями. Но до этого, конечно, дело дойти не должно.

25

Он с трудом переступил порог своей камеры-одиночки, быстрее перелез, потому что ноги плохо сгибались, словно к ним кто-то привязал по грубой палке; тихо доковылял к стулу и опустился так осматривательно на него, как будто там могли иглы торчать. Мирович обхватил голову руками и неподвижно сидел неизвестно сколько времени - это время вдруг остановилось, как песочные часы, что по непредвиденной причине забились и тоненькая струйка мелкого песка исхла, оборвалась. Собственно, ему без надобности было уже время - зачем человеку вещь, которой пользоваться невозможно? И не потому, что он в тюрьме, в крепкой каменной клетке, в силке (сам себя поймал!), а потому, что теперь он не в силах изменить обстоятельства хотя бы на маковое зернышко.

Сегодня над ним свершился суд. Значит, все?

В камере заключения, просторной и сухой, никоим образом не похожей на слепую и заплесневелую камеру уже покойного императора Ивана Антоновича, у Василия Мировича было время передумать все события последнего времени. Тем более, вначале его никуда не звали, никто не приходил, и Мирович чувствовал себя, как на необитаемом острове.

Что случилось? Почему? Что предвещало такой неожиданный, непредсказуемый и не обусловленный никакими договоренностями ход событий?

Он стал перелистывать в памяти, как спешно прочитанную книгу, перелистывать назад страница за страницей и вдумываться не только в отдельную строку, но и в отдельную букву и знак - каждый мог таить за собой отгадку.

В первую очередь, почему выбор графа Орлова и императрицы пал именно на него - если с самого начала они замыслили не благородное дело, а совершить хотели мерзость, то какая-нибудь обычная ищейка с Тайной Экспедиции здесь бы больше пригодилась. Почему он?

Появившись в Петербурге из неизвестности, за два только года Мирович стал известным. Василия радовало, что его поэзии гуляют в рукописях столицей, его узнают, его цитируют, неподкупный Михаил Ломоносов, который шаркал коридорами университета и зимой, и летом в своих восточных валенках, украшенных стеклом собственного изготовления, во время лекций цитировал поэзии Василия Мировича как пример новейшей поэтической школы. А когда был объявлен конкурс на рисунок перил петербургских мостов, то победителем его стал Василий Мирович. Он, потомок знаменитого рода, состоянием которого больше полувека занимаются восемь императоров и столько же созывов Сената, дерзнул сам судиться с Сенатом - осмелился тот Мирович, дед которого еще жив, хлопочет из Варшавы об украинской независимости, подстрекает европейских дипломатов. И без него хлопот Петербургу хватает - французский король Людовик XV так и не признал за Екатериной Второй титул императрицы, а когда хочет подтрунить над какой-нибудь дамой, то говорит, что одевается она, как Екатерина...

Почему же граф Орлов с императрицей остановились именно на нем? И как будто бы сначала все шло так, как договорились. Вместо ожидаемого всеми наказания за жалобу на

Сенат, императрица досрочно даже, 1 октября 1763 года, прапорщику Миновичу присвоила звание подпоручика.

Обрушилось все в душе, когда увидел в полумраке, в мерцании подслеповатой свечи, на сыром полу тело Ивана Антоновича, неживого уже, в луже крови, с перерезанным наискось горлом - потихоньку булькая, из раны хлестала кровь.

Он молился каждый раз, идя на очередное заседание высокого суда, более высокого не помнил Петербург: сорок восемь сановников в раззолоченных мундирах и иерархов духовных, в пышном облачении - молился, чтобы сдержаться и не выдать тайну договоренности; он ошибся один и ему перед Богом держать ответ.

И только сегодня, когда прозвучал приговор, он позволил себе бросить в лицо лукавым судьям:

- Петр Третий недолго на троне был, его убийцей стала жена. Она же украла трон у несчастного Ивана Антоновича, она же грабит эту землю. Разве вы не знаете, что по ее распоряжению были высланы корабли к брату своему, князю Фридриху-Августу с золотом и серебром на двадцать пять миллионов? Их отобрали у тех, кто сегодня кору из деревьев ест и солому. Перед Страшным судом Екатерине не оправдаться.

Вот и все. Завтра приговор приведут в исполнение. А может, в последний момент примчит гонец на коне, и, задыхаясь, зачитает помилование? То самое, которое видел он с размашистой подписью императрицы, видел собственными глазами в руках графа Орлова?

26

Письмо давалось банкиру Судерланду трудно, писал как-то принуждённо, да еще и перо, словно почувствовало настроение хозяина, почему-то царапало и брызгало недовольно чернилами.

Писал он уже третье письмо в Голландию о кредите для императрицы - два предыдущие пришли с отказом из-за несвоевременного расчета.

- К вам какой-то полицейский, - появился на пороге камердинер, перебив и без того несвязные мысли.

Полицеймейстер долго мялся под вопросительным взглядом банкира, никак не решался объяснить, почему он здесь.

- Господин Судерланд, я должен выполнить приказание императрицы, - запинаясь, проговорил наконец. - Не знаю причину гнева ее величества, но наказание сурово.

«Возможно, накликал высокий гнев, потому что вовремя не привез ей средства, - первое, что пришло в голову банкиру. - Но где здесь моя вина, если банкирские дома боятся».

- Вы меня арестуете?

- Хуже, господин Судерланд. У меня даже не хватает духу, чтобы вымолвить это наказание.

- В Сибирь разве будете отправлять?

«А может, это императрица схватилась, что во время прошлой беседы с ним наедине наговорила лишнего... И теперь свидетеля ее откровений о величественном мифе России лучше убрать?».

- И что же она приказала? - сорвался банкир. - Не станут же меня полосовать кнутами при людях и рвать ноздри, как у вас здесь заведено?!

- Ее величество, - съёжился полицмейстер, - приказала сделать из вас чучело.

В Судерланда прямо таки руки занемели, он никак не мог понять услышанное, уяснить даже, что это должно все означать.

- Как чучело? Если пьяны, то скорее спать, а с ума сошли - к врачу.

- Я сам не могу прийти в себя, - пожаловался полицмейстер. - Попробовал было объяснить императрице и расспросить, как это можно из живого человека, но она сильно рассердилась на меня, накричала и выгнала прочь со словами: «Ваша обязанность - точно выполнить мое распоряжение!».

Банкир все еще не мог опомниться от неслыханной напасти, в которую попал неизвестным образом, но должен был собираться, потому что ему только пятнадцать минут на сборы давали. Он стал просить у полицмейстера разрешения, чтобы написать письмо императрице и просить хоть какого-нибудь объяснения этой неслыханной и ужасной диковине.

- Не велено, - крутил ошарашенно головой полицмейстер. - Боюсь...

В конце концов, как-то удалось Судерланду уговорить его, но везти письмо императрице наотрез отказался, разве что сможет доставить графу Брюсу.

Граф, прочитав письмо, долго хлопал глазами, как будто туда ему попала жгучая соринка, и оглянулся, нет ли кого из прислужников на всякий случай поблизости, а тогда покрутил пальцем около виска:

- А вы уже давно того...

Не трата попусту время, прыгнул Брюс в карету и помчал в Зимний.

Императрица, слышав рассказ графа, только за голову ухватилась.

- Бог ты мой, этот полицмейстер действительно спятил! Бегите, граф, быстренько, чтобы тот придурок по-настоящему беды не наделал, и успокойте как-то банкира.

Граф круто развернулся, и уже в двери его догнал хохот императрицы.

- Я уже догадалась, что случилось. У меня была такая милая собачка, я так ее любила и ласкала, и сегодня, к сожалению, она сдохла. Ее называла я Судерландом, потому что это был подарок банкира. Мне не хотелось расставаться с собачкой, вот я и приказала из нее изготовить чучело... А на полицмейстера накричала, так как думала, что не хочет делать этого из гордыни, что поручение ниже его достоинства...

Помилованный Судерланд еще долго не мог дописать письмо в Голландию, голова трещала, как после тяжелого, безмерного перепооя, совсем так, как недавно после бала его угостил Орлов: «Не выпьешь - за ворот буду лить». И таки вылил целехонький бокал, а дальше предпочёл он лучше уже пить.

« В веселую страну меня забросила судьба, - думал банкир. - Здесь сделают из тебя чучело охотно... А может, это и хорошо, на таких зарабатывать легче».

И это было его единственным утешением.

27

Топоры плотников тюкали наперерез, отзвук того тюканья звонко катился прилегающими еще сонными улицами Петербурга, плотники при слабеньком свете костров, что слились и потрескивали, недовольные сырыми ветками, спешили управиться к утру, поэтому не очень и брались. Эшафот к восходу солнца они так-сяк починили, маляры даже краску успели размазать - дело же на раз, зачем так стараться.

Василия Мировича привезли заранее, в закрытой будке, и сразу же выставили охрану из двух десятков мрачных и невыспавшихся солдат. Василию не видно было, что творится вовне, он оставался дальше наедине с мыслями - горечь прошла, обида, что попал в обман, тоже осталась где-то там, в его камере-одиночке - он никому зла не сделал, он только освобождал ни в чём неповинного человека, с малых лет ставшего пленником каменных казематов.

Его выпустили из темной будки, когда уже человеческий гул заполнил все вокруг, Василий шагнул в растворенную дверцу и даже зажмурился. Над пестрой толпой, которая гудела и галдела, жадно ожидая кровавого зрелища, над деревьями, что оранжевым пламенем подожгла осень, подымалось невинно чистое небо, размашистое пространство невероятной голубизны.

На минуту толпа утихла, и первым по ступеням на эшафот стал подниматься палач. В черно-красном балахоне с капюшоном, только прорези узенькие для глаз, он шел ступенями как-то неуверенно, как будто не был убежден в прочности спешно смастерённых тех ступенек - он никогда не служил палачом, его, самого обычного солдата, который имел несчастье проштрафиться, просто заставили, а когда стал отнекиваться, что не умеет такого дела, то заставили учиться, отрубывая бараньи головы.

У священника тоже не было почему-то привычного торжества, ссутулившийся и притихший, он со стороны смотрелся так, словно это над его головой должен был упасть топор, который зловеще блеснул на плече у палача.

Василий в последний раз оглянулся кругом, как будто пробуя измерить взглядом эту бездонность погожего неба, немножко дольше задержался взгляд на юге, где должна была быть земля его прадедов.

Мирович окинул глазом люд, который собрался вокруг, толкаясь и стремясь пробраться вперед, ближе к эшафоту, детвору, что воробьями обсела заборы и даже выцарапалась на деревья, с интересом поглядывая среди желтых, не опавших до сих пор листьев. И вдруг в толпе он заметил Власьева и Чекина, обоих с сияющими лицами, радостными и улыбающимися. «Как?» - удивление, вероятно, последнее в жизни, просто так передернуло Мировича. - Их же, убийц императора, арестовали вместе со мной».

И он все понял. Миновича императрица послала освобождать, а их - убивать Ивана Антоновича. Одним росчерком бритвы по горлу законного претендента на престол она избавилась и от конкурента, и возможного казацкого атамана, чей род и до сих пор не давал покоя престолу.

А Власьев с Чекиным только весело перемигнулись - им было чему радоваться. Сегодня утром каждый из них, негласных доносчиков Тайной Экспедиции, получил по семь тысяч рублей - армейский капитан имел только до пятидесяти рублей в год, они же за один взмах бритвы по горлу заработали себе на сто сорок лет вперёд. Ну, еще немножко потрудились, когда писали тайные доносы, - государственный архив сохранит их сорок пять ко дню смерти Ивана Антоновича.

А еще хотелось Василию оглянуться, не скачет ли, словно в сказке, в последний момент поспешный гонец с помилованием, которое видел собственными глазами, соломинка такая спасения, наивное и смешное желание. Но сказки нет, есть лишь неуклюже тесанный, спешно краской помазанный эшафот.

Мирович перекрестился и махнул рукой палачу – чего уж там... Блеснуло лезвие в солнечных лучах, вскрикнула толпа, и голова Василия уже катилась, брызгая кровью, помостом. Палач наклонился, и торжествующе поднял ее вверх, сторонясь кровавой струйки - он таки не напрасно учился, выполнил исправно порученное дело...

28

В храм, где ни души, Потемкин ступил первым - и сразу же отголосок его шагов вызвал неожиданное волнение. Сбылась мечта, его упорство перевесило, он сегодня будет венчаться. Императрица с дружкой вошла за ним, отворились царские врата, и священник уже подносит крест и Евангелие.

Зазвучал невидимый хор, потому что по уговору никто, кроме священника, не мог присутствовать на этом венчании. Потёмкин стоял рядом с императрицей и не мог преодолеть волнение, чувствовал лишь, как под тесьмою на лбу, закрывающей его незрячий глаз, выступает пот.

Батюшка подходит ближе к ним с двумя свечами, трижды благословляет, а когда наступило время ступить на платок, Григорий первым, даже дернулся, поставил ногу. Императрица, знающая поверье (кто первым ступит, тот будет старшим в доме), от этого тихо, словно поперхнулась, прыснула со смеху, но сразу же взяла себя в руки.

Трепетным голосом, прокашлявшись, батюшка просит перед Господом и свидетелями подтвердить свое решение вступить в церковный брак, а невесте дать обет.

- Я, Григорий, беру себе тебе, Екатерина, за малжонку и шлюбую тебе милость, веру и учтивость малженскую, а иж тебе не отпущу вплоть до смерти, так мы, Боже, в Троицы Святой Единый, помози и все святые”.

- Я, Екатерина, шлюбую тебе милость, веру, учтивость и послушество малженское.”

Батюшка уже более твердым голосом читал Послание апостола Павла к ефесянам, но на слове «послушество» мгновенно запнулся, обычный текст Апостола в уме обернулся неожиданным светским образом: «Какое может быть послушество императрицы своему подданному, даже если он и ее муж?». Священник взглянул на невесту, не смея дальше читать молитву, но императрица только молчаливым кивком головы дала согласие продолжать.

Дальше венчание длилось уже без приключений и неожиданностей.

- Нововенчанным рабам Божьим, Григорию и Екатерине, сотвори, Господи, в здоровье и спасении многая и благая лета...

С особым торжеством императрица известила Потемкина:

- Приветствую тебя, муженёк, жалую тебе генерал-аншефа и назначаю вице-президентом Военной коллегии.

Два месяца тому назад он был назначен генерал-губернатором Малороссии. Отныне к именинам и праздникам он получал по сто тысяч, во всех императорских резиденциях жил и обслуживался дворцовым персоналом бесплатно.

В дальнейшем императрица с немецкой пунктуальностью следила, чтобы Потемкина не обходили награды. Особенно нравилось доставать ему иностранные ордена. Не всегда это легко давалось - как, нашептывали доброжелатели, любовникам цареубийцы, которая узурпировала трон? - но под ловкими действиями дипломатов упрямяство чужеземных государей капитулировало.

В первую очередь Потемкина удостоили ордена Александра Невского и польского Белого Орла, присланного Станиславом Августом. Дальше дела шли уже легче. Потемкина императрица наградила орденом Андрея Первозванного, Фридрих II прислал прусский -

Белого Орла, Дания - Белого Слона, Швеция даровала орден Святого Серафима. Оскорбительно, конечно, что Людовик XVI, отказал в ордене Святого Духа и Золотого Руна, мол, этим орденом награждаются только католики. Георг II сделает лишь круглые глаза, когда посол в Лондоне передаст просьбу об ордене Подвязки.

Принц де Линь как-то забросил Потемкину, что он мог бы стать князем Молдовии и Валахии.

- Да это мелочь, - отрицал Потемкин. - Если бы я захотел, то стал бы королем польским, я отказался от герцогства Курляндского. Я стою выше.

Екатерина II - императрица. И она имела право на случайном куске бумаги писать Потемкину распоряжения для казначейства: «Возьми, сколько хочешь».

Щедроты государыни не обошли и родственников Григория. Троюродный брат Павел Потемкин стал наместником Кавказа, а брат Павла Михаил - главным инспектором Военной канцелярии, Александр Самойлов, племянник сестры, получит должность секретаря Государственного совета и генеральский чин, другие племянники пробьются в адъютанты императрицы.

29

В приемной императрицы Бергман, Ронцов и Корсаков сидели уже давно, чувствуя себя как-то скованно, они время от времени поддегивались от нетерпения и необычной для всех троих обстановки - все-таки впервые выпала им честь быть в этом зале. Трое сидели рядышком, держа каждый букет цветов, и только искоса, боковым каким-то зрением, ревниво поглядывали друг на друга.

Наконец вышла императрица, уже не с такой легкостью передвигая свое стареющее тело, как когда-то, но улыбающаяся и розовощекая - никогда не забывала перед выходом потереть лицо кусочком льда; офицеры схватились и вытянулись, держа букеты с правой стороны, как будто мушкеты, очень нужные уже прямо сейчас для боя.

Императрица подошла к офицерам, нашла каждому несколько ласковых слов, как и подобает матушке-государыне, разве что дольше задержалась около Корсакова, измерив его с ног до головы взглядом, которым оценивает обычно на рынке капризный покупатель необъезженного жеребца, мелко дрожащего от нетерпения и испуга.

- Мы еще, надеюсь, встретимся, - только и бросила ему.

А дальше жизнь закрутила офицера, как в весеннем бурном и мутном, с внезапными ямами водоворота, потоке. Корсакова повели сразу же к придворному лейб-медику Роджерсону, который возился с ним, вероятно, часа два. Роджерсон то прикладывал ухо к спине, то к груди, выстукивал по коленям, затребовал показать языка, он все ходил вокруг офицера, мурлыкая какую-то незнакомую песенку, словно главной его задачей было найти, к чему прицепиться, он так старался, но ему это, к преобольшому огорчению, никак не удавалось. В конце концов, он шлёпнул ладонью по спине офицера, что, вероятно, означало одобрение, и показал рукой на дверь, где в тот же момент, как привидение, появился многолетний камердинер императрицы Захарий Константинович.

- Вы, в первую очередь, должны доказать свою мужскую способность, - объяснил камердинер уже в столовой. - Советую поесть плотно, потому что три ночи вам экзамен сдавать пробир-фрейлине Анне Степановне Протасовой - женщина эта в любовных утешениях премудрая, выкрутит лучше, чем бывалый солдат онучу.

Камердинер не солгал, все три ночи Протасова не давала ему лежебочничать: с неприятным запахом изо рта, с кривыми волосатыми ногами она ему быстро набила оскомину и он, отворачиваясь, каждый раз понуждаемый, трясясь, как на старой телеге по расквашенной осенним ненастьем, разбитой до предела дороге.

- Годится к строевой, - передала, наконец, новобранца назад камердинеру пробир-фрейлина.

А когда пришёл в себя спустя несколько суток, пригласила его Анна Степановна с Захарием Константиновичем отобедать. Потом уже до конца дня камердинер прихорашивал его и чем-то благоухающим смазывал, а уже в десять с суровым торжеством на лице камер-юнгфера Мария Саввовна Перекусихина повела его, одетого в роскошный китайский шлафрок, в опочивальню императрицы книги на ночь читать.

Много страниц перечел Корсаков, даже пошатывался, когда выходил из опочивальни, но когда вышел, то удивился миру, который всего за ночь изменился: камердинер, вчера разговаривавший как-то свысока, сегодня то и дело раболепно кланялся, проводя в отведенные ему апартаменты.

Лишь однажды охватила дрожь Корсакова. Едва он очутился в новоотведенном помещении, как вошел к нему митрополит Петербургский. «Убить ли надумали, раз владыка появился перед тем соборовать?» - зловещая догадка мелькнула, сковывая столбняком тело. Но владыка деловито взялся освящать помещение и его самого окропил свяченой водой, пряча почему-то глаза, бормотал вполголоса молитву и щедро обрызгивал, так что даже не сдержался Корсаков и рукавом вытер мокрый лоб.

- Ее императорское величество, - не замешкался известить Захарий, - соизволили назначить Вас при своем лице флигель-адъютантом и пожаловать сто тысяч рублей на первые карманные расходы.

И он подал флигель-адъютантский мундир с бриллиантовым аграфом.

Теперь Корсаков имел честь зимой в Эрмитаже, а летом в Царском Селе, в сад водить под ручку императрицу. В приемной терпеливо ожидали его внимания самые высшие государственные мужи, которые хлопотали по личным и государственным проблемам, приходили с приветствиями и щедрыми подарками.

«И все это за одну ночь», - подумалось как-то.

Корсаков ошибался, ему просто посчастливилось, потому что уже его преемникам надлежало сдавать экзамен, кроме Протасовой, еще и графине Брюс, и самой Перекусихе, и Уточкиной.

30

В Тайной экспедиции долго колебались, докладывать такую новость императрицы или нет. С одной стороны заманчиво, можно заслужить высокую похвалу: в экспедиции, мол, действительно знают все. А с другой, здесь можно попасть в переделку, тем более, если под плохое настроение. «А вы куда смотрите? А для чего казенный хлеб едите?»

Наконец, таки отважились и доложили, что в Забайкалье митрополита Арсения стали чествовать теперь не в меньшей мере, чем в Ростове и Ярославле, в прежних его епархиях. В народе распространились слухи, что после ареста вывезли митрополита в Иркутск, заключили в Вознесенском монастыре, потом за Байкал переправили, в Троицкое, дальше тайно в Нерчинск, пока не поступил рескрипт везти его назад в Россию. По дороге Арсений заболел и уже верст за сто семьдесят от Верхнеудинска попросил у солдата остановиться возле озера. Здесь помылся митрополит, надел свежую рубашку, старую же выбросил, и долго молился, стоя на коленях. Тогда подарил солдату молитвенника, собственноручно подписанного, и рубля серебряного.

- Не доехать мне до Верхнеудинска, - молвил митрополит.- Я скоро умру, помянешь монаха Арсения и похоронишь меня на том месте, где останутся кони.

Так оно и случилось. Уже мертвым въехал в Верхнеудинск митрополит, поставили гроб с его телом в Преображенскую церковь. Но похоронить такого важного арестанта без высокого разрешения побоялись, послали гонцов к архиерею и губернатору.

Двадцать пять дней лежал раб Божий Арсений, и хоть жара стояла на дворе, но тело не повредилось, нетленным было, и много чудес, рассказывали люди, тогда случилось.

Однажды ночью колокола на церкви зазвонили, тревожно так, как бьют на пожар. -Церковь горит! - сбежался напуганный люд с ведрами и лопатами.

Сбежались - а там ничего, тишина в церкви и вокруг.

- Диковина, - диву давались прихожане.- Мы же своими ушами слышали...

Как вдруг кто-то встревоженно закричал:

- А гляньте, гляньте вверх!

Все головы подняли и стали креститься: высоко над колокольной сияла новая заря, до сих пор не видели здесь такой.

-Это душа митрополита нас благословляет, - заговорили между собой. -Святой, и вправду, этот человек, митрополит Арсений...

Похоронили его на кладбище, на горе, около креста, эта гора в Троице, в Забайкалье, по тракту на Нерчинск. И теперь люд там собирается, молебны читает и панихиды правит, довольно много прибывает сюда богомольцев... А еще поговаривают, что в погожую ночь там всходит заря, та же, что над колокольной тогда видели Преображенской, а на самой могиле свеча там загорается.

...Императрица ни благодарила, ни бранила служивый люд Тайной экспедиции. Она только долго думала: уже было победила митрополита, сослала в немыслимую даль, а он всё равно между народа. Как же так, диву давалась императрица, у нее сила какая, армия в сотни тысяч солдат, пушек, вон сколько, не говоря уже о мушкетах, а еще видимо-невидимо полицеев-жандармов с Тайной экспедицией заодно, а у Арсения даже кадила теперь нет - и не способна его победить?!

Она является императрицей Екатериной Второй, и не просто второй, а Екатериной Великой. Уже в первый год правления Сенат обсуждает создание ей памятника и присвоение звания "Мать Отчизны". Пускай те сенаторы и не очень искренни, и не всегда, но такое было. Не прошло и четыре года правления, как объявили ее Екатериной Великой. Она знает, как вести себя с Вольтером, она умеет умиловить Дидро - купила у него библиотеку и ему же отдала на хранение, а тогда заплатила Дидро за это на пятьдесят лет вперед. Теперь философ и известный писатель на всех европейских перекрестках должен не лениться рассказывать о ее мудрости и учености, а Вольтер назовет даже "Петербургской Богоматерью". И никто не будет догадываться, что многочисленные ее письма Вольтеру, глубиной мысли и элегантностью стиля которых будут увлекаться в десятках столиц, в действительности писал граф Андрей Шувалов, потому что она не только толком русский, но и французский не знает... А документы русским вместо нее, где нужно, хорошо напишет Храповицкий.

Она, императрица Екатерина Великая, может перекраивать европейскую карту, как старого, сильно поношенного, кафтана, из королевского трона гордой Польши может остроумно сделать стульчик себе на клозет.

Она - Екатерина Великая, а этот Арсений, этот Враль - кто такой? В чём тайна непобедимой силы его?

Что-то здесь не так в природе происходит - все рассуждала императрица.

Она нанизывала мысль за мыслью на логическую ниточку, как нанизывают ожерелье из мелких бусинок, но только все почему-то не ладилось: то дырочка в бусинках маловата, то ниточка вдруг загибается, а иногда и весьма коварно рвется, и тогда рассыпается все ожерелье...

31

На приеме по поводу вручения верительных грамот обер-полицмейстеру Толстому выпало знакомить новичков с придворными.

- Кто этот статный мужчина со шрамом через все лицо? - спрашивали, стремясь быстрее сориентироваться, дипломаты.

- Князь Алексей Орлов, влиятельный государственный муж, давняя опора трона.

- А это, наверное, Потемкин, у которого черной лентой глаз перевязан?

- Да, на него императрица особенно опирается, а о таланте полководца наслыханы, наверное, сами.

- Какие мужественные лица, в боях, наверное, увечья испытали...

- О, конечно, - выдержка никогда не изменяла Толстому, тем более в его непростых государственных хлопотах.

- А этот, белокурый высокий офицер, который немножко поодаль стал?

- Его фамилия Ланской, он новичок здесь, малоизвестный до сих пор.

Обер-полицмейстер дальше продолжал удовлетворять любопытство прибывших, повествуя или лично знакомя именитых придворных, императрица же, подозвав Толстого, приказала представить ей миловидного новичка при дворе, офицера.

- Ланской, Ваше императорское величество, - вымолвил фамилию и звание и зарделся, словно его спросили что-то постыдное.

Императрице этот белокурый здоровила с неповоротливыми манерами и стыдливостью девочки-подростка бросился в глаза сразу, не было еще такого у нее.

После приема жизнь закрутила Ланского такими крутыми и непредвиденными зигзагами, что он и оглянуться не успевал на тех поворотах. Придворный лейб-медик выстукивал его, как дятел сухую древесину, долго и томительно, три ночи Ланской качался на Перекусихе, под конец мало не стошнило, но как-то сдержался, еще у двух фрейлин, правда, младших, выдержал экзамен, пока не ввела Перекусиха в опочивальню императрицы книгу читать.

- Ну, как там, Мария Саввовна, хорошо читает? - не без лукавства, смеясь, поинтересовалась.

- Грамотный, - убедительно ответила престарелая камер-юнгфера, остерегаясь в то же время перехвалить.

На утро, как всегда, митрополит устало обрызгивал святой водой нового счастливец, а камердинер почтительно подавал роскошный мундир флигель-адъютанта и извещал о веской денежной награде.

Пятидесятичетырехлетняя императрица с Ланским, как редко с которым из его предшественников, как будто душой отдыхала. Двадцатишестилетний Сашенька, на четыре года младше сына, умел повести себя в постели так, что вовсе не помнила императрица о закате бабьего лета. Кое-кого из прежних любовников, может, уже и позабыла, но Захарий Чернышов остался в памяти безудержной силой, Гришку Орлова, как можно забыть, - сын граф Бобринский выходит уже в люди, от Сергея Салтыкова сын, может, чего доброго, престол перенять, от Понятовского дочка, к сожалению, так рано умерла. Васильчиков и Завадовский промелькнули, как временная игрушка, Зорич едва в памяти мерцает, Корсаков, Левашов, и Высоцкий, хотя и недавние, но забыты быстро, словно полвека сплыло. Еще попробовала Мордвинова и Ермолаева, и, чего там греха таить, спохватилась и вернула назад Ланского.

- Звезды Святых Александра и Анны! - то ли восторженно, то ли с плохо скрываемой завистью перешептывались на светских приемах придворные, увидев на груди Ланского новые сияющие награды.

- А еще два прислали ему из Варшавы и один из шведской столицы...

- И войн нет, а ордена как из мешка сыплются, - злословили завистники.

- А это только днем нет...

То ли завистники сглазили, или случилось еще что-то, только беда, стал замечать Ланской, надвигалась неумолимо - почему-то таять стала его мужская сила. Кинулся к знахарям было, их украдкой приводили, те ворожили, шептали, яйцом выкачивали, и все напрасно. Пока не подвернулась старая ворожея, похожа на трухлявый гриб, который высох и сморщился на корню, не принесла ему темное варево, отгонявшее почему-то терпентином. И чудо - вернулась сила, он опять выдерживал ночь, разве под утро становился обессиленным и выкрученным, как тряпка, которую повесили на заборе сушиться. Но чудо редко бывает длительным, пить это варево приходилось, кривясь и зажимая нос, все в большем количестве, чтобы опять не осрамиться. Однажды он таки рискнул, выпил как никогда, и свалился к следующему утру в лихорадке.

Пять дней и ночей он, едва помнясь в лихорадке, метался, будто не на мягкой перине лежал, а на тлеющих углях, на шестой же день, всхлипнув и в последний раз, жадно вдохнув воздух, Ланской преставился.

Случилось это как раз на Ивана Крестителя.

32

Он представлялся Радищеву человеком сдержанным, суровым и, возможно, даже с самолюбием, - как же, знаменитый на всю империю издатель, который посмел печатать мятежный журнал «Шершень», пусть и не долговечного «Пустомелю», сейчас же его «Живописца» расхватывают вдумчивые люди. Николай Иванович Новиков представлялся Радищеву совсем другим, только не таким вот веселым, резвым и деликатным. Радищев в «Живописце», конечно, не под своим именем, напечатал уже несколько своих трудов.

- Приветствую смельчака и народного заступника, - Новиков вымолвил как-то так, что в громких словах не было и капли иронии. - Давно уже хотел встретиться.

- Какой там из меня смельчак, - вяло махнул рукой Радищев. - Под именем чужим прячусь.

- Это не грех, это право человека, - Новиков подал свежий номер журнала. - Вы еще не видели, прошу прощения, здесь есть публикация ваша.

Пока Радищев листал, сдерживая детский нетерпез увидеть раньше всех самим написанное, Новиков быстро взбалтывал ложечкою чай, так что тот чуть ли не выплескивался.

- Хорошее перо у Вас, Александр Иванович, разве только язык слишком уж ученый. Не бойтесь слова старосветского, простонародного, потому что все наши беды от забвения, от пренебрежения русскими древностями... Зато нахватались, как блох, иностранщины, бьем поклоны ей... Извините, я не о вас, не упрекаю, что в Лейпциге учились, я вообще о нашей жизни.

- Оно можно и у иностранца поучиться, - Радищев нашел наконец свою публикацию, но неловко на своем останавливаясь, стал остальные страницы листать. - Только перенять у

чужестранца мы способны разве что крой панталон. На остальное не хватает сообразительности.

-Кому перенять? Кому? - звякнул чайной ложечкой Новиков, будто бы именно она вызвала его возмущение. - Крестьянину, этому рабу, в нужде беспросветной? Помещику, рабов тех хозяину, зачем оно ему? Придворным, которые недостижимых вершин достигли в казнокрадстве? Императрице, которой некогда за любовниками, и которых меняет быстрее, чем перчатки?

· -Не говорите... Уже по закоулкам смеются, что в гербе русском она вместо орла двуглавого свой половой орган поместит... Знаете, и молчать не хочется, потому что болит, и писать страшно. Плюнуть ли на это плохое время, напечатать историю Церкви... Я вон фигурой Филарета Милостивого увлекся - какие люди были, Церковь какая неказенная.

· -Разве только в древнейшие времена, на заре христианства, такие достойники жили? - Лицо Новикова нахмурилось, вспомнились непростые баталии его по издательскому делу.- Мне екатерининская цензура запретила печатать статью святого Димитрия Ростовского «О церковных имениях». Попробуйте только объяснить любому здравомыслящему, если вам, конечно, это удастся: слово святителя под запретом...

· - На серебряной рамке Димитрия Ростовского справедливо отчеканено: «Написав “Житие святых”, сам к лику святых удостоился быть вписанным», - Радищев помолчал какое-то мгновение. - Эти слова, принадлежащие Михаилу Ломоносову, уже не по силам стереть ни императорам, ни любому казенному люду, - пускай какие удавки на шею Церкви они не набрасывали и при этом делали лукавый вид, что Церковь у нас не казенная.

· -Забудьте о неказенной, три четверти имущества, отобранного у церквей, пошло, будто в казну, а в действительности любовникам императрицы. Священник, который вековечно совестью был, теперь тоже казенный, потому что из казны таки стал кормиться. И не пискнет никто...

· -Почему же митрополит Арсений Мациевич не сломался, мог правду в глаза сказать, до сих пор письма и наставления тайком между люда ходят. Не знаете ли случайно о судьбе его?

· -Даже имя его запрещено называть.

· -Только бы не забыть позабавить вас смешной новостью, - Новиков вынул какое-то письмо и подал Радищеву. - Если за публикацию в пятом номере «Живописца» весьма верноподданный трона читатель наградил вас связкой писем с короткой оценкой «Ложь!», то после выхода вот этого, четырнадцатого номера, в глазах лизоблюдов пошли на повышение - какой-то казанский помещик ищет вас, чтобы вызвать на дуэль. Не страшно? Радищев пробежал глазами несколько строк, где кроме ругательств автору, не густо было засеяно свежей мыслью, покрутил в руках письмо, не ведая, что с ним делать, и протянул назад Новикову.

· -У меня трое малых детей, еще как боюсь. Но грех будет всем, кто видит и рот на замке держит.

· А кто не держит, - горько улыбнулся Новиков, - тому Шлиссельбург, Сибирь или яд. Вы только обратите внимание: ни один русский, подчеркиваю, русский, художник не поднялся при ней к вершинам, ни один поэт или архитектор, императрице нужны только чужие, и то, как украшение, еще один камень где-то на брошке. Мой знакомый французский историк откровенно сказал: «Микеланджело бы не выдержал больше трех недель при дворе Екатерины».

Откуда же было знать Новикову, что обстоятельный знаток тех времен, польский историк, доктор права Казимир Валишевский, который весьма тщательно перебирал архивы Парижа, Лондона, Берлина и Вены, почти дословно его процитирует: « В общем, национальное искусство обязано Екатерине только несколькими моделями Эрмитажа, послужившими для изучения и подражания русским художникам. Но кроме этих моделей она не дала ему ничего, даже куска хлеба».

*

· Новиков вдруг что-то вспомнил и стал шуршать своими газетами и журналами.

-Хотел показать вам, читайте вслух, - подал номер «Санкт-Петербургских ведомостей».

-«Пожилых лет девка, - читал Радищев, - умеющая шить, мыть, гладить и кушанья готовить, продается за излишеством. Здесь также есть продажные легкие подержанные дроги. Продается по сходной цене семья людей: муж искусный портной, жена повариха; при них дочь 15 лет, хорошая швея, а также еще двое детей-8 и 3 лет».

Радищев отдал газету Новикову.

-Ну как?- поинтересовался тот, - захочет кто-то в этой стране порядки менять?

Радищев потер ладонью глаза - мелковатый для него был шрифт.

-Не могу отрицать. Зачем выдумывать, как в Англии, к примеру, какие-то мануфактуры, когда здесь зарабатывают проще: продал «девку по сходной цене» - и есть свежая копейка.

-Знаете, - Новиков аккуратненько складывал назад принесенные издания, - готовя исторические материалы, я немало общался с придворным людом. Разный он там, и завистливый, и порядочный, так вот, кто-то подсчитал, что только на первый десяток любовников императрица потратила свыше девяноста миллионов рублей - и это без учета крепостных душ, подаренных дворцов и других. Екатерина Вторая взошла на престол, когда бюджет России не достигал и семнадцати миллионов. Так сколько же лет вся Россия должна работать на властелице немки-императрицы?

Радищев как будто в ответ вынул лист бумаги и подал Новикову:

- Для сравнения с любовниками гляньте вот на заботу о нашем духовном. Это не тайное, списать дали мне добрые знакомые.

- Новиков пробежал глазами мелко написанное.

«Согласно штатам, положено отпускать:

- 1) на Петербургскую, Новгородскую и Московскую кафедры с соборами - по 39.410 рублей;
- 2) на второклассные (8 кафедр) - по 5.000 (лично епископу - 2.600);
- 3) на третьеклассные (15 кафедр) - по 4.232 г. 20 коп. (лично епископу -1.800);
- 4) на Троице-Сергиеву Лавру и на все мужские монастыри - в 174.650 г. 40 коп.
- 5) на все женские монастыри - 33.000 рублей.
- 6) на 22 собора не кафедральные - 2.530 рублей.
- 7) вообще на все духовенство - 365.203 рубля».

-Чужой народ, чужую страну и веру не жаль.

Они долго еще говорили, обдумывали издательские намерения и предложение Новикова выдать полностью «Путешествие из Петербурга в Москву» в его типографии. Они будут питать надежду, не зная, конечно, какая это не близкая и весьма ухабистая дорога к ней.

Мрачным утром к дому Радищева подъедет черная карета, и из нее торопливо выпрыгнут два усатых унтера. В доме Александра Николаевича они поставят все вверх дном, ища крамолу на виду у четырех малолетних детей-сирот, потому что мама уже умерла, детворы, которая только будет постреливать напуганными глазами из углов, а не обнаружив для себя утешительного, арестуют отца.

Радищева допрашивал лично Шешковский.

Степан Иванович поправил подсвечник так, чтобы лучше видеть лицо Радищева, видеть в мигающем свете каждый мускул, наименьшее движение мысли, которая неминуемо отразится при хорошем допросе.

-Зачем писан этот пасквиль? Говори правду, сердце нашей императрицы доброе, ценит она человеческую искренность, не обойдет она лаской ...

-Это «Путешествие» я готовил чисто из писательского честолюбия. Это не пасквиль, а испытание моего пера.

· -Ты призываешь к мести холопов своим хозяевам. Ты это называешь писательским упражнением? – Шешковский, в основном, мягким тоном говорил на допросе, иногда внешне наивно.

· -Я думаю, что беды человека от самого человека. Если бы она могла беспристрастно посмотреть на себя сбоку, заглянуть себе в глубь, может, по-другому бы велось в мире, - Александр Николаевич старался говорить медленно, тщательно подбирая, быстрее пересеивая слова, потому что Шешковский таки был искусником ухватиться, как клещами, за неосмотрительно молвленное. - Я не думаю, что природа скупа к человеку, что эту истину - человек рожден добрым-она скрыла от нее. Я именно это хотел донести, может, в чем-то ошибаюсь, но другой мысли за душой не было.

Радищев смотрел в глаза Шешковскому и удивлялся человеческому бесстыдству, невероятному для него, необозримому до сих пор: свояченица, на которой теперь сироты, собрала все семейные драгоценности и передала Шешковскому, он поблагодарил и передал поклон; а теперь вот перед ним, смотрит в глаза Радищеву таким невинным, искренним и наивным взглядом... «Неужели этому можно научиться, неужели можно так, даже не мигая?» - между словесной игрой - перебрасыванием удивляло Александра Николаевича.

Тот мешочек с драгоценностями, тихо зазвенев, утонул тогда в бездонном кармане халата Шешковского, тот мешочек спас Радищева от пыток, но не изменил наказания.

1. -За посягательство на здоровье императрицы, заговор и измену, приуменьшение надлежащего власти уважения... смертное наказание, - будет читать судья криминальной палаты длинный перечень провинностей писателя, а поскольку статей «Криминального уложения» не хватит, то будет перечислять еще, время от времени переводя дыхание, статьи «Воинского устава» и даже добавит из «Морского регламента».

Приговор ему вынесли 24 июля и Радищев, ожидая выполнения приговора, в камере смертников спешил дописать давно задуманный труд. Он писал о Филарете Милостивом, а мысленно переносился в своё время и свои обстоятельства. Святой Филарет, человек полностью реальный, жизнеописание его историки подтвердили, глубоко верил и делал добро. Он отдавал бедным последнюю меру пшеницы, а Бог ему вернул как будто бы через случай в сорок раз больше, он раздал все, а ему возвратили несоизмеримо весомее - царица искала для будущего императора Константина невесту, и послы пришли в его дом. У него не было, чем угостить, но добрые соседи принесли всякую всячину, и пир состоялся на славу, он поделился с нищими последним, хотя ни крошки не было в доме, а ему подарено иное - внучка Филарета становится женой всемогущего и сказочно богатого императора. Почему же его современники, почему те, кто на троне и при троне, так не верят и так не делают, как Филарет?

Мешочек с драгоценностями помог ему избежать пыток Шешковского, но маловат был, чтобы, если не он, то лишь написанное им о святом Филарете вышло на волю.

4 сентября императрица «по своему милосердию и для всеобщей радости» помиловала Радищева, заменив смерть десятилетней ссылкой в Сибирь. Повезли его в Илимский острог «для всеобщей радости» в кандалах и даже без теплой одежды...

Николаю Ивановичу Новикову тоже не суждено было осуществить то, что обсуждал при встрече с Радищевым, и о чем мечтал. Указом императрицы его издательский труд удостоен пятнадцати лет Шлиссельбургской крепости.

На небосклоне Радищева еще на какое-то мгновение выглядывало солнце - после смерти императрицы он получит волю, вызовут даже в Петербург и назначат членом комиссии по подготовке законов. Он будет составлять «Проект либерального уложения», в котором будет идти речь о равенстве всех перед законом, свободу прессы и еще немало таких манящих идей. Но однажды его вызовет граф Завадовский, глава комиссии, а в прошлом фаворит уже покойной императрицы, и так допечет, как ни разу за всю многострадальную жизнь.

· -В Сибирь захотелось опять? Теперь не вернешься!

Александр Николаевич пришел домой с душой, в которой что-то надломилось окончательно, надломилось так, что не склеить уже, не сложить. «Пропили государство и во влагалище немецкой курве запихнули, - без злобы, с холодной печалью связывал мысли Радищев, но они все не связывались. - Даже после смерти императрицы ее любовники продолжали насиловать эту землю и люд. Мне нечего уже делать в этой России, а другой России на земле нет».

С тем же холодным покоем он налил в стакан яду, выпил без передыха, как можно выпить только спирт - и обожгла невероятная боль, пламя её нарастало, полыхало, пока в какой-то момент не оборвалось все и не утихло, исчезла боль, осталось только голубое небо, в котором уже не было несправедливости и зла, голубое и всеобъемлющее, как его вера в добро.

33

После венчания Потемкин с императрицей убежали на время в Царицыно - купили для души имение у Кантемиров, такой уютное, между холмов и курганов, голубых прудов, лесов, и широких ложбин.

Потемкин перехватил императрицу у Васильчикова - для нее он станет просто «холодным супом». «Я был содержанкой, - будет жаловаться Васильчиков. - Так со мной и обращались. Мне не позволяли ни с кем видаться и держали взаперти. Когда я о чем-нибудь ходатайствовал, мне не отвечали. Когда я просил что-нибудь для себя - то же самое. Мне хотелось Анненскую ленту, и когда я сказал об этом, нашел назавтра у себя в кармане 30 тысяч».

«Холодный суп» бесцеремонно вылили, апартаменты в Зимнем обустроили для Потемкина, и он теперь подъезжал гордо к дворцу шестеркой резвых, выдавалось, безудержной и порывистой силы коней. Императрица отныне принадлежит только ему, особенно почувствовал это Григорий здесь, в Царицыно, где нет льстивых и лукавых придворных лиц, суеты и заморочек светских. Он мог позволить себе пройтись, взявшись под руки, живописными берегами прудов, где тишина всеобъемлюща и неизмерима, которую нарушить может разве хлопок хвоста по воде задиристого карася под камышом.

Но государственные хлопоты, как надоедливый репейник, цеплялись и здесь. Не один час обсуждали они, что нужно сделать, чтобы не повторилась пугачевщина.

При одном лишь упоминании о Пугачеве на императрицу каждый раз сильной волной накатывал какой-то липкий и холодный ужас. И не только потому, что пламя восстания охватило огромные пространства, и после Казани придворный мир мелко дрожал: пойдут или не пойдут мятежник на Москву?

Императрице не раз мерещился ночью укоризненный взгляд митрополита Арсения Мациевича, слышала те печальные слова, сказанные им на суде:

- Ты еще встретишься со своим мужем, убиенным тобой...

Второй десяток лет на муже массивная надгробная плита, а раз от разу загораются бунты, которые по слухам народным возглавляет Петр III, покойный ее муж. Она рубит голову очередному самозванцу, но опять поднимается муж из беспросветной тьмы могилы, и опять пылает восстание.

Емельян Пугачев стал пятым самозванцем, принявший имя ее мужа, Петра III.

Ей до сих пор не переставал сниться тот печальный взгляд старого, напрочь лысого от прежней цинги, Мациевича; уже без митрополичьего облачения, в одном подряснике он остальных умолял не ступать на ту стезю, не делать заранее императрицей намеченного; ей же горько, без злобы и мести, лишь упрекнул:

- Ты еще встретишься...

Палач отрубил голову Пугачеву размашистым взмахом топора и высоко поднял ее, окровавленную, на спице над головами запуганного люда, но зато, откуда ни возьмись, самозванка, именующая себя сестрой мятежника, незаконной дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны. Елизавета, поговаривали, родила ее от Разумовского.

- Интересно бы знать настоящее ее происхождение, - думала вслух императрица, направляясь уютной аллеей от прудов к дому.

- Черт ее знает, - само упоминание о ней Григорию было малоприятным. - Одни говорят, что дочка пражского трактирщика, другие - нюрнбергского булочника.

- Редкой красоты и ума, поговаривают...

- По поводу красоты - не знаю. Но, как докладывают из Тайной экспедиции, ума хватает посылать манифесты к султану, ба, даже Орлову, графу Панину...

- Достаточно мне пяти мужей-покойников, которые на дыбы ставят империю, чтобы еще изобрести их сестрицы поднимались. Где она, кстати?

- Колесила всей Европой, в настоящий момент, говорят, в Италии, в городе Рагузи.

- Арестовать бродяжку. Кто бы это смог так аккуратненько, прилично, чтобы никакой комар, из любого монаршего двора, носа не подточил?

- Орлов, - бухнул Григорий так, словно знал заранее вопрос.

Императрица только головой крутнула - не забывает Григорий, кто ему глаз изуродовал.

- Быть по-твоему...

Потемкин понимал, какой опасности подвергает он графа Алексея Орлова-Чесменского, своего обидчика, и какой грандиозный европейский скандал из этого может, в случае неудачи, случиться. Но в этот раз Григорий таки ошибся. Орлов с его авантюрным нравом справился с поручением блестяще.

В первую очередь, Алексей притворился влюбленным, вскоре княжна ответила взаимностью, а дальше помог случай. Английский консул в Ливорно прислал письмо, что там крепко подрались русские моряки с английскими, и просил Орлова разобраться лично. Алексей, который не знал английского, дал княжне перевести и собрался в дорогу. Ей взгрустнулось, и она попросилась с ним.

- Императрице будущий свой флот стоит увидеть...

Этого только и требовалось. Едва она поднялась на борт адмиральского корабля, как к ней подошли:

- Именем ее императорского величества вы арестованы!

Дальше судьба княжны была заранее расписана: утомляющая дорога в качестве арестантки, Петропавловская крепость.

В каменных стенах крепости княжна быстро сгорела от туберкулеза и унесла в могилу тайну своего рождения. Но на многолюдных похоронах почему-то присутствовала вся большая семья Разумовских.

В погожее июльское утро, а именно тринадцатого числа 1775 года, Москва звенела оркестрами, празднично одетый люд заполонил площади, а еще веселее было в кабаках и трактирах - Москва праздновала Кючук-Кайнаржинский мир.

В приемные покои Пречистинского дворца, где находилась императрица, люд, прибывал еще утром поздравить с викторией. Одни приезжали, другие уже отбыли, на вспотевшие парики брильянты бросали игривые отблески, но ни один из сановитых гостей, к большому огорчению, не удостоился аудиенции.

- Государыне нездоровится, - один и тот же ответ ожидал любопытных.

Быстро между именитых посетителей разнесся слух, что у императрицы расстройство желудка. Через невнимательность прислуги, которую государыня таки неоправданно балует, ей дали плохо помытые фрукты, вот вам и раз...

- Да за это не только кнутами угостить...

- Доброта государыни вон чем вернулась, - возмущались придворные.

Императрице же было не до праздничного грома оркестров и не до кривотолков сановитого люда в приемных покоях - ей надлежало уже родить. Схватки начались еще утром, кроме боли, допекал страх. Как ни как, сорок шесть лет, поздно уже, вовсе не так, как родила от Понятовского, Салтыкова или Гришки Орлова.

О родах, которые приближались, никто не знал и не должен был знать, как и о венчании с Потемкиным - так себе, перешептывались по углам и не больше.

Облегчилась она, к собственному удивлению, как-то легко, даже не очень скричалась - на свет появилась миловидная девочка. Императрице не пристало грудью младенцев кормить, поэтому новорожденную едва помыли и спеленали, и сразу же тайком вывезли к сестре Потемкина, Марии Алексеевне Самойловой. Назвали ребенка Елизаветой Темкиной, у Самойловых она и кормилась, пока не отдали в пансион - как вырастет, то станет хозяйкой больших поместий в Херсонской губернии.

Жизнь придворная, между тем, имела свой устоявшийся ход: приемы иностранных гостей, званые обеды, после обеда переходили в зал, где императрица играла в карты несколько робберов в вист или фараон, устраивала буриме или шарады. Как-то в конце мая 1777 года посетила новое имение Потемкина в Озерках. Хозяин чествовал гостей с размахом, за обедом в их честь стреляли пушки, ведь за стол сели около тридцати первых лиц государства. Но императрица чаще всего внимание обращала не на троюродных братьев Григория или семью Энгельгартов, ее интересовал больше всего новичок, гусарский майор, смуглый тридцатилетний серб, кудрявый здоровила Семен Зорич. Однако и у Григория, и у остальных за столом создалось впечатление, что они уже были знакомы до этого.

Вскоре Зорич занял в Зимнем дворце апартаменты официального фаворита.

Услышав о появлении нового конкурента, срочно в Петербург вернулся Завадовский - он мучался, метался, не зная, что делать, пока ему не посоветовали сидеть тихо-тихо. Завадовский послушался, его учтивость императрица оценила достойно. Он получит в подарок четыре тысячи душ, а на выделенные императрицей средства построит впоследствии в Екатеринбурге дворец на двести пятьдесят комнат с мельхиоровыми каминными.

Государыня же чувствовала себя привычно, передавала через Григория записочки любимому Симе, как звала она Зорича. Потемкин выезжал то на войны, то еще по каким-то заданиям, но всегда мог вернуться в Зимний, в свои апартаменты, соединяющиеся с покоями императрицы прямым коридором. Григорий был внимателен к каждому из очередных фаворитов, по большей части, своих прежних адъютантов, не забывал где-то из дальних дорог высылать им подарки. Зоричу он прислал перо с роскошным брильянтом на шляпу и дорогую палку, даже императрица в письме радовалась: «Сима разщеголял, по милости Вашей, Вы послали ему превосходную трость, он похож на шведского короля, но превосходит его в благодарности к Вам».

Лишь один раз выдержка изменила Григорию, когда привычно зашел в покои, застал императрицу в постели из Завадовским; он мгновенно стал багровым, диким взглядом обвёл комнату и, схватив массивный подсвечник, запустил в парочку, которая не ожидала непредвиденного визита. Императрица мяукнула, словно кошка, которой невзначай наступили на лапу, и в момент скатилась из кровати, а Завадовский, в чём мать родила, пулей метнулся к двери.

У Потемкина, конечно, были и другие проблемы: хитрый Панин, а особенно давний любовник Орлов, так и мостились подсунуть в кровать своего человека.

Хитрости их, в основном, были напрасными, Григорий сам подбирал надежных и верных, принимая к себе месяцев на полтора-два адъютантами. Когда после адъютантского срока Александра Дмитриева-Мамонова пригласил к себе, тот ни сном ни духом не ведал, что его может ожидать.

- Раздевайся! - сурово приказал князь.

У Мамонова только глаза округлились блюдцами.

- Совсем, совсем, - подсказывал Потемкин.

Он обошел голого Александра, деловито осматривая, словно товар, который собрался купить и выискивал изъян, чтобы прицепиться и цену поубавить. А когда нажал, куда надо, и тело в Мамонова задервенело и вверх метнулось, только языком причмокнул:

- Будешь императрицу усаждать.

У Мамонова от стыда не только лицо, но и спина зарделась, он уже хотел было от возмущения крепкое словцо загнуть, не принимая во внимание, что это князь, но в последнюю минуту сдержался от невероятной мысли: «А если правда?».

Дальше шло все в привычной для придворных порядков колее: Мамоновым остались довольны все три пробовальницы, особенно же радовалась Перекусиха:

- Позабавил меня, голубчик, императрицу утетишь еще лучше!

35

· - Господин Ричард Судерланд? - переспросил на всякий случай курьер, молодой офицер, который залихватски звякнул шпорами. - Приказано лично в руки.

Банкир лишь глянул на пакет, обильно усеянный сургучовыми печатями, и уже знал, не читая, кто это прислал.

Пакет был от Потемкина. «Поскольку Ее Императорское Величество, - писал князь, - соизволило жаловать известные привилегии меннонитам, желающим поселиться в Екатеринославской губернии, прошу Вас предоставить им необходимые суммы в Данциге, Риге и Херсоне».

Банкир пробежал глазами еще несколько строк, и брови его поползли удивленно вверх - такие суммы, да еще и сразу в несколько городов, ему непросто будет выискать. «Это так похоже на князя, - Судерланд потер задумчиво виски. - Размахнется на всю, а ты думай головой, где под дежурную авантюру эту копейку выискать».

Двести двадцать восемь семей меннонитов ехало из Данцига в украинские степи, еще партия шведов направлялась под Херсон в колонию, где для них уже успели построить дома, через турецкую границу стекались молдаване, валахи, румыны. Всех их освобождали от любых податей на десять лет, давали скот и орудия для земли, позволяли заниматься виноделием... Русские посольства за рубежом усиленно вербовали новых колонистов.

· - Европейские газеты, - докладывал князь императрице, - не нахвалятся новыми поселениями в Малороссии.

· Привилегии греческим, армянским и другим поселениям подтягивали немало люда: ехали сюда из России бедные помещики с крестьянами, отставные солдаты, крепостные-беглецы, которые в свое время дали стрекача за границы империи, верующие-раскольники, бедные православные священники из отдаленных русских губерний, иногда срывались в благодатные края целыми нищенскими селами.

«Спешит Потемкин, - дочитал листа Судерланд. - Бойтся светлейший, чтобы случайно эти земли исконные здешний казацкий люд не заселил. Но это не мои хлопоты, мне заработать на спешке князя».

Судерланд на следующий же день направился в Зимний обсудить условия такого масштабного проекта, но там, сославшись на занятость императрицы, направили к новому фавориту Платону Зубову.

В апартаментах князя Зубова выяснилось, что здесь и без него народу не протолкнутся. В беломраморных палатах, что рядом с покоями императрицы, около полусотни просителей нетерпеливо поглядывали на белую дверь, откуда должна была появиться его светлость, которая вершила судьбы. Кто-то ожидал, чтобы незадачливое чадо приняли на государственную службу, кто-то надеялся на поместья, а еще кому-то следует заполучить внимание императрицы, потому что все знали, что без оказания почестей всемогущему князю нечего ей и на глаза подаваться. Почтенный посол в чалме терпеливо перебирал в руках четки, французский вельможа, судя по одежде, с удивлением рассматривал присутствующих в приемной, наверное, был новичком в здешних краях, только один расплывший генерал с перевязанным черной тесьмой глазом нетерпеливо жаловался:

· - А кофе совсем остынет...

· Судерланда познакомили как-то с генералом-поручиком Михаилом Илларионовичем Кутузовым, милым, светским человеком, уже известным генералом, который считал за честь каждое утро, еще за час, пока проснется Зубов, приезжать, лично варить и подавать князю кофе в кровать.

Наконец, дверь широко отворилась и адъютант торжественно, как о втором пришествии, провозгласил:

· -Его светлость Платон Александрович Зубов просят!

Толпа повалила в дверь, толкаясь и не обращая внимания на ранги и мундиры, потому что каждому быстрее хотелось, и так часа четыре ожидали, но вместо этого перед людом в двери внезапно появилась смешная обезьянка в короткой юбке и кружевных панталонах, и, весело завизжав, стала кривляться.

Платон Александрович сидел перед зеркалом, забросив ногу на край стола, он даже не пошевелился, потому что как раз завивали парик и присыпали пудрой. Посетители, поклонившись в ноги, учтиво занимали очередь, а долговязый адъютант их строил, как детей в приходской школе:

· -Вы, граф, первые, генерал, вы за графом, а вы за генералом...

Зубов никого не замечал, он, пока зачесывали, распечатывал письма и давал их адъютанту читать - все видели, что он озабочен государственными делами. Если же Зубов обращался, наконец, к кому-то в очереди, тот, после пяти-шести поклонов, только тогда имел право приблизиться, а получив ответ, должен на цыпочках вернуться на свое место; кому не повезло, мог года три каждый раз занимать место в очереди.

Зато обезьянке в кружевных панталонах наступала настоящая потеха. Небольшая, размером со значительного кота, чрезвычайно ловкая, она носилась по карнизам, люстрам, гардинам, едва глаза посетителей за ней успевали. Из люстры она прыгнуть могла просто на шляпку просительницы, безошибочно попасть и остаться там, если понравиться, особенно когда там была греческая тупея. Такой ошастливленный проситель учтиво наклонялся и учтиво ожидал, пока обезьянка не полакомится частицей головного убора.

· -Что банкирам нужно? - прищурил один глаз, как будто попала туда пудра, Зубов. - «Чтоб тебе пусто было, - выругался в уме Судерланд. - Это мне нужно?!»

· -Ваша светлость, прошу Вашего внимания: нужны большие средства на заселение малорусских земель чужестранцами...

· -А для чего ты на белом свете? - смотрел так же прищуренным глазом князь, будто целился из мушкета.

· -Да, конечно, мои хлопоты, но условия, проценты... Его светлость князь Григорий Потемкин требует скорее.

· -Потёмкин?! - окрылся Зубов и крутнул головой так, что даже пудра вспорхнула - парикмахеры отпрянули испуганно, а обезьянка бросилась опретью за гардину. - Если требует, пусть и дает!

Судерланд еще постоял около Зубова, что больше и словом не обмолвился, подождал изрядно, и, в конце концов, убрался прочь. Он понял, что только императрица может освободить его от напасти, в которую он попал между двумя фаворитами.

Когда все-таки пробился Судерланд к императрице, то, к его счастью, застал ее в хорошем настроении - как раз кормила своего попугая. Птица, увидев незнакомца, недовольно залопотала крыльями и заорала, словно на помощь: «Пла-а-то-о-ша!»

· -Не волнуйтесь, милый банкир, - успокоила Судерланда императрица. - Названные вами условия будут соблюдены, только бы князь Потемкин своевременно получил средства - делает он большое дело, заселяя малорусские земли греками, армянами или волохами. Князь на века утверждает эти земли русскими, потому что отныне пришлые из любых краев навсегда уже подданные императорского трона, и даже если что-то изменится: история передвинута, допустим, границы, - то Россия будет иметь право защищать своих подданных дипломатически или, в случае надобности, вооруженно.

Попугай опять залопотал крыльями и, наклонив голову, подозрительным взглядом впилилась в Судерланда.

· -Это самый искренний мой фаворит, - улыбнулась императрица, кивая на попугая. - Все предыдущие предавали, а этот, мой самый верный любовник, меня будет любить всегда. Попугай, как будто понимая что-то в сказанном, гордо вытянул шею и закричал:

· -Славься сим Екатериной!

То ли учитель его сам не произносил «р», или такое естество птичье, только выходило у него «Екатегина».

Исполнятся со временем слова императрицы, что птичка эта является самым верным и надёжным любимцем. Пролетит более века, после октябрьского переворота красногвардейцы будут конфисковывать поместья старинных родов. В доме князей

Салтыковых почистят все, до последней иголки, а когда уже на пороге будут стоять, то крикнет вслед бабушка:

- -Если отобрали все, то нате и птицу - она тоже историческая ценность.
- -Революция не нуждается в таком добре, - скалил зубы из потехи красногвардеец.
- -Нечего зубы скалить, это, к вашему сведению, попугай самой Екатерины Великой.

Словно в подтверждение сказанного престарелой хозяйкой, птица взметнула облезлыми от старости крыльями и закричала:

- -Славься сим Екате-г-г-гина!

Улыбнувшись, вояки забрали всё-таки клетку с плюгавым, облезлым, с бельмом в глазу попугаем. Правда, птица вскоре то ли не пожелала ожидать мировую революцию, то ли от красногвардейской пищи, но недели через три околела.

Так закончилась история последнего любовника императрицы.

36

Еще в начале заседания Государственного совета при императрице у князя Потемкина внезапно зачесался выбитый глаз, - так сильно зачесался, словно какая пылинка попала в него. Это было невозможно, потому что оно всегда перевязано вкось плотно тесьмой, невзирая на это, зуд усиливался и перерастал в боль. Он потер ладонью глаз поверх тесьмы и на время немного приглушил зуд.

«Плохой признак, - подумал князь. - Поговаривают в народе, если зачесался глаз - на слезы. Но это все старушечьи выдумки».

Потемкину сегодня предстояло докладывать о положении в Малороссии.

- Победоносная война заканчивается, запорожские казаки свое дело сделали, - князь имел хорошую память и безошибочно называл количество войск, города и даже урочища, где вязались самые тяжелые бои. - Наступил наконец момент ликвидировать Запорожскую Сечь. Она для нас является смутой, - не успеет где-то дворянин наказать своего крестьянина, как он уже в сторону запорожских степей поглядывает. Часто распоряжения из Петербурга не выполняются, или выполняются со свойственной хохлам хитростью - и крайнего найти не удается. Особенно тревожит заселение иностранцами юга Малороссии, потому что только прибытия одних немецких семей ожидаем до ста тысяч. А Калнишевский, угодливо кивая головой в нашу сторону, на самом деле, усиленно колонизирует юг края запорожским людом - только за последнее время благодаря его хлопотам возникло сорок пять таких сел и больше пяти тысяч хуторов. Поэтому раз и навсегда следует разрубить запорожский узел.

Он говорил убедительно, потому что никто столько не исколесил пыльными южными дорогами и никто лучше не знал, что происходит в том крае. Вдруг Потемкин среди собравшихся усмотрел старенького архиерея, весьма изумившись этому, потому что Государственный совет не душпастьерское дело, не приходская сходка; у него даже в голове зашумело, когда этот архиерей осмелился даже перебить его:

- Князь, не причиняй несправедливости людям, не ступай на дорогу зла... Ты же в кош кошевым Грицком Нечесой записался, а Калнишевского звал «милостивым отцом», - говорил укоризненно архиерей. - А поклонись несправедливости - то и кости твои земля не примет, а потомки будут именовать князем тьмы...

- Я князь Таврический! - сорвался было Потемкин, и спохватился, протер ладонью теперь уже здоровый глаз - никакого архиерея не было, привиделось просто среди будня-полудня.

Присутствующие на совете сановники лишь удивлённо переглянулись: зачем вдруг среди доклада титулом козырять, - а удивлённая более длинной паузой императрица не замешкалась сыронизировать:

- Да знаем, князь, все ваши почтенные титулы. Только что вы предлагаете?

Извинившись и пожаловавшись на переутомление, Потемкин четко изложил, как задействовать войска Текели и Прозоровского и что делать с самим Калнишевским. Спора большого не было, потому что всё-таки невозможно придумать более подходящего момента, каждый мысленно лишь прикидывал, как будут делить невероятного простора земли и всё сущее на той земле.

... Согласованное на Государственном совете осуществлялось, как никогда, под бдительным глазом. Пять колонн почти сотысячного войска Петра Текели ускоренным маршем двинулись в Сечь и окружали ее из разных сторон. Но какие-либо действия серб Текели остерегался предпринимать, пока Прозоровский своими войсками не займет

казацкие палатки - каждый захватчик знает, как стремительно может вспыхнуть пламя народного восстания и как непросто гасить то пламя даже солдатскими шинелями.

Между тем на Сече шел старшинский совет.

- Пусть нам и глаза выжгут, а Сечь-мать не отдадим, - заупрямились одни.

- Братья, нас несколько тысяч, а москаля как мошки, которую не пересчитать, - предостерегали более осторожные.

- Не отдадим Запорожье, пока светить солнце будет...

Калнишевский не перебивал никого в речах, даже самого горячего, за своих восемь с половиной десятков лет в каких только передрягах не приходилось бывать. С жизнью своей он не раз прощался, а иногда прощаться недоставало времени. Но так тяжело еще не приходилось, лучше бы он не дожид до этого дня... А если суждено было дожить, то должен принять решение, достойное его высоких лет, чего бы ему это не стоило.

Сон такой странный прошлой ночью приснился. Явился ему архиерей, очень похожий на митрополита Арсения, и как будто продолжается последний разговор с ним.

- Будет еще время собирать камни, Петр, - Арсений из тех далеких времен не изменился совсем, разве лицо почему-то стало серым, как будто где-то в полумраке. - Только нужно верить и дожить.

А на совете старшинском еще больше разгорелся спор, когда слово дошло до священника Владимира, который делил с казачеством радость и горе.

- Смирение спасет нас, - сказал священник и негодуя, растревоженно загудел совет; но архимандрит на это не обращал внимания. - Не уподобимся врагу, не прольем христианскую кровь.

Бывалое казачество, для которого слово священника всегда закон, готово сейчас его на куски порвать.

- Да он же московский шпион! Ищейка он!

- Братья, - наконец сказал Калнишевский. - Нет той силы у нас, чтобы дать бой.

Послушайте, дети, мою седую голову... Если поляжете здесь, пусть даже с отвагой, где же дети возьмутся, кто за этой землей будет ухаживать... Не чужестранцу же здесь хозяйничать.

Помолчал кошевой, а тогда прибавил смиренно:

- Моисей со своим людом сорок лет из неволи шел, а вам, может, и больше придется. Что эти бродяги из Сечи сделают - предпочитаю даже не говорить. А куда идти - пусть вам сердце подскажет...

На следующий день старшина выехала к Текели. Кошевого ожидали уже Соловки, военного писаря Ивана Глобу - Туруханск, а судью военного Павла Глобу - Тобольск.

В Сечь мошкаррой повалили пришлые - вывозили боеприпасы, клейноды, флаги, архивы запорожской военной канцелярии, засыпали пушкарню. Немало набилось в церковь, и не молитву читали, а спешно друг перед другом паковали в свои походные мешки серебро и золото из церковной утвари.

Удалось казачеству спасти только икону святой Сечевой Покровы.

- Идите, куда сердце подскажет, - советовал побратимам кошевой.

Пошли в первую очередь к Текели.

- Пустите, генерал, рыбу нам заготовить, потому что все добро ваши вычистили.

Рыбы генералу было не жаль.

Десятками днем, а тысячами ночью тронулись казаки из Сечи в земли турецкие.

Конечно, на всех никак не хватало чаек, двинулись пешком, перекрестившись и поклонившись своему краю. «В 1775-ом году из Запорожья вышли в турецкие земли около 5 000 казаков», - писали современники.

Достаточно большие ватаги направились на Днестровский лиман, в город Акерман. Здешний паша с пониманием отнесся к человеческой беде, помог едой и чем мог, дал разрешение стать кошем. Запорожцы, привыкшие к походам, сразу разбились на курени, а еще выбрали сорок душ достойного казачества в депутацию к султану.

Султан не отказал, гарантировал им веру, военный уклад, помог одеждой и выделил под Сечь остров Святого Юрия в устье Дуная, да еще степь около южного его притока. Войско получило привычные клейноды - булаву, бунчук и хоругвь, которую рукоположил Константинопольский Патриарх.

Стекался люд из Украины в новую Сечь, брели под знойным южным солнцем дальними степными дорогами казаки и их семьи - икону святой Сечевой Покровы пешком туда принесли.

А на их земле у пришлого люда были свои хлопоты, дрязги и разборки, пока награбленное как-то разделили. Генерал-прокурор князь Вяземский отрезал себе двести тысяч десятин, князь Потемкин - сто пятьдесят тысяч, а каждому русскому дворянину выделялись, по меньшей мере, полторы тысячи десятин, чтобы он только перевез сюда

хотя бы три русские крестьянские семьи. Всего же так разделили четыре с половиной миллиона десятин украинской земли.

Другие же хлопоты были несколько мельче: немало церковного имущества осело у князя Потемкина, и уже даже когда казацкий люд беженцами двинулся в Турцию, от князя Григория «прибывшие Славянской провинциальной канцелярии майор Григорий Борзенко и комиссар Иван Деряев выбили в той церкви из мест все образа в серебряных ризах и взяли их с собой. Вместе с тем они взяли еще серебряные врата, чаши и прочие вещи в опустевшей запорожской ризнице оставшиеся». Так описывает хозяйничанье П.Короленко, который обращает внимание на подробности. Разрушены казацкие кладбища, князю Вяземскому на строительство поместья для фундамента пошли каменные могильные кресты и надгробия. П.Короленко вспоминает также управляющего помещьем князя А.Вяземского, которому тогда принадлежало село Покровское, Ивана Розельнландера, который «побил самые большие той церкви колокола и медь и продал в Польшу жидам по 11 рублей за пуд»...

37

Она не могла в этот раз скрыть волнения и торжества в голосе, даже зубы стиснула, так сдерживала радостную улыбку, и напрасно; императрица диктовала тайный приказ:

«Главного польского бунтовщика Костюшко с его секретарем Немцевичем и адъютантом Фишером отправить в Санкт-Петербург. А как сей секрет есть великой важности и для того везется под чужим именем, то с самого места имеете сказать всем, что это есть раненый в Варшаве господин генерал-майор и кавалер Милошевич, на имя которого и подорожная предлагается. Настрожайше предписываю иметь над ним неприменное бдение... чтобы Костюшко отдельно от других везен был и чтоб... не спускано день и ночь был под глазами стерегущего офицера, и никто бы из обывателей видеться и переговариваться не имел случая».

Добыта еще одна прекрасная виктория, сделан еще один шаг в творении величественного мифа ее империи и истинно Екатерины Великой. Мятежная Польша поставлена на колени, ее народный предводитель Тадеуш Костюшко в плену. Как же, такая знаменитость... Прославленный бригадный генерал Америки, который построил всемирно известный теперь, неприступный Вест-Пойнт, а с недавних пор объявленный французским Конвентом почетным гражданином Франции - в настоящее время самый обычный ее пленник, станет узником Петропавловской крепости.

В несчастливой схватке под Мацевичами Тадеушу Костюшко пришлось не до шуток. Бой, который начался с россиянами на рассвете, к середине дня шел с переменным успехом, и многократное преимущество артиллерии русского генерала Ферзена делало все более редкими ряды польской конницы и косиньеров.

Костюшко, прижимаясь к гриве коня, стремительно мчал полем битвы; он мчал на другой фланг, каким-то подсознательным чувством обходя взрывы ядер, которые кромсали осеннюю землю и с болезненным стоном черными столбами поднимали ее в небо. Он избежал огня пушечного, но пуля из мушкета свалила коня - и он вместе с всадником клубком покотился полем. К Тадеушу, увидев такое, поспешила русская конница.

Пересиливая боль, Костюшко вложил ствол пистолета в рот и нажал крючок.

Осечка...

Между тем подскочили русские конники, один выстрелил в него, второй ударил для верности пикой, а третий с оттяжкой рубанул палашом.

· - Хорошие сапоги у этого пшепердельника, - снимал первым обувь из Костюшко, который лежал без сознания. Второй, вывернув карманы, золотым часам радовался. А еще другой спешно снимал перстни, а увидев надпись на них, лишь подсвистнул удивленно.

На перстнях было вычеканено: «Отчизна - защитникам своим».

Вместо медалей Костюшко награждал своих побратимов такими перстнями.

· Императрица знала, как тяжело было гасить пламя восстания, может, иногда и пересаливали при этом. Перестреляли мирных людей Кобрыня и Малориты, улицами Варшавы носили насаженных на штыки младенцев, а убитых поляков в варшавском предместье для устрашения Суворов запретил хоронить - а что делать: на войне как на войне.

Русский генерал фон Клуген о тех событиях напишет: «Наши солдаты стреляли в толпы, не разбирая никого - и пронзительный крик женщин, вопли детей наводили ужас на душу. Справедливо говорят, что пролитая человеческая кровь возбуждает до опьянения... «Нет

никому пардона», - кричали наши солдаты и умерщвляли всех, не различая ни лет, ни пола...».

Императрица должна достойно оценить вклад Суворова, указ уже приготовлен о даровании ему Кобринской волости с 13279 душами лишь «мужеска полу» крепостных.

Это третье разделение Польши, думалось ей, должно быть до скончания века последним, а трон слишком гордых польских королей займет свое место в нужнике вместо стульчика.

Она даже довершила то, что начали ее предшественники и не смогли довести до конца. Уничтожив Запорожскую Сечь, стерев из карты Европы Польшу, императрица взялась заодно на место поставить таких самых непокорных литвинов из Белой Руси. Царь Алексей Михайлович, пройдясь тем краем, из двух миллионов девятисот тысяч оставил живыми литвинов миллион триста пятьдесят, а еще сколько погнал с собой, потому что давно уже московские стрелки продавали на астраханских рынках литвинов в персидское рабство по три рубля за душу. Петр 1, отступая, взорвал полоцкую Софию, так как не может никто иметь древнее храмов, которые в столицах империи. Именно она завершила их дело, фаворитам раздаст тысяч двести литвинских душ, а разным русским помещикам еще до полумиллиона крепостных наберется.

... Продолговатое лицо статс-секретаря еще больше удлинилось, когда он подал Екатерине Второй лист бумаги, совсем чистый, только три слова спешно написаны.

- Вам письмо, Ваше императорское величество. Прикажете ответ?

Императрица узнала почерк Суворова: «Ура! Варшава наша!»

- Пиши, - улыбнулась удовлетворенно. - «Ура! Фельдмаршал Суворов!».

Императрица умела достойно награждать верных подданных, присвоив таким способом высокое военное звание.

Она теперь все может, она всех победила.

Четырнадцать раз вставал из могилы ее муж и под именем Петра III поднимал очередное восстание. Тяжелее всего было с пятым, Пугачевым, а с преемниками стало легче после приговора: «Емельку Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь».

Теперь муж ведет себя учтиво, смиренно лежит себе под веской каменной плитой.

Голову митрополита Арсения Мациевича она, конечно, не могла так положить под топор палача, как остальные ложились. Но нет разницы, в конце концов, между мужем и митрополитом: оба в каменных мешках, и до смерти в Ревельской тюрьме Арсений не смог даже отозваться к какой-нибудь живой душе - запрещалось ставить в охрану того, кто хотя бы одно знал русское слово.

Все виктории за ней, самым величественным мужем по имени Екатерина...

38

Между тем проходили годы, отшумело много событий с тех пор, когда судили Арсения Мациевича. И чудо дивное: все горькие на суде пророчества митрополита исполнялись. Сначала так непредвиденно умер в дороге Гедеон, тогда упала церковь Трех Святителей, что рядом с Крестовой палатой, где судили Мациевича. Преосвященный Димитрий в расцвете сил и славы непредвиденно заболел: внезапно взялась лихорадка, стал пухнуть язык. Врачи денно и ночью хлопотали возле него, как возле самой почтенной персоны в государстве, потому что он, и в самом деле, приобрел незаурядное влияние при дворе императрицы. Но никакие пилюли почему-то не помогали Димитрию, язык все утолщался и уже не помещался во рту, он задыхался, лицо от этого синело, вымолвить ему какое-то слово было весьма непросто, словно камень положил себе под язык.

- Говорил же тогда митрополит... - только и прохрипел едва слышно и неразборчиво Димитрий и, хватанувши еще несколько раз судорожно воздух, умер.

Нехорошие толки пошли в народе о смерти Гавриила. Мол, отбил он у келейника своего любовницу, и тот в приступе ярости задушил его какой-то подушкой.

- За твою Иродиаду твой соперник задушит тебя, - пересказывали даже через десятилетие митрополичье пророчество.

Амвросия беда подстерегла уже во время разгула чумы, и если бы уже от болезни, то не так было бы обидно. Пущенный слух, что спасение дает икона Божьей Матери у Варварских ворот, погнал туда множество люда. Владыка Амвросий был человеком образованным и понимал всю опасность такого скопления - он приказал перенести икону в церковь Святых Кира и Иоанна.

-Владыка деньги Богородицы забирает!- поджег растревоженную толпу чей-то возглас.

Восставший люд ворвался в Чудов монастырь, обыскал Амвросия по всем закоулкам и, не найдя, оставил его разочарованным. Разгромив винные погреба, мятежники направились в Донской монастырь, потому что пошел слух, что владыка скрывается там. Амвросий попробовал вырваться из Москвы, но было уже поздно. Владыка причастился и спрятался на хорах.

Топот ног и необычный для храма гул, напрасное уговаривание раздраженного люда настоятелем; вот уже шаги слышны на ступенях к хорам. Владыка, свернувшись в клубок, шепотом молился, умоляя Всевышнего простить ему все грехи, и измену митрополиту Арсению среди других его грехов.

-Здесь он! Здесь грабитель Боголюбской Богоматери! - мало не над головой торжествующе закричала погоня.

Архиепископа схватили и, как мешок с картофелем, потянули вниз, его тянули за ноги, и владыка больно головой ударялся о ступени. Наконец, выволокли его на монастырский двор и здесь на него, лежащего, посыпался град пинков. Кто бил ногами, кто палкой, но Амвросий уже перестал чувствовать боль, тело было вроде бы не его, а какое-то совсем чужое, которого даже не жаль; вместо боли прижигала душу непонятная удушающая горечь. А еще перед потерей сознания он увидел взблеск ножа в руках какого-то мужчины с дикими, налитыми кровью глазами, и откуда-то издали донесся знакомый голос:

- - Не ступай на ту стезю, умоляю тебя, Амвросий.

У князя Потемкина длительное время складывалось все так хорошо... Батальные успехи на юге приносили новые ордена и поместья, а еще очаровательная София Витт, очередная его страсть, пьянила голову. Потемкин всерьез замыслился относительно бракосочетания с ней и коронации на новое царство. В безудержных мечтах своих он уже видел возрожденную Византийскую империю. Ведь за легендой древнегреческая цивилизация зародилась именно в Северном Причерноморье, а уже оттуда распространилась на земли исторической Эллады. Где-то здесь, вблизи древней Ольвии, должна быть столица новой империи, лучше всего, наверное, в Николаеве, любимом его городе.

И хотя в новых замыслах не оставалось места императрице Екатерине, она продолжала направлять заботливые письма, даже врача молодого прислала из Петербурга Потемкину.

Какие-то странные, непонятные события стали происходить неожиданно. На похоронах принца Виртенбергского, брата княгини Марии Федоровны, в городе Галахи после отпевания к Потемкину вместо его роскошной кареты подъехала карета похоронная, для мертвецов.

Князь оробел, даже попятился и перекрестился, холод по спине пошел, будто кто хлюпнул воды: нутром он понял, что случилась по чьей-то вине ошибка, но ужас от этого не уменьшался.

Умер князь внезапно в степи, и хотя набегали накануне приступы лихорадки, но все же не убоился дороги, даже гуся целехонького сладил перед тем.

Похоронили его почему-то не в любимом Николаеве, а в Херсоне, в городе, который князь не любил и называл «гробом».

Архиепископ Амвросий в поминальной речи над телом покойника говорил искренне и взволнованно:

- Императрица осталась без советника, сподвижника и друга.

В толпе между тем злоумышленники перешептывались: «Князя отравили, это дело того молодого врача, которого прислала Екатерина». Но никто еще не родился и не умер, чтоб его не обсудили.

Неожиданным было другое. Виденье Потемкина на Государственном совете, когда он выкладывал план уничтожения Запорожской Сечи, исполнилось: сначала в гамбургском журнале «Минерва», а затем отдельной книгой Гельбига «Потемкин Таврический» вышли сказы о его деяниях, впоследствии книга много раз переиздавалась в Германии, Франции и Англии, в конце концов, была переведена на русский под названием «Пансалвин - князь тьмы» и пошла кочевать пространствами империи. Имя «князь тьмы», которым автор окрестил Григория, крепким и неразлучным эпитетом приклеилось на столетие к фамилии Потемкина.

С телом князя Григория также происходили непонятные приключения. Положили его в гробу в церкви Екатерины-великомученицы, императрица заказала мраморное надгробие, но оно почему-то не изготавливалось еще пять лет при ее жизни, и Потемкин оставался непохороненным.

Следующий император Павел I подписал приказ генерал-прокурору Александру Куракину, «дабы все тело без дальнейшей огласки в самом же том гробу погребено было в особо

вырытую яму, а погреб засыпан землей и выглажен так, как бы его никогда не было». А на словах Куракину сказали кое-что другое:

- Уничтожить все, что напоминает о Потемкине, а кости разбросать по Чертовому ущелью.

Подобрал же народ ущелью название... А тело князя Григория между тем уже шесть лет не принимала украинская земля. При месяце могилу выкопали и пустой закопали.

Следующий император Александр I распорядился поставить памятник Потемкину в Херсоне. Проект должен был изготовить известный художник И.Мартос, но работа не клеилась, наследники все ссорились из-за денег. Гроб неоднократно открывали официальные комиссии, проверяя останки; восемь раз, как подсчитали историки, погребали Потемкина, и все находились какие-то причины, чтобы земля отторгала его прах.

Писатель Борис Лавренев в 1930 году как-то зашел в бывшую церковь, на которой висела табличка «Музей атеизма», и ознакомился с экспонатами. В витрине под стеклом он увидел потемневший от времени человеческий череп и надпись «Череп любовника Екатерины II Потемкина». В другой витрине - остатки одежды, чулок и туфель, еще в другой - человеческий скелет с сохлевыми кусками мышц. Надпись та же: «Кости любовника Екатерины II Потемкина».

У местного священника длительное время хранились пожелтевшие фотографии раскопок могил: крестьяне стоят над скелетами в остатках мундиров екатерининских времен, и рядом виднеется кожанка чекиста - достойного наследника Тайной экспедиции Екатерины II и князя Григория Потемкина.

-

39

Поздним осенним вечером все стихает во дворце, стихла дневная придворная сутолока и суматоха, императрица уже давно была в опочивальне, не спали только дежурные фрейлины. Тишину, которая улеглась в огромном здании, разве изредка нарушало легкое и незлобивое потрескивание дров в печках.

Вдруг дверь опочивальни отворилась, вышла императрица со свечой в руках и направилась к тронному залу. Фрейлины были удивлены таким поздним выходом, а затем длительным отсутствием императрицы.

Их колебания и перешептывания прервал звонок из опочивальни, которым привычно вызывалась прислуга.

Фрейлины переступили порог – и чуть было не оледенели от испуга. Императрица, которая только что прошла мимо них в ночном наряде и со свечой в руках, в действительности, лежала у себя в постели, как будто бы никуда и не выходила.

- Кто там слоняется и не дает спать? - недовольно щурилась спросонья она на фрейлин.

Те замялись, то отнекивались, то что-то мямлили себе под нос, только разжигая этим любопытство Екатерины, которая что-то заподозрила и, наконец, настояла рассказать всю правду.

Фрейлины вынуждены были рассказать о только что увиденном.

- Помогите одеться! Быстро! - сон куда сразу и подевался у императрицы.

Они вместе прошли в тронный зал, дверь его была приоткрыта, и остолбенели, едва переступили порог.

Огромный зал был освещен невиданным до сих пор здесь каким-то зеленоватым, призрачным и мерцающим светом, а на троне сидела... императрица Екатерина II.

Оробевшая вся, охваченная ужасом, от которого стягивалась кожа на голове и деревенело все тело, смотрела императрица замороженным взглядом на саму себя, на своего двойника, который неподвижно сидел на троне, под нереально зеленоватым, каким-то потусторонним светом; она смотрела и не могла отвести глаза, словно околдована была какой-то ворожеей, или тот взгляд удерживали невидимые, неизвестные и мощные магниты, пока не упала в обморок.

А еще через какую-то минуту исчез и призрачный свет, и видение, тронный зал был пуст, как и сам трон, сознание вернулось к императрице.

Фрейлины перекрестились и поклялись об этом никогда и никому не обмолвиться и словом.

Императрица от увиденного пришла в себя разве что дня через два, когда утром проснулась со свежими силами, опять бодрой, готовой к новым хлопотам. Она выпила кофейку, перебросилась шуткой с камердинером и направилась в туалет. Удобно усевшись на троне польских королей, который служил ей стульчиком в клозете, она напряглась справить нужду, как вдруг что-то случилось, словно какая-то искорка затрещала в виске. А

дальше зашумело в голове, мир покачнулся и стал колыхаться, потом и вовсе поплыл, неуправляемо так, как будто лодка, которая попала в бурную речную круговерть; откуда ни возьмись над ней стаи воронов, даже не воронов, они только внешне напоминали их, быстрее зловещих каких-то летучих мышей с перепонками на крыльях: они кружили над ней с жутким криком, выпускали большие черные когти, пытаясь все схватить ее, но она некоторое время успевала уклоняться и выворачиваться, пока не упали сумерки и не наступила ночь.

Камердинер Захарий Зотов долго и терпеливо ожидал императрицу, пока тревожно не ёкнуло сердце, и он отважился: изо всех сил ударив плечом в дверь, вломился в туалет.

Императрица лежала на полу, лицо было багровым, а из горла вырывался болезненный хрип.

Поднялась тревога, прибежали придворные, и отяжелевшее тело вытянули из туалета, но даже шесть человек не смогло поднять его на кровать, поэтому постелили просто на полу сафьяновый матрас и положили на него умирающую императрицу.

А дальше дворец загудел, как улей: бегали курьеры, мчали гонцы с донесениями к сыну Павлу в Гатчину, прибывали придворные.

Около тела хлопотали врачи. Они прикладывали к ногам шпанские мушки, пускали кровь из руки. Но в глазах врачей надежда даже не просматривалась.

В девять вечера лейб-медик известил, что императрица умирает. Напрасно ожидал в уголке владыка, который должен был исповедовать императрицу, но она так и не пришла в себя. Еще пробовал причастить ее, но не удалось, потому что, как записал придворный очевидец, этого не случилось «по причине пены, которая выходила изо рта».

И вспомнились владыке слова митрополита Мациевича, молвленные укоризненно на том давнем уже, предавшем суде: «Умрешь ты без христианской исповеди и причастия».

А в последующие дни шли привычные и в то же время такие необычные приготовления к похоронам императрицы.

Неслыханное зрелище творилось на виду у тысяч людей. Встал из могилы император Петр III. Сын, как и многие в России, знал, что это мать убила отца. Заняв престол, Павел I решил не погребать мать, пока не отдаст последний долг отцу - он хоть теперь коронует его, потому что задушили Петра II еще до коронавания. Екатерина II месяц лежала в гробу непохороненная.

Спешные гонцы мчали в Москву по царские регалии, а между тем из кладбища Александро-Невской лавры выкопанный гроб доставлен и стоит рядом с гробом императрицы Екатерины II. Убийца и жертва, муж и жена, всё-таки встретились.

- Кто понесет корону? - переспросили в начале церемонии императора Павла.

- Орлов, - ответил без колебаний, вымолвил задуманное давно, притаившееся в душе долгими годами.

Алексей Орлов брал императорскую корону в руки, как будто она была раскалена, и она действительно обжигала ему пальцы и ладони, вызывая неестественный, морозящий кровь, подсознательный животный ужас. «Ты еще будешь короновать того, чья кровь на твоих руках», - зазвучало Алексею из глубины трех десятилетий сказанное на суде митрополитом, донеслось, докатилось, как катится лесом и перелеском чье-то отдаленное эхо.

40

В гостиную императора ворвались стремительно, раскрасневшиеся и возбужденные от выпитого, они уже действовали без осторожности.

Император Павел, заслышав грохот, успел лишь спрятаться и стоял удивленно в нижнем белье перед ширмами.

· -Вы арестованы, Ваше величество!

· Император начинал понимать, что это происходит так непредвиденно, стал приходить в себя от неожиданности и, выпрямившись, уже привычным властным голосом крикнул Зубову.

· -Вы в своем уме, Платон Александрович!

· -Ты больше не император, - отрезал тут же расгоревшийся от бега по ступеням Зубов - Александр наш император!

В опочивальню вваливались друг за другом заговорщики - Бенигсен, брат Платона Николай, Яшвилль, Татаринов, а когда окружили императора полукругом, то Платон вынул заготовленный заранее текст отречения от престола.

Выведенный из себя неслыханной и немыслимой наглостью, император было замахнулся уже на Платона, но брат Николай ударил по руке так, что и обвисла вмиг тряпкой. Павел еще успел рвануться к окну и ударить неповрежденной рукой по оконному стеклу – зазвенело стекло, но императора здесь же сбили с ног, и он опять очутился в полукруге заговорщиков. Платон, лихорадочно ища глазами что-то сподручное, вдруг увидел золотую табакерку: удар в висок, и Павел пошатнулся, заплетая ногами, и грохнулся на пол.

· Останется живым - нам не жить! - крикнул Бенигсен.

В полумраке все ринулись на Павла, ругая и плюя ему в лицо, они били его ногами то по очереди, то кому выпадет; Платон целился все ниже живота, мысленно приговаривая: «Это тебе за отобранные в казну имения, а это тебе за изгнание мое за границу!»

Императору, в первую очередь, удалось свернуться в клубок, заслоняя лицо еще не перебитой рукой, он вертелся по полу, силясь уклониться от ударов или хотя бы ослабить их, потому что удары сыпались из разных сторон, глухие удары ногами.

В азарте заговорщики даже заметить не успели, как император перестал вертеться и хотя бы как-то защищаться, он уже был без памяти, когда глухие удары ногами, как будто в мешок с картофелем, все еще сыпались на бездыханное тело.

Платон дубасил ногами усердно, сам не осознавая причину своей злобы, только один раз промелькнула укоризненная мысль: зачем же он так, это же сын той женщины, которой божился в любви, которую прижимал и ласкал, но эту предательскую мысль он потушил вмиг, как единственным дуновением на всю грудь гасят свечу.

В полусознании его еще попробовали поднять, но уже на ногах он держаться не мог, обессилели они сами собой, на какое-то мгновение еще удержался лишь на коленях. Тогда Платон с Николаем, схватив шарф, накинули на шею, и сдавили изо всех сил, прижимая узел коленом.

На следующий день ошеломленный люд узнал, что император внезапно умер от апоплексического удара, и только через полвека издатель Суворин выпустит сборник документов «Цареубийство 2 марта 1801 года. Записки участников и современников». И там будет детально описан труп императора: «На теле были многие следы насилия. Широкая полоса кругом шеи, сильный подтек на виске, красное пятно на боку, но ни одной раны острым орудием, два красных шрама на обеих ляжках; на коленях и далеко около них значительные повреждения, которые доказывают, что его заставили стать на колени, чтобы легче было задушить. Кроме того, все тело вообще было покрыто небольшими подтеками; они, вероятно, произошли от ударов, нанесенных уже после смерти».

А еще впоследствии станет известно о частной карете, которой сын убитого императора Александр переедет в Зимний дворец. Очевидцев удивляло, почему карета была не придворной, на которой вместо двух выездных лакеев будут стоять два офицера, в одном из которых опознают генерал-адъютанта Уварова. Случайно такая карета туда попасть не могла, только через подъемный мост, и должна была она перевезти Павла после отречения. Еще впоследствии напишут, что сын таки давал свое согласие на лишение отца престола, согласие на переворот с условием сохранить жизнь отцу - хотя все понимали, что это невозможно. Герцен когда-то напишет: «Александр позволит убить своего отца, но только не до смерти».

От сына не отставала мать: убитая вестью о смерти мужа, она вымолвила в первую очередь: «Ich will regieren!» (Я хочу царствовать!) Она даже хотела вырваться на балкон, чтобы обратиться к войску, которое уже окружало дворец, но ее не пустил офицер Ф. В. Ридигер.

А еще через десятилетие сын будет ставить памятник отцу. Когда уже полотно из монумента будут снимать, то на глазах у многолюдной толпы полотно мгновенно спадет, а на шее статуи императора Павла, покачиваясь как грозный знак, почему-то веревка останется...

И вскрикнет от этого люд, и опять вспомнит пророчество митрополита Арсения: «Задушили твои любовники мужа, они же и сына задушат...».

Обер-комендант Ревельской крепости Фабиян фон Гизенгаузен сильно кривился на второй день Рождества - мало ему здесь всевозможных хлопот, еще привезли какого-то Андрея Вралья, простого с виду дядьки, который неизвестно что успел натворить. Тот мужчина был уже стареньким и слабосильным, а везли его в сильный мороз, поэтому в каземат внесли узника уже на руках.

Но фон Гизенгаузен знал, какого узника доставили под его ответственность и на его немолодую голову. Не сносить ему самому этой головы, если вдруг узник, словно птица, надумает и сумеет вдруг улететь. От врача, которого вызывали без особенной спешки, затребовали немедленно расписку, что под страхом смертного наказания никогда и никому не скажет о таинственном узнике.

Караул над немощным старцем приказали держать лишь из тех солдат, которые слово русское не понимают и вымолвить не способны .

Так митрополит Арсений Мациевич оказался в каменной клетке, которую как зеницу ока берег после фон Гизенгаузена плац-майор Гибнер, а впоследствии обер-комендант Бенкендорф.

По последнему приговору двери в каземат замуровали, еду подавали через маленькое окошко. На окне с железными решетками были выбиты оконные стекла, поэтому единственной гостьей в каменный мешок митрополита могла пожаловать лишь вьюга.

И все же здешний люд догадывался, что за крепкими стенами так усердно охраняют непростого арестанта; этого старика высокая власть весьма боится. Какая-то хорошая душа ухитрилась передать узнику корзину. И когда митрополиту перестали давать не только одежду, но и еду, он из окошка опускал на веревке эту корзину, и кто-то милосердный клал то горбушку хлеба или просто ставил страждущему воду.

Митрополит не видел человеческого лица, не слышал языка человеческого, он мог только прислушиваться к языку птичьему - воробьи охотно чирикали беззаботно за решеткой на подоконнике, а однажды голубь присел с корочкою хлеба. Он поворкотал, поворкотал, а тогда взметнул сизыми крыльями и полетел себе прочь, оставив корочку- то ли был не голоден и потерял к ней интерес, то ли слишком черствым казался тот хлеб, и птица его не осилила. Арсений поневоле улыбнулся: ишь, птица небесная, и она понимает беду: чем могла, тем и поделилась...

У митрополита было более чем достаточно времени передумать о прожитом, перелистать страницу за страницей свою жизнь, как прочитанную и хорошо уже известную книгу, и поразмыслить над каждой той страницей. А однажды, как-то придремнув, приснился Арсению странный сон. Как будто он опять сидит в уютном дворике Киево-Могилянской академии, но уже не тогдашний, совсем юный, а нынешний, летами обремененный, и опять явился ему тот незнакомец с длинными волосами, которые спадали на плечи; он закрыл, наверное, собой солнце, потому что отсвечивал его силуэт мягким и легким сиянием.

- Воспользовался ли , Арсений, даром, который уготован был тебе еще смолоду? - спросил незнакомец.

- Да, - ответил твердо митрополит и склонил почему-то уныло голову.

-Тогда в чём твои сомнения?

- Мало люд слушался моих предостережений, много зла делал, невзирая на предостережения, и не верил в неминуемое наказание.

- Ошибаешься, Арсений. Ты же сеял Добро, а оно как воздух - его не видит никто, но без него нет жизни. А еще всходит оно не только сегодня или весной, всходы и жатва бывают через годы и века. Так установил Творец. И хоть ты живьем замурован, но не осилила светская власть со всем своим злом и лукавством тебя, потому что спесь ее и торжество быстротечны, а Истина на века.

Арсений проснулся, сон, как нечасто бывает, в этот раз не забылся, напротив, еще долго вторил голос Незнакомца в его памяти. Стало веселее на душе, наступило облегчение даже в его чахлам и измождённом старческом теле; он взял камень, который подвернулся под руку, и на подоконнике, прикладываясь, как школьник, с натугой выцарапал три коротких слова: «Благо, еси смирил мя».

А за окном в молодом осеннем небе высоко проплывал аистовый ключ. Митрополит провел его долгим взглядом, словно передавал последнее приветствие родной земле через этих неутомимых птиц - еще отец ему рассказывал, что аисты в теплые края собираются ключами из скандинавских стран, даже из Англии, из краев прибалтийских, и невидимой небесной дорогой странствуют на Волынь, тогда над Припятью, дальше над Днепром, летят через море перезимовать в далекие южные края, в Турцию, иногда добираются даже в Южную Африку, где встречаться могут со своими индийскими аистовыми родственниками – пусть же сила и мощь, подумалось, не оставят ваши натруженные крылья.

Арсений понял, что душе его уже немного оставалось быть замурованной в этой каменной клетке.

В предпоследний день февраля 1772 года митрополит, собрав остатки сил, попросил сторожа позвать священника.

Выбили стену, где были когда-то двери, и настоятель Ревельской церкви ступил в каменную клетку. Он едва ступил, как удивление и ужас в одно и то же время охватили его: стены и потолок сияли каким-то особенным светом, а посреди тесной камеры стоял архиерей в полном праздничном облачении, которое также светилось неземным сиянием. И еще поразила священника музыка, зазвучавшая негромко, но так волнующе, откуда-то лились звуки, которые умиротворяли, от которых на душе становилось легко и спокойно, музыка церковная и вроде бы не церковная, музыка высокого неба, только подчеркивающая тщетность сущего, временность суеты человеческой.

С испугом и непониманием, куда его послали, бросился священник обратно к коменданту, и теперь в каменный мешок они протиснулись как-то вдвоем.

Но теперь уже не было архиерея в облачении, стены позолотой не сияли, только покрывались кое-где зеленоватым мхом, не было слышно неземной музыки - только поодаль какой-то бродячий музыкант на старинном здешнем инструменте что-то наигрывал сам для себя.

Вместо архиерея на тюремной кровати лежал больной арестант в потрепанной, вовсе несоответствующей этой холодной поре одежде.

А когда узник сомкнул после исповеди и причастия глаза, то опять показалось священнику, что это не просто звучит музыка на нехитром старинном инструменте из-под пальцев путешествующего музыканта, а какая-то другая, непосильная для творения смертному человеку; музыка, от которой возвращались мировые первоизданные цвета и звуки, потому что куда-то девалась со снегов за окном припавшая за зиму копоть, небо просветлялось и приобретало свою неизмеримую и необъятно глубинную голубизну, вся ржавчина и накипь спадали с мира, а звуки выдавали не только струны, звучали деревья, снега, птицы в высоком небе, звучали даже тяжелые и суровые, покрытые плесенью и мхом стены - звучала музыка высоких небес и вечной неодолимой Истины.

Вместо примечаний

О тех событиях и явлениях в разные времена писали...

xxx

В депеше министру иностранных дел от 23 июля 1762 г. французский посол по делам России Лоран Беранже: "Что за картина предстает взорам всей нации! С одной стороны, внук Петра I, свергнутый с престола и преданный смерти; с другой, внук царя Иоанна, томящийся в оковах, в то время как принцесса Ангальт-Цербская присваивает себе корону, начиная царствование с цареубийства».

Xxx

К.-К. Рюльер, секретарь французского посла», Переворот 1762 года». С.68-69

"Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала императрица в сем приключении; но известно, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменной веселостью. Вдруг является тот самый Орлов, растрепанный, в поту и пыли, в разорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости. Когда только он входил в комнату, то быстрые и сверкающие глаза его уже искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, направилась в кабинет, куда за ней и последовал Орлов; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом сообщить о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тот же веселостью. На утро, когда узнали, что Петр умер от геморроидальной колики, она показалась с заплаканным лицом и возвестила о постигшей ее печали".

xxx

Письмо Екатерины II барону Гримму: "...половина тех, кто еще в живых, или дураки, или сумасшедшие; попробуйте, коли можете, пожить с такими людьми!"

xxx

А.Пушкин о временах правления Екатерины II:

"Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т.е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, - а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, - а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь..."

xxx

Характеристика Екатерины II Александром Пушкиным: "Голос обманутого Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России".

xxx

А.Пушкин:

"Само сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве".

xxx

А.Герцен о временах царствования Екатерины II: "тянулась одна непрерывная оргия вина, крови, разврата".

«Историю Екатерины II нельзя читать при дамах»

Ххх

Сын боялся отравления матерью, Екатериной II.

Л. Л. Бенигсен, генерал при правлении императрицы Екатерины II:

"Павел подозревал даже Екатерину II в злом умысле на свою особу. Однажды он пожаловался на боль в горле. Екатерина II сказала ему на это: "Я пришлю вам своего медика, который хорошо меня лечил". Павел, боявшийся отравы, не мог скрыть своего смущения, услышав имя медика своей матери. Императрица, отметив это, успокоила сына, заверив его, что лекарство – самое безвредное и что он сам решит, принимать его или нет. Когда императрица проживала в Царском Селе в течение летнего сезона, Павел обыкновенно жил в Гатчине, где у него находился большой отряд войска. Он окружил себя стражей и пикетами, патрули постоянно охраняли дорогу в Царское Село, особенно ночью, чтобы помешать какому-либо неожиданному предприятию. Он даже заранее определял маршрут, по которому он удалился бы с войсками своими в случае необходимости: дороги по этому маршруту, по его приказанию, предварительно были изучены доверенными офицерами».

xxx

Вольтер о России: "Обычаи там такие же тяжелые, как и климат: зависть к чужестранцам - крайняя, деспотизм - безмерный, общество - никудышнее".

Ххх

Историк и публицист, кн. Щербатов в своем трактате "О повреждении нравов" пишет о Екатерине II: "Имеет ли она веру к Закону Божию? Но - несть! Упоена безрассмысленным чтением новых писателей. Закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает. Коль ни скрывает своих мыслей, но оное многажды в беседах ее открывается... И можно сказать, что в царствование ее и сия нерушимая подпора совести и добродетели разрушена стала".

Ххх

Карл Массон писал так о времени правления Екатерины II: "...в особенности был бедственен для народа и империи. Все пружины управления были испорчены: всякий генерал, всякий губернатор, всякий начальник департамента, сделался в своей области

деспотом. Чины, правосудие, безнаказанность продавались с публичного торга. До 20 олигархов под предводительством фаворита разделили Россию, грабили или позволяли грабить финансы и состязались в грабительстве несчастных".

Ххх

А.Герцен о моральных устоях царствования Екатерины II:

"Тупоумные принцы, едва умевшие говорить по-русски, немки и дети садились на престол, сходили с престола... горсть интриганов и кондотьеров заведовала государством».

XXX

Как начиналось разрушение церкви

К. Валишевский "Иван Грозный", стр.275-276./

«...началась военная экзекуция, предъ которой блѣднѣли ужасы первого ливонского похода. Послѣдовалъ систематическій разгромъ всей области: отъ Клина к Новгороду царь оставилъ за собой пустыню.

2 января его передовые отряды показали подъ стен города и окружили его со всехъ сторонъ. Пригородные монастыри были преданы разграбленію и до 500 монаховъ были уведены. На другой день опричники проникли въ городъ, собрали всѣхъ священниковъ и дьяконовъ и поставили ихъ рядомъ съ монахами на правезѣ. Ихъ били съ утра до вечера, требуя по 20 р. выкупа за каждого. Какъ можно судить по документамъ, между ими нашлись счастливыя, которые избѣжали пытки, уплативъ требуемую сумму. Другихъ ждала страшная участь. Царскіе пристава рыскали по домамъ и сгоняли жителей въ место, обнесенное оградой и охраняемое войсками. Въ пятницу 6 января прибылъ самъ Иванъ съ сыномъ и 500 стрѣльцовъ. Онъ приказалъ бить палками, до смерти всѣхъ монаховъ... Трупы ихъ были развезены по монастырямъ и тамъ погребены.

Наступила очередь бѣлаго духовенства. Въ воскресенье утромъ передъ обѣдней архіепископъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ на-встрѣчу царю на волховской мостъ и собирався благословить его. Иванъ не принялъ благословенія и назвалъ его "волкомъ хищнымъ". Но все-таки приказалъ ему служитъ обедню в св. Софіи. Онъ намѣревался повторить сцену расправы съ Филиппомъ. Царь принялъ даже приглашеніе отобедать у владыки. Онъ казался веселымъ и кушалъ съ охотой. Вдругъ среди трапезы онъ громко вскрикнулъ. По этому знаку опричники принялись исполнять то, что имъ было заранее приказано. Весь домъ архіепископа подвергся разгрому. Съ него самого сорвали одежду и вмѣстѣ с челядью бросили въ темницу. Въ слѣдующіе дни терроръ достигъ ужасающихъ размѣровъ. На главной городской площади было сооружено подобіе трибунала, окруженное орудіями пытокъ. Царь приступилъ къ быстрому суду. Горожанъ приводили сотнями, пытали, жгли на маломъ огнѣ съ утонченными приѣмами, затѣмъ почти всѣхъ приговаривали к смѣрти и везли топить. Окровавленные жертвы привязывались к санямъ и ихъ по крутому откосу спускали къ быстринѣ, где Волховъ никогда не замерзалъ.

Несчастные погружались въ пучину. Младенцевъ топили, привязавъ ихъ къ матерямъ.

Опричники съ мордами стояли на лодкахъ и наблюдали, чтобы никто не спасся.

По словамъ третьей новгородской лѣтописи избіеніе длилось пять недѣль, и рѣдкіе дни на тотъ светъ не отправлялось человекъ 500-600. Иногда число жертвъ возрастало к полуторы тысячи въ день. Первая псковская лѣтопись говоритъ, что въ общемъ погибло около 60000 человекъ обоаго пола...

Как бы то ни то было, отвратительная рѣзня достигла ужасающихъ размѣровъ, и когда Ивану больше некого было убивать, онъ обратилъ свою ярость на неодоушевленные предметы. Съ особымъ звѣрствомъ обрушился онъ сначала на монастыри, предполагая тамъ измѣну. По той же, вероятно, причинѣ онъ принялся уничтожать торговлю и промышленность этого большого города. Всѣ скамьи въ городъ и въ пригородахъ, а

вмѣсть съ ими и дома, были разграблены и разрушены до основанія. При этомъ разрушеніи присутствовалъ самъ царь. Опричники же, если вѣрить лѣтописямъ, рыскали кругомъ верстъ за 200-250 отъ Новгорода и вездѣ дѣлали тоже самое... Новгородъ никогда уже не оправился отъ нанесеннаго ему удара".

XXX

Митрополит Илларион (Огиенко).

Государственная московская власть, в основном высшая, начиная от Петра 1, открыто и сознательно стала жестоко преследовать Православную Веру и Церковь, как Русскую, так и Украинскую. Государственную власть обсели немцы- протестанты, и всеми силами валили Православие.

Православная Церковь падала, и не было кому вступить за нее... Святитель Димитрий Туптало, Митрополит Ростовский, упокоился еще в 1709 году, кто же вступится дальше?

Но нашелся всё-таки защитник, который на всю Украину, на всю Россию во весь голос крикнул и вступился за Православную Церковь.

Это был Митрополит Ростовский Арсений Мациевич, родом из Волыни, один из преемников Св. Димитрия Туптала на Ростовской Катедре.

Казалось, Церковь падает, и никто за нее не вступится. Это так только казалось, потому что Церковь Божья вечна, и силы адовы не победят ее.

„Пока Дух Благодати пребывает с Церковью (а Он будет пребывать с правдивой Церковью до конца мира), то какой бы ни был дух времени, в Церкви не может не быть подвижников Духа Христова!" - писал архиепископ Черниговский Филарет Гумилевский.

Вот таким подвижником Духа Христова и был Митрополит Арсений Мациевич.

Высшая светская русская власть за весь XVIII век язвительно притесняла Православную Церковь и сильно унижала ее. Это была власть, в основном, немецко-протестантская, которая Православную Веру высмеивала, а ее обряды презирала. За это время русская власть последовательно, шаг за шагом, уничтожала Христову свободу в Церкви, и саму Церковь последовательно подчиняла власти светской, потому что, начиная от Петра 1, ее главою стал русский царь. И Православная Церковь в России стала департаментом Исповедований Министерства Внутренних Дел.

К корню была уничтожена сама Вера среди русской интеллигенции, и она, русская интеллигенция, стала если и не атеистической, то совсем безразличной к Церкви. Мало этого, в России зародилось к Духовенству глубокое непочитание, высмеивание как к классу. В литературе пошло высмеивание Священника, которое в России не прерывалось никогда.

При царице Екатерине II, немки-протестантки, правдивее - атеистки, Духовенству был нанесен удар материально, и навеки Его поставили в зависимость от милости своих прихожан. У Церкви отобрали ее имения, а Духовенство пустили с сумой. Этим Екатерина сознательно смертно ударила по авторитету Духовенства - и сделала его нищим.

Источники русского коммунизма заложены в церковной политике царей и цариц XVII века, - это они приготовили в России плодородную почву для восприятия коммунизма.

И большим духовным рыцарем, Исповедником-мучеником, явился в Православной Церкви того времени митрополит- украинец Арсений Мациевич, - он повел отважную борьбу против того церковного коммунизма, который тогда насаждали в России правящие верхи. Митрополит Арсений Мациевич всю жизнь свое положил на то, чтобы светлые Идеалы Украинской Православной Церкви перенести в Церковь Московскую. Не смог этого сделать, потому что темные силы в России были сильнее его ...

И Митрополит сгинул на своем славном пути, живым замурован в тюрьму. Царица Екатерина уничтожила Митрополита Исповедника - и хохотала, и хохот ее слышен в России и сегодня в хохоте коммунистов...

Обо всем этом читатель узнает из этой моей монографии.

Труд Иерархов-украинцев в Русской Церкви - большой и кропотливый труд, в украинской литературе совсем мало разработанный. А знать его мы должны, и я на примере Митрополита Арсения и хочу обстоятельно его показать.

Особенно уничтожались и преследовались люди большого ума. Так архиепископ Новгородский был посажен на кобылу, которую Иван Грозный назвал "архиепеевой женой", сказав: "Ты не архиепископ, а скоморох". И погнали его кнутами, при стечении народа, в Москву. Вот такими методами пытались победить свободу слова, свободу мысли, свободу поведения. Ведь мы помним, что в Новгороде Архиепископа избирал народ!..

"Фикция существования высокой нравственности на низкой ступени культурного развития историей опровергается... Наивные москвичи считают себя выше всех других людей. Они щедро раздают обещания, которых вовсе и не думают выполнять. Между ними самими абсолютное отсутствие доверия. Отец остерегается сына, сын не доверяет матери, и без залога никто не даст займы ни одной копейки. Это отмечают немцы Бухау и Ульфельд, швед Персон и литвин Михалон... их слова подтверждаются англичанами Флетчером и Дженкинсом: "Можно сказать по справедливости..., что от мала до велика, за крайне редкими исключениями, русские не верят тому, что им говорят, и сами не заслуживают ни малейшего доверия...". Но они идут еще дальше и отмечают черту, на которую я уже указывал - это жестокость. Флетчер, правда, извиняет ее, поясняя: "Народ, с которым обращаются сурово и жестоко правители и высшие классы, становится сам жестоким с равными себе и особенно с более слабыми...". Это явление, наблюдаемое в истории среди всех варваров, но в этом крае в более сильной степени... Напрасно национальные историки в данном случае старались свалить всю вину на монгольское нашествие, которое будто бы испортило нравы, развратило народ, приучило его к насилию и лукавству".

XXX

Дидро о «Приказе» Екатерины II для депутатов комиссии по заключению законов: «Русская императрица, без сомнения, является деспотом».

«Заслуги» Екатерины II перед украинским народом:

1762 — 1763 гг. — Екатерина II издала два манифеста об иностранной колонизации Украины-Руси: вербовались сербы, болгары, молдаване, немцы из Пруссии, Австрии и других стран. Иностранцам предоставляли по 65 десятин земли на душу, освобождали от налогов. Украинцы обязаны были бесплатно выделять подводы для перевозки своих будущих помещиков.

1763 г. — указ Екатерины II о запрещении преподавания на украинском языке в Киево-Могилянской академии.

1764 г. — инструкция Екатерины II князю О. Вяземскому о русификации Украины, Прибалтики, Финляндии и Смоленщины.

1764 г. — отмена Екатериной II украинского гетманства, а с ней — ликвидация украинских учебно-культурных учреждений и отстранение от власти украиноязычных чиновников.

1764 г. — отмена украинского государства Гетманщина.

1765 г. — ликвидация Екатериной II казацкого уклада на Слобожанщине и казацких школ.

1766 г. — Синод издал строгий указ Киево-Печерской лавре печатать только книги, печатающиеся в московской типографии и апробированные Синодом.

1768 г. — подавление московскими войсками антипольского восстания на Правобережной Украине-Руси под предводительством Гонты и Зализняка, известного под названием Колиивщина, после их коварного и предательского захвата москалями, воевавшими в то время с поляками.

1769 г. — приказ Синода, согласно которому украинские книги в церквях были заменены московскими.

1769 г. — Синод Русской Православной церкви запретил Киево-Печерской лавре печатать буквари на украинском языке и приказал отобрать у людей буквари, которые были уже на руках.

1775 г. — коварное нападение московских войск на Запорожскую Сечь и разрушение ее после решающей помощи запорожцев москалям в московско-турецкой войне 1768 — 1774 гг. Ограбление казаков, захват их имущества и высылка многих из них в Сибирь. Закрытие украинских школ при полковых канцеляриях. Двадцатипятилетнее заключение на Соловках последнего кошевого атамана Петра Калнишевского до самой его смерти в 1803 году в возрасте 112 лет.

1777 г. — план выселения крымских татар из Крыма, украинцев — из Украины, а на обжитые ими места — переселение москвитов из Московии. Для осуществления этого плана А. Суворов за считанные дни выселил с юга Украины 32 тысячи человек мужского пола.

1777 г. — после смерти от преследований и нищеты гениального украинского композитора, академика Болонской музыкальной академии Максима Березовского (род. в 1745 г. в Слухове) правительство Екатерины II запрещает исполнять его произведения и уничтожает многие из его рукописей.

1780 г. — сжигание библиотеки Киево-Могилянской академии, которая собиралась свыше 150 лет и была одной из самых богатых библиотек в Восточной Европе.

1781 г. — уничтожение остатков казацкого самоуправления на Левобережье и введение русской системы управления в 1783 г.

1782 г. — Екатериной II создана комиссия для основания в России народных училищ, задачей которых было введение единой формы обучения и преподавания исключительно на русском языке во всех школах империи.

1783 г. — закрепощение крестьян Левобережной Украины.

1784 г. — в 1747 г. на территории семи полков Гетманщины (о трех сведения не сохранились) было 866 украинских школ, то есть, на каждую тысячу населения приходилась одна школа. Под конец века количество населения возросло втрое, а количество школ уменьшилось вдвое, среди них украинских не было ни одной.

1784 г. — Синод приказывает митрополиту Киевскому и Галицкому Самуилу наказывать студентов и увольнять с работы учителей Киево-Могилянской академии за отступление от русского языка.

1785 г. — Приказ Екатерины II по всем церквям империи править службу Божью на русском языке. Русский язык введен во всех школах Украины.

1786 г. — Синод снова приказывает митрополиту Киевскому контролировать Лаврскую типографию, чтобы никакой разницы с московскими изданиями не было, а в Киево-Могилянской академии немедленно ввести систему обучения, узаконенную для всей империи.

1789 г. — в Петербурге по инициативе Екатерины II издан "Сравнительный словарь всех языков", в котором украинский язык значится как русский, искаженный польским.

1793 г. — москали подавили восстание в селе Турбаи и жестоко расправились с крестьянами: более двух десятков крестьян умерли, не выдержав пыток, или были расстреляны, остальные после наказания плетью были сосланы в Сибирь или в другие губернии.

(газета "День", №159, 21.09.2006)

Образование у меня высшее. Я, как и автор этого романа-исследования, по специальности – инженер-строитель. Окончил Одесский инженерно-строительный институт. Сейчас – преподаватель этого ВУЗа.

Я, конечно не столь наивный, как могло показаться. Что-то знал, где-то догадывался, что в нашей общей истории не всё так просто и однозначно. Знал, что Пётр I украл у нас старое название нашей страны и повелел Московское государство именовать Российским, но то, что Екатерина II уничтожила все старинные летописи – для меня явилось откровением. Может быть, поэтому всё никак не могут найти знаменитую библиотеку Ивана Грозного? Если действительно все документальные раритеты прошлого уничтожила Екатерина II, то это преступление перед последующими поколениями. Мне жаль россиян. Как по мне, то лучше быть наследником Великой татаро-монгольской империей, чем Иванами безродными со сфальсифицированной историей и с украденным названием страны.

В.Белинский

xxx

Характеристика А. С. Пушкина: "Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Одобренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. От канцлера до последнего протоколиста все кралю, и все было продажно".

Ххх

А. М. Тургенев: "По осмотре предназначенного в высший сан наложника матушке-государыне лейб-медиком Роджерсоном и по удостоверению представленного годным на службу относительно здоровья препровождали завербованного к Анне Степановне Протасовой на трехнощное испытание. Когда нареченный удовлетворял вполне требованиям Протасовой, она доносила все милостивейшей государыне о благонадежности испытанного. На другой день после первого свидания с императрицей, новопоставленного наложника вели в приготовленные для него чертоги, где ему докладывали о назначении флигель-адъютантом, подносили мундир с бриллиантовым аграфом и 100 000 рублей карманных денег. Митрополит приезжал к фавориту на другой день для посвящения его и благословлял святой водой".

Ххх

Прусский посланник Сольмс уже доносил в Берлин: "Не могу более сдерживаться и не сообщить Вашему Величеству об интересном событии, которое только что случилось при этом дворе. Отсутствие графа Орлова обнаружило весьма естественное, но, тем не менее, неожиданное обстоятельство: Ее Величество нашла возможным обойтись без него, изменить свои чувства к нему и перенести свое расположение на другой предмет. Конногвардейский корнет Васильчиков, случайно отправленный с небольшим отрядом в Царское Село для несения караулов, привлек внимание своей государыни, совершенно неожиданно для всех, потому что в его наружности не было ничего особенного, да и сам он никогда не старался выдвинуться и в обществе очень мало известен. При переезде царского двора из Царского Села в Петергоф Ее Величество в первый раз показала ему знак своего расположения, подарив золотую табакерку за исправное содержание караулов. Этому случаю не придали никакого значения, однако частые посещения Васильчиковым Петергофа, заботливость, с которой она спешила отличить его от других, более спокойное и веселое расположение ее духа со времени удаления Орлова, неудовольствие родных и друзей последнего, наконец, множество других мелких обстоятельств открыли глаза царедворцам. Хотя до сих пор все держится втайне, никто из приближенных не сомневается, что Васильчиков находится уже в полной милости у императрицы; в этом убедились особенно с того дня, когда он был пожалован камер-юнкером".

Ххх

Гельбич рассказывает, что Екатерина вышла в приемную, куда там находились все три назначенные к аудиенции претендента. Каждый из них стоял с букетом цветов, и она милостиво беседовала сначала с Бергманом, потом с Ронцовым и, наконец, с Корсаковым. Необычайная красота и изящество последнего покорили ее. Екатерина милостиво улыбнулась всем, но с букетом цветов отправила к Потемкину Корсакова, который сделался следующим фаворитом. Из других источников известно, что Корсаков далеко не сразу достиг желанного положения. Вообще в 1778 году Екатерина пережила своего рода нравственный надлом и увлекалась сразу несколькими молодыми людьми. В июне англичанин Гаррис отмечает возвышение Корсакова, а в августе говорит уже о его соперниках, которые стараются отбить у него милости императрицы; их поддерживают с одной стороны Потемкин, а с другой Панин вместе с Орловым; в сентябре Страхов, "шут низшего разбора", одерживает над всеми верх, четыре месяца спустя его место занимает майор Семеновского полка Левашев, молодой человек, покровительствуемый графиней Брюс. Затем Корсаков опять возвращается к прежнему положению, но борется теперь с каким-то Стояновым, любимцем Потемкина. В 1779 году он наконец одерживает полную победу над своими конкурентами, становится камергером и генерал-адъютантом. Гримму, который считал увлечение своего друга обычной прихотью, Екатерина писала: "Прихоть? Знаете ли вы, что это: выражение совершенно не подходит в данном случае, когда говорят о Пирре, царе Эпирском (так Екатерина называла Корсакова), и об этом предмете соблазна всех художников и отчаянья всех скульпторов. Восхищение, энтузиазм, а не прихоть возбуждают подобные образцовые творения природы... Никогда Пирр не делал ни одного неблагородного или неграциозного жеста или движения... Но все это, в общем, не изнеженность, а, напротив, мужество, и он таков, каким бы вы хотели, чтобы он был..." Кроме своей изумительной внешности Корсаков очаровал императрицу своим чудным голосом. Царствование нового фаворита составляет эпоху в истории русской музыки. Екатерина приглашала в Петербург первых артистов Италии, чтоб Корсаков мог петь с ними. Она писала Гримму: "Никогда я не встречала никого столь способного наслаждаться гармоническими звуками, как Пирра - короля Эпирского". К несчастью для себя, Корсаков не сумел удержаться на достигнутой высоте. Однажды в начале 1780 года Екатерина застала фаворита в объятиях своей подруги и наперсницы графини Брюс. Это сильно охладило ее пыл, и вскоре место Корсакова занял 22-летний конногвардеец Александр Ланской.

Ххх

Канцлер Екатерины II, граф Безбородко: "Что дела!.. Они сами по себе идут. Господин Платон Зубов дела расписал по тысяча семьсот девяносто седьмой год. К сему году для учреждения торговли с Индией граф Валерьян Зубов займет гарнизоны все важные места

в Персии и Тибете. Суворов пойдет через Андрианополь к турецкой столице, для чего и флот готовится. Китай тоже собираются усмирить...".
Николай Равич "Две столицы", стр.300./

Ххх

А.В. Храповицкий, статс-секретарь Императрицы Екатерины II:
"1792 год, 26 января. Еще спрошены пакеты, и нашли проект Потемкинской о завоевании Персии, которого искали; - бумаги сии взяли и у себя оставили".
/"Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II". г. Москва, 1862 год./

Ххх

В "Записках Александра Михайловича Тургенева" сообщается, что во время осады Очакова, "когда войско умирало от холода, голода и житья в землянках, князь Потемкин в главной квартире своей, в лагере, давал балы, пиры, жег фейерверки..., куртизанил с... бывшею прачкою в Константинополе, потом польской службы генерала графа Витта женою, потом купленною у Витта в жены себе графом Потоцким и, наконец, видевшей у ног своих обожателями министров и королей; будучи уже в преклонных летах, графиня София Потоцкая была предметом внимания даже Александра Павловича".

Ххх

Игорь Литвин. «Затерянный мир, или малоизвестные страницы белорусской истории»

Когда после первого раздела Речи Посполитой прошло два десятка лет, территории были переделены во второй раз. Начавшееся восстание под руководством Тадеуша Костюшко подавлялось с особой жестокостью. В 1794 года армия Суворова свирепствовала в Беларуси и Польше. Суворовские выродки расстреливали мирных жителей Кобрина и Малориты. На подступах к Варшаве они уничтожали все живое на своем пути. В варшавском пригороде -- Пражском предместье было расстреляно все население. В самой Варшаве русские солдаты на копьях и штыках по улицам носили младенцев. Возможно, поляки это будут помнить всегда.

Ххх

А.Ланжерон про П.Зубова.

«Каждый день, с восьми часов утра его передняя наполнялась министрами, царедворцами, генералами, иностранцами, просителями, искателями мест или милостей. Обыкновенно тщето ждали часа четыре или пять и уходили, чтобы вернуться на другой день. Наконец, наступал желанный день: двери широко раскрывались, толпа бросалась в них и находила фаворита, которого причесывали сидящим перед зеркалом, опершись ногой на стул или край стола. Посетители, поклонившись в ноги, осыпанные пудрой, становились в ряд перед ним, не смея ни шевельнуться, ни говорить. Фаворит никого не замечал. Он распечатывал письма и прослушивал их, старательно делая вид, будто занят делами. Никто не смел заговорить с ним. Если он обращался к кому-нибудь, тот, после пяти-шести поклонов, приближался к его туалету. Ответив, он возвращался на свое место на цыпочках. Те, с кем Зубов не заговаривал, не могли подойти к нему, так как он не давал частых аудиенций. Я могу удостоверить, что были люди, по три года приходившие к нему, и не удостоившиеся ни одного слова...»

Ххх

Продолжатели дела ...

"У меня уже началась вырабатываться собственная геополитическая концепция. Я не хочу ей давать свое имя, допустим, формула Жириновского, но последний "бросок" на юг, выход России к берегам Индийского океана и Средиземного моря - это действительно задача спасения русской нации...

"Возникла идея последнего "броска" - последнего потому, что это, наверное, будет последний передел мира, и его нужно совершить в состоянии шоковой терапии, внезапно,

быстро, эффективно. "Последний бросок" на юг. Как я мечтаю, чтобы русские солдаты омыли свои сапоги теплой водой Индийского океана и навсегда перешли на летнюю форму одежды. Легкие ботинки, легкие брюки, гимнастерки с короткими рукавами, без галстука с открытым воротом, легкие пилотки. И маленький современный русский автомат, выпускаемый Ижевским заводом. Эти автоматы намного лучше, чем УЗИ. Чтобы любой взвод русских солдат мог навести порядок на любом пространстве".

"...мы совершим этот последний "бросок" на юг. Он очень нужен нам, это то самое лекарство, которое необходимо принять. Лекарство не всегда бывает сладким. Может быть, это не понравится кому-то в Кабуле, в Тегеране, в Анкаре. Но миллионам людей от этого станет лучше".

В.Жириновский

Ххх

Слова из гимна Русского национального единства:

"Нам не страшны ни пули, ни снаряды,
Мы верим в то, что сможем победить:
Ведь в мире должен быть один Порядок
И он по праву Русским должен быть".

Ххх

Людмила Воронкова. Одесса: История одного памятника от казармы – к монументу. Газета «Сегодня»

Граф Платон Зубов — последний фаворит императрицы Екатерины II, Новороссийский генерал-губернатор, при котором строилась Одесса. "Все ползало у ног Зубова, он один стоял и потому считал себя великим", — писал современник. В его подчинении был Суворов, который впоследствии выдал свою дочь замуж за одного из трех братьев Платона Зубова — Николая. А генерал-поручик Голенищев-Кутузов, будущий фельдмаршал и спаситель России, за час до пробуждения Зубова варил собственноручно особенным способом кофе... ему в спальню. Братья Платона — Дмитрий, Валериан, Николай, были в числе тех, кто расправился с Павлом I. Сам Платон Зубов нанес императору первый удар — табакеркой по голове. Первая пристань одесского порта носила его имя — "Платоновская". Сегодня ничто в Одессе не напоминает о нем

Ххх

Саймон Себаг-Монтефиоре

В 1930 году молодой писатель Борис Лавренев приехал в Херсон, свой родной город, навестить больного отца. Проходя через крепость, он увидел на церкви табличку: «Музей атеизма». Он вошел — в стеклянной витрине темнело «что-то круглое, коричневое». Предмет оказался черепом, а поясняющая надпись гласила: «Череп любовника Екатерины II Потемкина». В соседней витрине стоял скелет с остатками мышц: «Кости любовника Екатерины II Потемкина». В третьей лежала одежда Потемкина — остатки зеленого бархатного кафтана, белых панталон, чулок и туфель.

Ххх

<http://yareparhia.ru/>. Официальный сайт Ярославской Епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата

«Совсем недавно 13 марта в календаре Православной церкви была обозначена память исповедника, святителя Арсения Мацеевича, митрополита Ростовского. Именно Владыка Арсений положил начало не только Ярославской Духовной семинарии, но и финифтевому промыслу в Ростове Великом. Святитель Арсений обучил некоторых живописцев (иконописцев) своего ростовского архиерейского дома мастерству живописи по эмали. Со временем эти произведения, сделанные в небольшой мастерской использовали для украшения архиерейского облачения и утвари и стали называть словом финифть. Другое событие было колоссальным по значению. В 1752 году были обретены святые мощи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, а в 1757 году состоялась

канонизация этого святого. Вновь, как когда-то в веках, Ростов стал русским духовным центром, а также местом оживленного паломничества. Предприимчивые ростовцы сдавали тогда комнаты и квартиры, а все приезжие хотели взять что-нибудь с собой на память о приезде в Ростов. Вот тут и пригодилось умение мастеров по эмали из архиерейского дома. Они стали писать финифтяные изображения святителя Димитрия, а заодно и других, прославленных в течение столетий ростовских святых. Мастерство художников окрепло, и вскоре вся православная Россия стала снабжаться финифтяными иконами из Ростова. Спустя время в этом поистине народном до сих промысле стало работать больше сотни человек из Ростова. Без сомнения, в лице святых Димитрия и Арсения, ростовские художники по финифти обрели своих небесных покровителей.

Новая императрица Екатерина освободила дворян от обязательной государственной службы, забыла одновременно освободить служивших им крестьян. Православную церковь она решила полностью подчинить государственным интересам. Никто не сопротивлялся, кроме святителя Арсения. Он, вероятно, никогда, не поступался тем, во что верил. Дело приняло политический оборот, и святой был лишен сана митрополита Ростовского и был отправлен в ссылку в Архангельский край. Это было в 1763 году, а затем независимость суждений и поведения святителя побудили императрицу поступить с ним еще более жестоко. В Таллинне, в крепостной башне он был безвыходно заточен и погиб от голода, когда его перестали кормить. Никогда не боявшийся труда и лишений, находившийся на высоте престола митрополита Ростовского, священномученик Арсений нашел в себе силы и желание повторить подвиг древних затворников и юродивых. Преданный политическому забвению в Российской империи он был посмертно восстановлен в достоинстве митрополита Ростовского на Поместном соборе Русской церкви в 1917-18 годов, а на таком же соборе в 2000 году был причислен к лику святых. Как видим, кроме Небесной славы, святитель Арсений оставил значительный след в истории и культуре древнего и священного Ростова.

Придел в честь Святителя Арсения находится в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы города Ростова Великого. В этот день исполняется 235 лет со дня праведной кончины исповедника, святителя Арсения Мацеевича, митрополита Ростовского».

*